

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№1/2022

16+

1

ЮНОСТЬ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
АНП «Реданция журнала
«Юность»»

«ЮНОСТЬ» —
зарегистрированный
товарный знак.
Правообладатель —
АНП «Реданция журнала
«Юность»»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Сергей Александрович
Шаргунов

Выпуск издания
осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым
коммуникациям

Лиц. Минпечати №112.
ISSN 0132-2036

Наша почта:
unost-org@mail.ru

Наш сайт:
unost.org
юность.рф
Мы в социальных сетях:
facebook.com/unost
vk.com/zhurnaliunost
Instagram/@zhurnaliunost

Адрес редакции:
125047, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1

Для почтовых отправок:
125047, Москва,
а/я 182, «Юность»

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-40-74,
+7 (495) 250-40-95

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Ильдар Абузьяров
Зоя Богуславская
Алексей Варламов
Анна Гедымин
Сергей Гловюн
Борис Евсеев
Тамара Жирмунская
Елена Исаева
Владимир Ностров
Нина Краснова
Татьяна Кузовлева
Евгений Лесин
Юрий Полянов
Георгий Прякин
Елена Сазанович
Александр Соколов
Борис Тарасов
Елена Тахо-Годи
Игорь Шайтанов

Реданция не имеет
возможности вести
переписку с авторами.
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут
ответственность
за достоверность
предоставленных
материалов.
Мнения автора
и редакции могут
не совпадать.
При перепечатке
материалов ссылка
на журнал «Юность»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей Шаргунов
Вячеслав Ионовалов
Яна Нухлиева
Евгений Сафронов
Татьяна Соловьева

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР
Юлия Сысоева

РАЗРАБОТКА МАШЕТЫ
Наталья Агапова

ВЕРСТКА
Наталья Горяченнова
ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР
Людмила Литвинова

Подписные индексы:
каталог «Почта России» —
П1972,
объединенный каталог
«Пресса России» — 71120

Отпечатано
в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва,
ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс:
+7 (495) 619-08-30,
+7 (495) 647-01-89
E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3500 экз.
Формат: 60×84/8
Заказ №

«ЮНОСТЬ»
© С. Красауснас. 1962 г.

На 1-й странице обложки
рисунок
Нюси Красовицкой
«Связь»

ТЕМА НОМЕРА: ОТЦЫ И ДЕТИ

- 6 ВЕРА БОГДАНОВА
КОГДА ОНА СТАНЕТ ХОРОШЕЙ
- 10 АРИЭЛЬ ГОРОДЕЦКИЙ
ГОРОДА
- 13 ИГОРЬ МАСЛЕННИКОВ
«ЛЕПЕСТОК-1»
СЕРЫЙ ДОМ
- 20 ИГОРЬ МАЛЫШЕВ
- 25 ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ
- 28 ДЕНИС ЖУРАВЛЕВ
ТРУС ВО СПАСЕНИЕ
- 30 ЕЛЕНА ТОЛСТОВА
Я ВЕРНУЛСЯ...
- 32 ЗАРИНА ЭРНАЗАРОВА
ДУХ ЗЕРНА
- 34 НАТЕРИНА БОГДАНОВА
ДЕД

ПОЭЗИЯ

- 38 МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ
- 42 ОЛЕГ МОШНИКОВ

ПРОЗА

- 46 МИХАИЛ БАЛАБИН
ТОНЯ
- 58 МИХАИЛ МАКСИМОВ
ПИШУЩАЯ МАШИНА (ЦИКЛ ОДНОСТРАНИЧНЫХ ЗАПИСЕЙ)

ЗОИЛ

- 64 ДАВИД ШАХНАЗАРОВ
 ОДИССЕЯ В ПОИСКАХ НАЙФА
- 69 МРШАВНО ШТАПИЧ
 ИДИОТАМ ДОСТАТОЧНО НЕМНОГО ПОДОБРЕТЬ

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СТЕНД

- 74 МИР ЛИТЕРАТУРЫ. ЮНОСТЬ
- 80 РОМАН ГЕРАСИМОВ
- 82 РОДИОН КРАЕВ
- 86 ЕКАТЕРИНА ИОНОВА
- 89 ДАРЬЯ ЗИМИНА
- 93 ДАРЬЯ МАШЕВСКАЯ
- 97 АЛЕНА ПОРУБОВА
- 98 АННА АРТЕШИНА
- 100 ГАЛИНА БЕКЕТОВА
- 102 ЯНА ПАВЛЮК
- 104 МАРИЯ РЯБКОВА
- 106 ТАИСИЯ КСЕНОФОНТОВА

НЕФОРМАТ

- 110 МИХАИЛ ГИГОЛАШВИЛИ
 УГОЛОК ФИЛОЛУХА
- 118 АНТОН МАРИНИН
 АВТОРСТВО НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ

ТЕМА НОМЕРА: ОТЦЫ И ДЕТИ

КОГДА ОНА СТАНЕТ ХОРОШЕЙ

РАССКАЗ

ВЕРА БОГДАНОВА
Родилась в 1986 году
в Москве. Писатель,
переводчик, литературный
обозреватель. Финалист
премий «Нацбест» (2021)
и «Лицей» (2020), облада-

тельница специального приза
журнала «Юность». Пишет
о переводных новинках
для «Афиша Daily», статьи
публиковались в журналах
«Горький», «Прочтение»,
«Новый мир».

На новогодние каникулы Леночка ездит к маме.

Бабушка надевает на Леночку теплые колготы с выпуклой полоской, джинсы, свитер с Микки-Маусом – зеленым почему-то, – заплетает Леночке косичку, вручает банку сливового варенья, провожает до метро. Когда Леночке исполнилось девять, мама сказала, что уже можно и самой доехать: одна лишь пересадка, а дальше до конца ветки, сразу у выхода метро конечная автобуса, до остановки, по счету седьмой, там мама встретит.

Автобус Леночка находит сразу. Садится на бугристый дерматин сразу за спиной водителя, к окну, дышит на стекло, вытапливая проталину побольше, через которую пока видны лишь фонари и яркий, обведенный лампами абрис «Союзпечати».

Рядом садится тетенька. На ней плотное пальто – плохо гнущаяся драповая труба – и каракулевая шапка, тоже цилиндрическая, как обрезок трубы поменьше. Сумку с надписью Russia тетенька ставит на колени, протирает носовым платком запотевшие очки. Убирает носовой платок в карман, достает другой, сморкается.

- Ты куда одна? – спрашивает она, шурясь на Леночку.
- К маме, – отвечает Леночка. – Мне до ДК. Седьмая остановка.
- Я тебе скажу, когда выходить, – кивает тетенька. Леночка тоже кивает, сидит и ждет.

Она вообще-то знает, где ей выходить, все-таки уже второй раз едет – первый был на майских в том году. Но с тетенькой не спорит. С тетенькой рядом ей спокойнее немного, драп и мех как будто поглощают звуки, особенно со стороны прохода, где теснятся пассажиры, вы мне ногу отдавили, выходить на следующей будете, дайте тогда пройти, не толпитесь у выхода, люди.

Двери с шипением закрываются, автобус трогается. Мир катится за автобусным, пропитанным бензином духом боком. Мокрые дрожащие звезды фар проносятся парами, совсем как в хороводе, который Леночка с классом танцевали на хореографии. Вывески, понятные частями: «укты» и «цве ы», по тротуару бредут укутанные тени, подсвеченные снизу свежим снегом, подхваченные ветром. Тетенька следит, куда едет водитель, и вид у нее целеустремленный, как у капитана на обложке Жюль Верна.

Мама ждет на остановке. Не улыбаясь, она перехватывает пакет с банкой варенья, меряет взглядом сначала банку, после Леночку. В зимнем тлении фонарей ее лицо делается цвета и структуры пемзы, на губах красная помада, а вокруг губ морщинки, которые не расправляются, даже когда мама говорит:

– Пошли, Лен. Не тормози.

Мама идет, чуть подавшись вперед, будто что-то волочит. Так первоклашки несут в школу рюкзаки –

портфели в половину роста, и нужно немного наклоняться вперед для равновесия, иначе упадешь. Лена идет за мамой, старается не отставать, прыгает в глубокие мамины следы – дороги во дворах не чистили, и снега намело по шиколотку.

У мамы новая семья. Новый Муж раньше работал на рынке, теперь таксует по ночам. Еще у них Новая Девочка, она живет в маленькой комнате. Когда Лена видела ее в последний раз, она умела лишь лежать и плакать, но теперь покрупнела. Заметив маму с Леной, она встает в кровати и раскачивает ее, держась за бортик и грозя перевернуть. Разувшись, мама уходит к Девочке, берет ее на руки, закрывает дверь спальни за собой.

Лена раздевается. Встряхивает куртку, и линолеум пятнает снег, который быстро тает, смешивается с талой грязью с Лениных сапог. Из большой комнаты появляется мамин Новый Муж.

– Привет, – подмигивает он, вручает Лене «твикс», а сам обувается – снова уезжает.

«Твиксу» Лена очень рада – бабушка такое не покупает, иногда приносит плитку шоколада, когда ей дарят, но тот обычно горький, с мелкой рудой орехов и балериной на обертке, Лена такой не очень любит. К Новому Мужу она относится лучше, чем к горькому шоколаду. Он вроде бы *нормальный*: много улыбается – за себя и за маму сразу, часто шутит и не пьет.

Новый Муж уходит, а Лена перебирает на мамином серванте косметику и прочие магические вещи для особых ритуалов, которые могут совершать лишь взрослые женщины, прекрасные, пахнущие духами, пудрой и цветами, одетые, как в «Бурда Моден». Духами Лена душит, причем сразу тремя. Может помадой губы. «Насыщенный сливовый» ей не очень-то идет, как и оттенок «сатиновый алый». Услышав мамины шаги из коридора, Лена быстро вытирает рот, размазывая сатиновый алый и насыщенный сливовый по тыльной стороне ладони (теперь на языке горько от духов), задвигает ящик.

– Лен, иди есть. Я рассольник разогрела.

– Рассольник?

Рассольник с перловкой иногда дают в школе на обед: зеленовато-рыжее варево, подернутое тонкой пенкой. В такие дни Лена обходится вторым.

– Другого нет.

Мама помешивает суп в кастрюле, пробует с ложки, оставляет булькать на маленьком огне. На столе лежит раскрытый детектив, текстом вниз, мягкой обложкой вверх, уголки закручиваются, как после бигуди. Мама углубляется в него. Лена садится на табурет у клетки с хомячком, и хомячок бежит, бе-

жит, бежит к ней в колесе. Колесо погромыхивает, хомячок косит на Лену загнанным безумным глазом. Лена болтает ногами в такт, потом раскачивается вместе с табуретом. Скучно. Но она привыкла ждать.

Рассольник закипает. Мама откладывает книгу, выключает газ и наливает – полтора половника себе, полтора Лене. Ставит тарелки на стол.

– Мам, да я не буду... – Лена хочет сказать, что она не голодна, но мама понимает все иначе.

– Упертая, в отца вся, – бросает поверх книжки разочарованный взгляд.

Это плохо, понимает Лена, быть в папу, потому что с папой у мамы непростые отношения еще с тех самых пор, как он запил.

Отца, вечно небритого и громкого, Лена давно не видела – она живет у бабушки лет с четырех. Помнит только кисловатый спертый воздух мытищинской квартиры, запахи масляной краски, скипидара, подписки Пикуля и Льва Толстого, спирта в рюмках, сигарет. Неужто и от нее семья будет бежать в ночи в пуховике, наброшенном на пижаму, ловить машину на шоссе – скорей, скорей, пока он не проснулся, – ехать к Тете или Бабушке? Она не хочет так, она же не такая вовсе.

Она хочет быть хорошей. Когда-нибудь она ей станет, и мама заберет ее совсем, поселит в комнате с Новой Девочкой. Там есть диван, в той комнате, он стоит рядом с Девочкиной кроватью, и Лене на нем всегда спокойно спать. Жаль, редко получается.

Лена ест. Вкус у рассольника даже ничего, если о нем не думать. Если просто глотать, следя, как снег вальсирует в черном переломе космоса снаружи.

Недавно Лене подарили энциклопедию про астрономию. Как оказалось, в центре Млечного Пути есть черная дыра массой в четыре миллиона Солнц. Сила притяжения этой дыры так велика, что с ее поверхности не улетает даже свет. Поэтому она абсолютно черная. Непроглядная ловушка для всего.

– Лена молодец. Одни пятерки за полугодие, Аня, смотри, как надо заниматься, – говорит Тетя.

Аня, двоюродная Ленина сестра, куksится, а Лене неудобно, хоть похвала приятна.

В мае, в последний день учебы, Лена получила грамоту за «отличные успехи» – это легко, не правда ли? Не получила она грамоты, вот тут-то все бы удивились, ведь Лена – это синоним пятерки и зубрилы. А спустя месяц-два любой успех теряет значимость, и Лена снова погружается в топкое и темное ничто, уходит за горизонт событий, где нет ни звука.

Мама не отвечает, стоит, привалившись к стене, накрыв рот рукой. Аня машет из спальни. Ленка машет ей в ответ. Ей очень неудобно, что так вот вышло. Не будь ее здесь, Аня бы сейчас спала.

– Лена башковитая у нас, – кивает мама и идет на кухню, разгружать пакет.

Ей помогает Вторая Бабушка, звенят бутылки – мама шампанское купила, долго выбирала в магазине. Шуршат пакеты и бумага, в которую на рынке завернули палку копченой колбасы. Мама рассказывает, как она сама в школе была хороша в математике, поэтому к математике у Лены талант врожденный и вроде бы уже немного не ее, а мамин.

Тетя, Дядя, Аня и Вторая Бабушка живут в ламповом хаосе, резко пахнущем котами, старыми обоями, табачным дымом. Обувь свалена у входа, на крючках столько вещей, что повесить сверху куртку невозможно, приходится класть ее на тумбочку под зеркалом. Пол скрипит, шкафы приоткрыты, показывают тряпичные языки, у окна навалены коробки, в которых тоже вещи. Лена осталась бы жить в этом пропитанном семейной жизнью беспорядке. Забилась бы за коробки с бельем, зарылась в кучу пыльного тряпья в углу, устроилась на подоконнике рядом с кошкой – почему она сама не кошка? Бродила бы целыми днями по квартире, смотрела из окна на кухню. Ее бы гладили и кормили, просто так, потому что она – это она.

Они с Аней картошку с котлетами не будут – не-а, есть не хочется, – потом тихонько тащат бутерброды с копченой колбасой и шоколад из коробки ассорти, пока мама и Тетя со Второй Бабушкой заливаются шампанским. Потом Дядя уезжает, он тоже работает в ночную смену, но не таксистом, а в метро. Лену с Аней укладывают спать – Аню на нижний ярус кровати, Лену на верхний. Они спать не хотят, ерзают, бегают по очереди в туалет («да сколько можно бегать, не слышишь меня совсем, сил

нет с тобой, вся ты в отца, ложись спать уже, да сколько можно»). Мама, Тетя и Вторая Бабушка курят на кухне, о чем-то тихо говорят. Под их разговоры, чувствуя легкий привкус дыма в воздухе, Лена засыпает.

Ее будит назойливый звонок в дверь.

За окном еще темно, на будильнике час ночи. Слышен встревоженный шепот. В коридоре вспыхивает свет, бьет Лене по глазам, а звонок бьет по ушам, снова. Кто-то снаружи держит кнопку и не отпускает, грохает по двери кулаком.

– Кто там пришел? – снизу шепчет Аня.

– Не знаю, – отвечает Лена.

Очень хочется спуститься и забраться в шкаф, уйти за Тетины платья и пальто, переждать там в мягкой, спокойной темноте.

Но дверь уже открыли. В квартиру прокрадывается подъездный сквознячок.

– Ленка где? – слышен особый голос папы, он говорит таким, когда приходит от друзей.

Дальше мама с папой спорят: мама говорит, что Ленка в порядке, папа не верит, он собирается Ленку увезти. Он много раз ей говорил не забирать Ленку, ты поняла, овца, ты поняла меня?

– Час ночи! Придурок, ты куда ее везти собрался? Спит она!

Грохот, треск – будто деревянную планку сломали пополам. Секунда слепящей тишины, потом мама и Тетя запоздало ахают. Дачтожтыделаешь, вопит Вторая Бабушка с пьяным трагическим надрывом.

– Ленка! – Папа кричит из коридора, а Ленка приотворяется, что все же спит, хотя как под такое уснешь? Может, не услышав ответа, папа развернется и уедет? Унесет с собой сквозняк, крики, неуют.

Но нет: как есть, в огромном пуховике и ботинках, он заходит в комнату, заглядывает на второй кроватный ярус, хватает Ленку за плечо, трясет. От него пахнет спиртом, застарелый дух, вчерашний. На лысине в венце светлых волос блестят капли, будто снег растаял.

– Ленка, вставай, поехали.

Что делать – Ленка выбирается из-под одеяла. Натягивает колготы с выпуклой полоской, джинсы, свитер с зеленым Микки-Маусом, косичку заплетать ей некогда. Обувается, поглядывая на вмятину в двери, ведущей в туалет. В разломе видна стружка соломенного цвета, дээспэшные дверинные кишки. Папа стоит, ждет, следит, как Ленка возится с молнией сапог.

– Мам, пока.

Мама не отвечает, стоит, привалившись к стене, накрыв рот рукой. Аня машет из спальни. Ленка машет ей в ответ. Ей очень неудобно, что так вот вышло. Не будь ее здесь, Аня бы сейчас спала.

В папиной «девятке» душно и накурено, пахнет бензином, как в автобусе, только сильнее. Еще пахнет мокрой псиной. Чтобы не укачало, Ленка смотрит перед собой и дышит на раз-два.

— Чо недовольная такая? — спрашивает папа. — Вся в мать.

Ленка молчит, немного подбирается. Ей больше хочется быть как Тетя с Дядей, но ей, наверное, не судьба.

Бабушка, кажется, даже не удивлена, что Ленка с папой приехали в два ночи. Ленка устала, она уходит в комнату и садится на кровать. Вот ее энциклопедия, вот кружка с холодным чаем, в нем растворены три ложки сахара, Ленка допивает его залпом.

— Мишенька, может, покушаешь?

— Не, мать, поеду. У тебя тысяча будет? Пятнадцатого перечислят, я верну.

— Да, конечно. — Слышно, как бабушка шуршит в тканевой авоське, что висит на вешалке в прихожей. Шуршит авоська, шуршат купюры.

— Ага. Ленка, пока.

— Леночка, папа уходит!

Леночка выглядывает в коридор, машет рукой. Папа кивает и уходит, утаскивая за собой табак, собачью шерсть и спирт. Леночка снимает свитер с зеленым Микки-Маусом (волосы потрескивают электричеством, липнут к лицу), джинсы. Колготы так и остаются внутри, свисают из джинсовых штанов пустыми лапками, как сброшенная хлопковая кожа. Подтянувшись, Леночка забирается с ногами на подоконник — широкий, каменный, нагретый батареей, напоминающий своим теплом о лете в Крыму. По ночному проспекту Мира плывут звездочки-машины, два потока, один по часовой стрелке, другой — против. Папина машина вырывается из арки, вливается в автомобильный млечный путь в направлении Мытиш, уменьшается, становится звездой.

Леночка сидит и ждет.

ГОРОДА

АРИЭЛЬ ГОРОДЕЦКИЙ
Родился в Москве. Окончил
Институт современного
искусства. Работал журна-
листом в «Вечерней Москве»,
в гастрономическом журнале
LavkaLavka и в других изда-
ниях.

- Астрахань.
- Норильск.
- Кенигсберг.
- Говори по человечески – Калининград, – попра-
вил его папа.

Пете всегда больше нравился Кенигсберг – он отдавал чем-то ликерным, с привкусом горького шоколада. А Калининград скорее был похож на обычную кислую клюкву.

- Ну Калининград, ладно, – исправился Петя.

Ему не хотелось спорить с папой. Тем более что он был прав: Кенигсберг – это название старое, а потому не считается. Папа хлебнул чаю, серьезно сморкнулся в платок, продолжил:

- Дмитрий.

И выдав «Дмитров», он снова залип в телик. Там крутили какую-то советскую тягомотину. Петя взял из большой древней пиалы в белый цветочек конфетку. Медленно развернул золотистую обертку. Это был «Осенний вальс». Конфеты в принципе ничего такие, но ему больше нравилась «Ласточка». «Ласточки» нравились ему с детства и так и остались его самыми любимыми конфетами. Если б он умер, он бы и в гроб положил бы себе пару «Ласточек», ну или хотел бы, чтобы кто-нибудь положил.

- Маня! – заорал отец.

- А? – откликнулась мама, которая шумела краном и трещала грязной, сваленной в раковину после ужина посудой.

- Б! Дмитрий, – сказал он, не отрываясь от телика.
- Ну Дмитрий так Дмитрий, – выдохнула она. – Ви-тебск.

«Вот всегда он так орет, как будто пожар, ей-бо-гу!» – подумал Петя. Впрочем, мама действительно очень часто забывала свою очередь, и ее то и дело приходилось окликать. Петя положил конфету в рот и хлебнул горячего чаю. Обжег язык и противно закашлялся. Сделал еще глоток. Отчетливо почувствовал неприятное дежавю. Это дежавю неприятно было в первую очередь какой-то своей бессмысленной тривиальностью. То есть ну да, было, удивили. И не пойми от чего Пете вдруг стало тоскливо и грустно. И не пойми от чего расстраивало намного больше, чем любая настоящая причина. Может, потому, что причин было очень много? Погода – промозглая. А еще забыл шарф, и будет холодно идти по проспекту домой. Работа не очень. Вот зашел к родителям повидаться, а получалась в итоге скучная тягомотина, как в телике. И вот еще язык зудит. И осенний орешек из-под конфетки вальсанул не в то горло. И город на К, как назло, не приходит в голову. «Коктебель! Не, сраный Коктебель уже был...»

- Калуга, – выдал наконец-то Петя.

Петя вздохнул и зло поджал губы. Дежавю тем временем плескалось перед ним, словно издеваясь, и все вокруг, даже самое хорошее, почти святое, показалось вдруг Пете избитым и бессмысленным. Он аккуратно свернул фантик вчетверо, затем снова развернул его и слепил шарик. Его вдруг стало невыносимо раздражать папино сёрбанье чаем. А еще его серьезные откашливания и обильные сморкания в платочек. Да и мамина суета тоже – ее усталые цоканья и ленивые охи – хоть и нечаянно, но ужасно Петю раздражали.

– Угу, – одобрил отец и задумался.

Сколько Петя себя помнил, они все время играли в города. С самого детства. Города. Города. Города. Иногда, бывало, резались в морской бой или в дурачка, но это было скорее исключением, праздником, что ли. На лавочке в парке, в машине на дачу, на пляже с кукурузкой, на койках в плацкарте, у бабушки в гостях, просто вот так, сидя на кухне и зря телик – везде царствовали города. Было только одно правило, но оно было свяшенно – играли исключительно в города России. Никаких тебе Гамбургов или Нью-Йорков с Бомбеями. Все только наше, родное.

– Александров.

Раньше Петя пытался спорить, но напрасно. С папой вообще многое было напрасно. Этим можно было даже восхищаться, находить что-то хорошее, если бы не выглядело порой таким жестоким и тупым.

– Вязьма. – Папа аккуратно и важно погладил поверхность стола, словно Вязьма значила что-то большее, чем все остальные города.

Петя украдкой поглядел на него и на автомате, как и он, уставился в ящик. Шла документальная нарезка кадров Второй мировой или типа того под заунывную классическую музыку: бегущие люди, взрывы авиабомб, прощающиеся с родителями дети.

– Архангельск.

Мама уютно хлопала шкафчиками, возилась с мисками, стучала ложками с вилками, что-то при этом напевая и бубня под нос. Петя вздохнул и зло поджал губы. Дежавю тем временем плескалось перед ним, словно издеваясь, и все вокруг, даже самое хорошее, почти святое, показалось вдруг Пете избитым и бессмысленным. Он аккуратно свернул фантик вчетверо, затем снова развернул его и слепил шарик. Его вдруг стало невыносимо раздражать папино сёрбанье чаем. А еще его серьезные откашливания и обильные сморкания в платочек. Да и мамина суета тоже – ее усталые цоканья и ленивые охи – хоть и нечаянно, но ужасно Петю раздражали.

– Ковров.

«А ведь могли бы, в конце концов, о чем-нибудь поговорить, – думал Петя. – Ну, например, вот об этом унылом фильме». Петя представил себе разговор и сразу понял, что разговора не получилось бы. И даже не потому, что фильм нудняк, а просто потому, что Петя с родителями если и говорили, то очень редко, и случалось это приблизительно так же часто, как игры в дурачка или в морской бой.

– Ну как на работе, Петя? – Мама наконец закончила убираться и села за стол. Налила себе чаю. Добавила ложечку сахарного песка. Размешала по часовой стрелке. Все как обычно.

И на работе у Пети тоже по часовой. Как обычно. Работа как работа. Когда как хреновая, когда как даже ничего. Что тут расскажешь?!

– Ничего, – ответил он.

Получилось довольно грубо, но сказать больше, чем «ничего», он не мог. Петя сделал усилие, чтобы придумать, о чем поговорить или о чем он мог бы рассказать, но в голову лезла одна дрянь. Позавчера он напился с друзьями в пивнухе, и на него опасно быковал у метро жирный хряк. Хряка быстро уgomонили его же кореша и засунули на заднее сиденье в машину, откуда он еще продолжал что-то

вякать, смешно пытаясь перекричать газанувшую вместе с ним «мицубиси». А вчера он опоздал на работу и получил выговор от старшего Ивана, отвратительного типчика с морем маленьких прыщиков на лбу. Завтра, кстати, на работу, и опаздывать нельзя, поэтому Петя бросил себя насиловать и тут же решил медленно допить остатки чая и свалить домой.

– Воркута, – брякнул папа.

– Анапа, – добавила мама.

– Я пойду уже, наверное, – сказал Петя, – завтра вставать на работу...

Мама слабо улыбнулась. Так же слабо закивала головой. От маминой улыбки и трогательного, одновременно понимающего и не понимающего кивания головой Петя совсем расстроился и пожалел, что сидит тут такой грустный, скучный и злой непонятно на что. Он вдруг понял, что разозлился не только ни за что, но и не за чем. Просто так. То есть то, что разозлился, в общем-то и ничего, но мог бы и не злиться. И даже осточертевшие города внезапно стали трогательными и нелепыми, как будто в последний раз. Чувство, что это уже было когда-то именно в таком непередаваемом порядке, вновь хлынуло ему в голову и зазвенело: было, есть, было, есть! Бубнящий телевизор. Подпрыгивающий про себя папа. Мама напротив, облокотившаяся о стол, с блуждающими по нему глазами. Все это уже было. А вот оно сейчас снова есть. И невозможно скоро уже никогда не будет. Папа внимательно посмотрел на него своими серыми водянистыми глазами.

– Анапа, спим?!

– Алушта, – медленно, словно прощаясь, сказал Петя.

Все прошло. Вернее сказать, вернулось на свое место. Петя допил чай. Хапанул с собой в дорогу пару конфет. Встал из-за стола.

– Ну ладно, мне пора.

Мама пошла его провожать, спрашивая, когда он приедет снова, и он всякий случай сказал, что, может быть, на следующей неделе, что позвонит и так далее. Петя уже стоял одетый в дверях, когда папа с кухни заорал:

– Армавир тебе в дорогу!

– Ой, подожди, Лешенька, со своим Армавиром! – крикнула мама.

Она спросила у него, все ли хорошо. Петя соврал и сказал, что да, все хорошо. Затем соврал про небольшую головную боль.

Петя уже спустился по лестнице вниз и открыл дверь подъезда, когда ему в голову врезалась Рязань. Он не удержался и сказал вслух:

– Рязань.

«ЛЕПЕСТОК-1»

ИГОРЬ МАСЛЕННИКОВ

Родился в Москве. Окончил Институт международных отношений. Работал журналистом и учителем английского языка. В городском буддистском центре изучал философию, проводил занятия по медитации. В настоящее время работает в Институте этнологии и антропологии

РАН, исследует современные

буддистские группы России. Участник резиденции Дома творчества Передельнико (2021). Участник кружка «Белкин» при Литературном институте имени Горького. Рассказы появлялись в журнале «Волга», сборнике «Настоящее время», на «Литературном радио» и т. д.

В «Википедии» написано, что название «Лепесток-1» тоже придумал главный инженер-конструктор проекта. Как и содержание капсулы. Но в действительности это не так: название придумала Катя, его дочь от первого брака.

«Лепесток-1» – это межзвездный космический аппарат. Ровно десять лет назад, тоже осенью, русское космическое агентство запустило два аппарата. Первый должен был взять пробу грунта со спутника Марса. Но случайные космические частицы пробили его компьютеры, и система управления отказала. Он провисел на земной орбите несколько недель, потом упал в Тихий океан.

Эта неудача широко освещалась в прессе, поэтому мало кто, кроме специалистов, слышал о другом аппарате; его запустили через неделю после марсианского зонда. Это и был «Лепесток-1». Из осторожности его запуск сначала хотели отменить. Но если бы его действительно отменили, пришлось бы ждать несколько лет, пока планеты снова не встанут в удобное положение для гравитационного разгона. Руководство решило рискнуть и не отменять запуск. «Лепесток» должен был отправиться в полет без возвращения за пределы Солнечной системы и оттуда передавать данные обратно на Землю.

Инженер не был примерным отцом. Он много работал, много разъезжал по командировкам. Мог перепутать, сколько дочери лет. Часто выпивал вече-

рами. Когда был женат на Катиной маме, проводил с Катей мало времени. А когда они развелись, почти перестал ее видеть. Жена сама подала на развод, но осталась ужасно обижена на инженера. Жене и дочери осталась квартира, а инженер переехал в пустующую однушку своих родителей.

Инженер несколько раз навещал Катю, но они с бывшей женой всегда начинали ссориться. Он забывал, что пришел к дочери, а та перестала выходить из своей комнаты, чтобы встретить его, потому что знала, чем все закончится. Раньше у инженера иногда получалось ужинать вместе с семьей, он знал, какие Катя композиции разучивает в музыкальной школе, а теперь и этого не было. Инженер и бывшая жена разговаривали только по телефону, но даже по телефону срывались на крик. Катя злилась на обоих родителей, но инженера она еще и почти не видела.

Однажды зимой инженер откуда-то отводил Катю домой. На пешеходном переходе взял ее за руку. Катина голая ладонь была прохладной, вялой и обветренной, как у чужого человека. Когда они перешли дорогу, Катя спрятала ладонь в кармане куртки. Инженеру было неудобно заговаривать с ней. Она каждый раз менялась за то время, пока он ее не видел. Если бы он спросил, как дела, или что ты проходишь в школе, или с кем ты дружишь, она бы отвернулась и промолчала; он это знал. Они ненадолго зашли в кафе согреться. Он вспомнил о подарке для нее

и достал из рюкзака плюшевого слона. Катя не взяла игрушку, покраснела и стала ужасно долго возиться с трубочкой для какао: надирать бумажную упаковку, вытаскивать ее, вставлять в стаканчик. Они пошли дальше, инженер нес слона под мышкой. Перед домом он опять протянул ей игрушку – теперь она взяла ее.

Дома Катина мама косо посмотрела на игрушку от отца. Катя почувствовала это. На следующий день она оставила игрушку на подоконнике в школьном коридоре. На перемене после урока изо две девочки схватили его и стали подкидывать к потолку. Потом подбежал мальчик, вырвал слона из их рук и стал играть им в футбол. В конце перемены, когда все разошлись по классам, Катя вытащила слона из-под батареи: он весь испачкался в побелке и пыли, а хобот оторвался.

Это было три года назад. С тех пор инженер женился во второй раз. Он стал пить умереннее. Жена была молодой, работала не в космической области, а в меценатском фонде. Однажды инженер понял, что хочет восстановить отношения с дочерью. Он не заболел, ничего плохого не случилось, никакого особенного повода не было. Он просто почувствовал себя в силах это сделать – от избытка счастья, которое ему доставалось с новой женой. Они уже говорили про своего ребенка, и он хотел улучшить отношения с Катей до того, как жена забеременеет.

Когда инженер позвонил и спросил, хочет ли Катя съездить с ними на дачу, она притворилась равнодушной: да, наверное, может быть. Но сама считала дни до их встречи: осталось две с половиной недели, неделя, три дня, только четверг и пятница, только пятница. Ее мама недовольно смотрела, как она ходит кругами по комнате или стоит у подоконника, прислонившись к стеклу, вместо того чтобы делать уроки.

Когда они втроем ехали на машине, Катя боялась заговорить. Инженер, особенно в компании новой жены, казался ей незнакомым человеком из внешнего мира. Поэтому она и стеснялась. Но одновременно эти два человека были ей любопытны, и она чувствовала, что они хорошо к ней относятся. Жена инженера была еще и человеком из загадочного мира художественного искусства. Космические аппараты были чем-то более привычным – папиной работой, о которой она слышала всю жизнь, – но все равно любопытным. На заправке девочка спросила папу:

- А ты помнишь, когда мы виделись в прошлый раз?
- Помню. – Инженер задумался. – В конце весны, да?
- Ну да. Примерно.

На самом деле Катя точно помнила, когда они с папой виделись: не в конце весны, а в середине, три месяца назад, в последних числах апреля. Катя облегченно вздохнула: по крайней мере, он не ошибся сильно.

Они приехали в дачный кооператив, в старый дом, который построили еще родители инженера; небогатое семейное гнездо советской технической интеллигенции. Сруб дома сложен из списанных железнодорожных шпал. Покосившийся в некоторых местах забор. Запущенный яблоневый сад. Над высокой травой поднялось несколько сухих зонтиков борщевика. Сарай, в который пять лет никто не входил: верстак, инструменты на крючках, вагонка и зимние покрышки сложены вдоль стены, красный велосипед «Кама» в углу, серое осиное гнездо под потолком.

После обеда инженер, его жена и Катя гуляли по берегу реки. Ни о чем особенном не разговаривали, Катя собирала полевые цветы. За ними увязалась собака и всю дорогу кружила рядом. Они дошли до соседней деревни, там купили молока у старухи. Инженер еще ребенком ездил к ней на велосипеде за молоком. Всю свою жизнь он помнил ее старой. Удивительно, что она еще была жива. Собака дошла с ними обратно до самой калитки и незаметно куда-то убежала.

Вечером инженер с Катей сидели в гостиной у камина. Сбоку по кирпичам шла длинная трещина. Дым ревел, поднимаясь в трубу. Жена читала в другой комнате. Инженер снял очки и тянул рюмку коньяка. Катя сидела на полу и плела что-то из цветов. На серванте без звука работал старый маленький телевизор.

- Как бы ты назвала новый космический корабль? – спросил инженер.
- Что он будет делать?
- Полетит к другим планетам.

Телевизор на серванте показывал старый мультфильм. Катя отвлеклась на него. Цветное изображение пробивалось сквозь помехи: девочка с белыми лентами, заплетенными в косы, держит волшебный цветок. Цветок ей только что подарила старуха-волшебница. Девочка отрывает один лепесток, пускает его по воздуху и загадывает желание. Все вдруг становится красным, девочку подхватывает порыв ветра, похожий на прозрачное шупальце, и поднимает высоко в небо. Становится темно, девочка куда-то летит, над ней горят звезды, вдалеке переливается северное сияние. Инженеру было не по себе от вида этого головокружительного полета, а Кате было совсем не страшно, только любопытно.

Раньше, в студенческие годы, инженера тоже наполняло любопытство; он с жадностью изучал все, что связано с космосом и космическими аппаратами. Но с годами он все больше боялся области, в которой работал. Что-то тяготило его, и он не понимал, что именно.

– Может быть, «Лепесток»? – сказала она.

Название хорошо подходило аппарату. Если смотреть сверху, он выглядел как цветок: посередине блюдо антенны, под ним двигательная установка, похожая на стебель, а в стороны, как лепестки, расходятся мачты с приборами и сопла маневровых двигателей.

За несколько недель до старта тогдашний начальник космического агентства, человек военный и непопулярный, решил, что это будет хорошим пиаром, если отправить на «Лепестке» послание к внеземным цивилизациям, в духе американских «Пионеров» и «Вояджеров». Если когда-то через тысячи лет разумные существа найдут послание, они получат представление о землянах – такой был замысел. Времени на составление капсулы осталось мало, и никто в действительности не надеялся, что послание прочитают. Задачу поручили начальнику Департамента автоматических космических комплексов, тот перепоручил ее главному инженеру проекта. Инженер понял, что начальник относится к поручению формально и можно придумать что угодно.

Как раз в эти дни было первое сентября. Инженер пришел на построение Катиного класса перед школой. Он стоял в толпе родителей, снимающих все на телефоны, и смотрел на нее в шеренге детей: синее платье, рюкзак за спиной, в одной руке букет цветов, в другой айпад. Он подарил ей айпад на предыдущее первое сентября, купил в Америке, когда в России их еще не продавали. И инженеру вдруг пришла в голову идея составить послание инопланетянам из содержания айпада дочери.

Катя не возражала. В итоговый сборник вошли фото и короткие видео из ее поездок. Вот ее класс на экскурсии в Пушкинском музее, вот они в походе в подмосковном лесу. Ее любимая музыка – поп-песни на разных языках и классические записи, которые она разучивала в музыкальной школе. Дети, взрослые, лес, скульптуры, живопись, аудиозаписи. Инженер решил для себя, что капсула важнее как жест доброй воли самих землян, чем как послание для кого-то еще. Ее разрешили запустить в таком виде, просто потому что о ней забыли. Несколько недель все внимание было приковано к марсианскому кораблю, зависшему на орбите. «Лепесток-1» за-

пускали без медийной шумихи, чтобы в случае отказа снова не попасть впросак. Про капсулу знали только специалисты. Катя любила думать, что это ее и папина общая тайна.

В конструкторском бюро сделали копию данных с Катиного айпада. Юристы быстро заключили договоры с родителями детей, которых она фотографировала, и владельцами прав на аудиозаписи. Для создания капсулы использовали ту же технологию, которой пользовались американцы. Информацию записали в аналоговом формате на два медных позолоченных диска, похожих на обычные музыкальные пластинки. Их положили в металлическую коробку. На нее нанесли слой чистого урана, чтобы инопланетяне по периоду полураспада радиации могли узнать возраст корабля. Коробку закрепили на борту аппарата.

Инженер взял Катю с собой на запуск «Лепестка». Это был самый подходящий случай: там не должно было быть прессы, а начальник службы охраны был его приятелем. В самолете они сидели рядом с ним. Когда дверь самолета открылась, салон наполнился горьким запахом трав. Аэропорт стоял посреди степи. Во все стороны, куда ни посмотри, тянулась линия горизонта. Прямо у здания аэропорта росло несколько деревьев, а вокруг него глазу не за что было зацепиться. Инженер осмотрелся и почувствовал себя ничем не ограниченным – как животное. Он подумал, что не знает, что такое свобода, но воля – вот она перед ним. От этих мыслей становилось не по себе. Он чувствовал себя так каждый раз, когда приезжал сюда. Кате просто нравилось гулять в степи, все казалось необычным и интересным.

Их отвезли в гостиницу, а оттуда – на космодром. Узкая дорога посреди степи пошла волнами, в трещины была втоптана высохшая трава. Они сошли с дороги и долго шагали вперед. Землю истыкали норы сусликов. Тут и там лежали шарики верблюжьего навоза. На электрических проводах на ветру качались птицы. Инженер и Катя обернулись и посмотрели на космодром: несколько зданий, антенн, вышек, автомобилей и человечков сгрудились вместе посреди желто-черной плоскости. Все небо закрывала сплошная облачность, похожая на простыню. Сквозь нее просвечивало тусклое солнце.

Утром открылись ворота ангара, к нему подъехал тепловоз, подцепил открытый вагон с ракетой и с черепашьей скоростью повез его. В головной части ракеты был закреплен «Лепесток-1». Вагон скрипел, как старая подмосковная электричка. За ним шагали казахи-рабочие в оранжевых жилетах и русские солдаты. На стартовой площадке раке-

Инженер и Катя смотрели на вспышку пламени в темноте, на подсвеченные столбы пыли и дыма, на синий огонь из сопел медленно поднимающейся ракеты, на маленькую белую точку в черном небе. Катя смотрела на нее широко открытыми глазами. Инженер снял очки и помассировал переносицу. От зрелища взлетающей ракеты ему было не по себе.

ту подняли гидравлические домкраты. Специалисты стали заправлять ступени ракеты, проверять ее системы, переговариваться по рациям с пультуемой.

Через три дня поздно вечером инженер с Катей шли в пультуемую. Было холодно, в небе светились звезды и половинка Луны.

– Ты здесь инкогнито, малыш. Просто не отсвечивай, – сказал он, когда они шагали по длинному бетонному коридору с бронированными дверями. – Никого не пугайся, просто будь рядом со мной, и все.

– Ладно, пап.

Катя бежала вприпрыжку рядом с инженером. Она чувствовала, что он сильно нервничает. Он начинал работать над «Лепестком», когда она еще не пошла в школу.

Инженер и Катя стояли перед панорамным окном вместе с другими работниками и смотрели. Ракета в клубах пара стояла на стартовой площадке, на нее светили прожекторы. Подпорки медленно разошлись в стороны. Ракета загудела, в пультуемой задрожали стекла. Сотрудник бубнил в микрофон:

– Минус пять секунд, бортовое питание, зажигание, кислород, предварительная, промежуточная, главная. Ноль секунд, есть контакт подъема, двигатели вышли на режим...

Инженер и Катя смотрели на вспышку пламени в темноте, на подсвеченные столбы пыли и дыма, на синий огонь из сопел медленно поднимающейся ракеты, на маленькую белую точку в черном небе. Катя смотрела на нее широко открытыми глазами. Инженер снял очки и помассировал переносицу. От зрелища взлетающей ракеты ему было не по себе. Сотрудник за спиной продолжал объявлять:

– Сорок секунд, стабилизация изделия в норме... Шестидесят секунд, тангаж, рысканье, вращение в норме... Сто двадцать секунд, есть выключение боковых двигателей, есть отделение боковых блоков...

Когда через десять минут ракета долетела до орбиты, щитки ее головной части отлетели в стороны. «Лепесток-1» отделился и полетел вперед. Инженер и Катя наблюдали за этим по большому экрану. Через несколько витков вокруг Земли «Лепесток» вышел на отлетную траекторию, и разгонный двигатель отделился. Дальше аппарат полетел один. Скоро в пультуемую пришли данные телеметрии: солнечные батареи успешно развернулись, и с космическим аппаратом установлена связь. Все в зале зааплодировали. От инженера на этом этапе уже мало что зависело. За аппаратом теперь следили его коллеги в Королеве.

Следующей ночью инженер с Катей летели обратно в Москву.

– Пап, а что случилось с «Лепесточком»? – спросила Катя.

– Он немного полетал по орбите, дождался нужного времени и улетел в космос.

Катя пила апельсиновый сок, который принес стюард. Инженер пил коньяк из пластиковой рюмки.

– А что с ним будет дальше?

– Дальше? Если все будет нормально, он прилетит к планете Уран и там сделает фотографии и измерения.

– И-и-и?

– И передаст на Землю.

– А потом?

– Он получит гравитационный разгон. То есть разгонится на орбите Урана. И полетит к другой планете, Нептуну.

– Это далеко?

– Очень, малыш.

– А потом?

– Как сказать... Один наш год на Земле, от Нового года до Нового года, равен одному вращению

Земли вокруг Солнца. И вот будет тридцать таких вращений, и «Лепесток» улетит из нашей Солнечной системы. Связь с Землей будет потеряна.

- Вау! А как он будет искать дорогу?
- По звездам.
- Понятно.
- Потом произойдет еще сто пятьдесят тысяч оборотов Земли вокруг Солнца, а он все еще будет лететь по космосу.
- А что в это время случится с Землей? И людьми?
- Не знаю.
- А с «Лепесточком»?

Катя уже не совсем понимала папин рассказ, но ей все равно было ужасно любопытно слушать про звезды и космос. Инженеру было не по себе от того, что он же сам рассказывал. Стюард принес пенопластовый лоток с ужином, обернутый фольгой, но они оба не хотели есть.

- Ему встретится планетезималь.
- Плане... что?
- Плане-те-зи-маль, это такой зародыш планеты. Вот. Но «Лепесток» сделает маневр и обогнет его. Разминется с ним. Полетит дальше.
- Да?
- Да. Потом будет вспышка излучения на звезде. Такая, которая вполне может спалить «Лепесток». Но он ускорится и пролетит мимо.
- Ого.
- Потом будет большая безжизненная планета. Она будет притягивать его к себе своей гравитацией. Но он уйдет от ее орбиты и полетит дальше.
- Ого-го.
- Ну, он все равно получит по дороге много ударов. Обломки и разные микрокометы, все в таком духе, они в него будут врезаться. Он превратится в обугленный комок из труб и бочек. Двигатель перестанет работать, компьютеры отключатся. Но он все будет лететь дальше. И наша капсула будет на борту. Никто не ожидает этого, но он долетит, доберется до живой планеты. Это будет очень необычная планета, в созвездии Парусов. Про нее пока даже нет статьи в «Википедии». Он несколько недель повращается на орбите и упадет вниз, на планету. Он полностью сгорит, но наша защищенная капсула останется. Все планеты, которые «Лепесток» встретит до этого, будут серыми, коричневыми или желтыми. Или в пурпурных разводах из-за ядовитых газов. А эта будет голубой, как Земля. Там будет воздух, большой океан и суша. И будет жизнь.

- А какая? – Катя говорила все медленнее.

- Живые существа.
 - Какие?
 - Ну, такие большие люди со слоновьими головами, понимаешь? Слонолюди. Очень умные.
 - У них мохнатые хоботки?
 - Да, немного мохнатые.
 - А как они... будут... разговаривать?
- Катя клевала носом. Инженер не замечал это и оживленно рассказывал.
- Они будут издавать звуки хоботами, примерно как слоны. Они все будут большими, вот такими. И с нюхом отличным.

Инженер показал рукой, что слоны будут очень высокими, выше потолка самолета, и посмотрел на Катю. Голова склонилась набок, рот приоткрылся. Он осторожно перегнулся через нее, откинул кресло назад и укрыл ее пледом. Он почувствовал, что Катино любопытство передалось ему – то же любопытство, которое наполняло его в институтские годы. Его снова не пугало космическое пространство. Он посидел молча, смотря на спинку кресла перед собой. Потом снял очки. В салоне уже выключили свет. Небо в иллюминаторах тоже было темным. Светились только ровные ряды тусклых лампочек над головами пассажиров.

Работа велась в Доме творчества Переделькино

СЕРЫЙ ДОМ

Он помнил какое-то позднесоветское здание, почти полностью остекленное снаружи. Кажется, высокое, но, может быть, и нет, ведь ребенку все вокруг кажется высоким. Семь лет? Или той осенью ему уже исполнилось восемь? Ему не хотелось считать, да и не особенно это важно. Он, конечно, много раз потом ходил в этом районе, но так и не понял, которое из зданий это было. Хотя вряд ли его снесли. В том районе снесли мало домов; он не помнил, чтобы сносили хотя бы один. Это могло быть то странноватое здание в форме куба. А могла быть гостиница – та намного выше. В девяностые несколько ее этажей вполне могли сдавать под офисы. Почти все подробности позабылись. Много коридоров, узких и прокуренных. В некоторых комнатах стены покрыты звукоизолирующими перфорированными панелями. В эти темные дырки интересно было совать палец и ковыряться. Он помнил баночки синих чернил в шкафах, стопки бумаг, факс, электрические печатные машинки. Почему-то все боялись пожара, и провода в конце рабочего дня отключали от розеток.

– Ну, у вас имеется какой-то опыт в этой сфере? – спросил его маму мужчина, одетый в новый костюм и сидящий в офисном кресле.

На рукаве виднелся неотпоротый лейбл. Намного младше нее, мужчина вовсе не казался наглым или глупым. Он слегка смущенно вертел в руках ав-

торучку, догадывался о ее положении. Она сидела по другую сторону массивного деревянного стола, на стуле. Полноватая женщина, золотые кольца на пухлых руках, покрасневшее лицо. Ситуация для нее унижительная. Мальчик чувствовал это, стоял рядом, настороженно смотрел на все вокруг, на незнакомого дядю, на свою непредсказуемую и нервную маму.

– Нет.

– А почему решили устроиться?

– Такие личные обстоятельства. Нужно подработать.

Родители мальчика снова поссорились неделю назад. То ли папа ушел из дома, то ли это мама показала ему на дверь. И ей теперь нужно было где-то брать деньги. Она решила устроиться на работу уборщицей; просто увидела объявление в бесплатной газете, какие раздавали у метро. Для нее это отчасти был жест самоутверждения, отчасти она совершенно не знала, что ей дальше делать и что будет. В студенческие годы она стала встречаться с мужчиной намного старше себя. Незаконченное высшее образование; потом, после тридцати, дети; много лет она работала только дома. Они были очень счастливы, а потом все пошло под откос. Разбираться, когда и почему это произошло, у нее уже не было сил и времени. Теперь самое ужасное было то, что у нее почти отсутствовал трудовой стаж.

Даже свою трудовую книжку она с трудом нашла на антресоли.

– Ты Белый дом разглядываешь, да? – спросил вдруг у мальчика мужчина. Решил снять неловкость с ситуации.

Мальчик посмотрел на него и кивнул.

Мужчина встал, подошел к окну, потянул за шнурок – вертикальные жалюзи разъехались в стороны. Обнажилось огромное, во всю стену стекло и за ним – неподвижная, ожидающая зиму Москва, обгоревший Дом советов, возвышающийся над кварталами и набережной. Верхние этажи пострадали больше всего. Неподалеку стояли несколько оставшихся секций милицейского заграждения и одинокий зеленый бронетранспортер.

Мальчик замер, не мог оторваться от зрелища. Он догадывался, что вокруг этого дома недавно произошло что-то очень важное для взрослых, что могли, судя по следам взрывов, погибнуть люди. Но он сразу оценил это как что-то скучное – как и разговор мамы с мужчиной. Его захватила красота дома – высокого, каменного, белоснежного, обгоревшего замка. Он вспоминал это зрелище и много лет спустя.

– Был Белый дом, а стал Черный, – вдруг громко пошутил мужчина, чтобы прервать паузу. – Дяди постреляли в него из пушек. Ну, потом его подчистили немного. Теперь это, наверное, Серый дом. Можно так сказать. – Мужчина почувствовал, что шутка не удалась.

Женщина натянуто улыбнулась, отвела глаза, положила ногу на ногу.

– Ну, а к поздним сменам вы готовы? – Мужчина вернулся к собеседованию. – Уверены, что сможете выходить на работу с ребенком?

ИГОРЬ МАЛЫШЕВ
Родился в 1972 году
в Приморском крае. Живет
в Ногинске Московской
области. Работает инже-
нером на атомном пред-
приятии. Автор книг «Лис»,
«Дом», «Там, откуда облака»,
«Норнюшон и Рылейка»,
«Маян», «Номах». Дипломант
премии «Хрустальная роза
Виктора Розова» и фестиваля
«Золотой Витязь». Финалист
премий «Ясная Поляна»,
«Большая книга» и «Русский
Бунер».

* * *

Полевая дорога. Жара.
Он проснулся, когда ЗИЛ перевернулся уже раза два.
Его било о кабину,
Как не бил в армии ни один дед.
Он пришел в себя больше похожим на винегрет.

На осколке стекла у его лица
Сидела девочка ростом чуть более комара.
Он посмотрел на нее,
Она прыснула в ладошки и сказала «кра!».

Она качала ножкой,
Солнце играло на крыльях, как ветер с фатой.
Кровь заливала глаза,
Он моргал, чтобы видеть ее.

Она напевала,
Осколок блестел, свет плавал.
Он понял, что всегда хотел
Увидеть мир как он есть, без оправы.

Пахло жарой, зверобоем.
Колеса крутились вверх, вхолостую, с воем.
Брюхом к солнцу умирал ЗИЛ.
Водитель смотрел на девочку и понял, что даже не жил.

* * *

Астронавты приземляются на неизвестной планете.
А там на лугах смеются и бегают дети.
У астронавтов предательская мысль в голове:
Что, если есть рай? Что, если рай здесь?

А дети лижут пыльцу вместо пчел и бабочек.
И бегают босиком, без носков и тапочек.
Напившись нектара, засыпают промежду трав.
Кудлаты их головы, ровен и мягок нрав.

Астронавты глядят, только лишь наблюдают.
Разводят руками и ничегошеньки не понимают.
Ничего не говоря, идут проплакаться в туалет.
Выходят с лицами камня и говорят: «Нет!»

Каждый смотрит на себя и свое прошлое.
Никто не ждет от себя ничего хорошего.
Взлетают. И пока не вышла на связь Земля,
Стирают координаты планеты из памяти корабля.

ГЕРДА

Герда переступает через порог дворца.
Она больше не та пташка, что боится куста.
В день ей достаточно в пищу сухого листа.
Три года в плену у пиратов, в день их бывало до ста.

Босыми ступает ногами на голый лед.
Кто б ни сказал ей слово, она знает – врет.
Чувствует холод в груди и в ногах колотье.
Кожа ее – камень, лицо – отек.

Кай капризничает над колотым льдом.
«Вставай, – говорит Герда. – Вставай, пойдем».
«Уходим», – говорит она голосом львицы.
Мальчик растерян и не может не подчиниться.

Взгляд Герды падает на осколки льда.
Руки ее черны, под ногтями можно сажать сад.
Герда опускается на колени и начинает игру со льдом.
«У входа оленья упряжка, – говорит она Каю. – Езжай домой».

Кай удаляется. «Вечность» складывает слово Герда.
Поток холода. Входит Снежная Королева.
Герда поднимает на нее пустые глаза.
Королева вздрагивает и подается назад.

* * *

Максиму Попову

Пейте, молодые сеньоры, всё здесь для вас бесплатно.
Покуда, как письмена, не проступят на теле пятна.
У кого трупные, а у кого-то кровавые.
А у кого-то синяк, даже глупо жалиться маме.

Всё здесь для вас, пейте, молодые сеньоры.
Все девушки, запахи амбры, эти поля и горы.
Все стилеты, мечи и пули, что когда-либо изготовлены,
Всё здесь для вас, больше ли, меньше, поровну.

Равнение на солнце, молодые сеньоры, и больше смелости.
Да! И еще меньше трезвости, солнце не любит трезвости.
Гробы дубовые, сучья осины и лучшие вина.
Говорят, что девушки лучшая половина, но это вы – лучшая половина.

Пойте же громко, на срыве, чтоб обжигалось сердце,
Словно сосуд в печи у гончара-умельца,
Словно клинок в горне у кузнеца-убийцы.
Кто-то и с ним встретится, но стоит ли торопиться?

Юные ветра, летние дожди, жеребцы на взводе.
Старики смотрят, вас ненавидя. Кто же таких производит?
Ну, а вы бейтесь грудь в грудь, кровью плюясь и стихами.
Всё здесь для вас, и женское лоно, и могильный камень.

Жгите факелы, мрак разрывая ночи нежной.
Если вы чем и избалованы, то силой лишь и надеждой.
Всего будет вдоволь и неважно, как лягут кости,
В конце все увидят папоротник, цветущий на вашем погосте.

* * *

Настоящим было яблоко, что ты пробовал в детстве,
Ноги, искусанные крапивой и комарами.
Настоящим было твое заболевшее сердце.
И голос мамин, и голос мамин.

Настоящее – научиться кататься на велосипеде,
Вытащить первую рыбу, впервые подраться,
Утонуть на девятое мая, заночевать в подъезде,
Услышать, что стал отцом, и три дня на диване валяться.

Не так уж много настоящего в этой жизни:
Отказаться «стучать», мечтать, запивать спирт водкой,
Научиться искать созвездья меж звездных линий
И говорить с сыном, как с одногодком.

НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ

ВЕРА БОГДАНОВА, «СЕЗОН ОТРАВЛЕННЫХ ПЛОДОВ»
(«РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ», 2022).

ИСЛАМ ХАНИПАЕВ, «ТИПА Я» («АЛЬПИНА. ПРОЗА», 2022)

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила

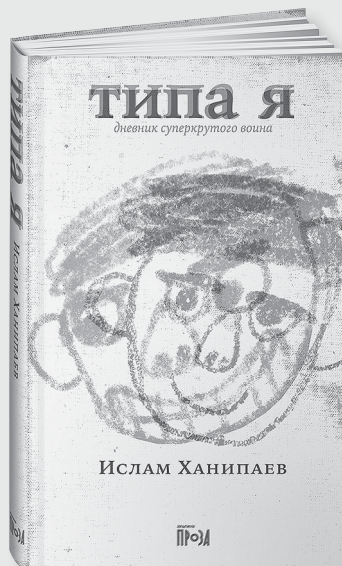
PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной» и начальником отдела общественных связей «Российской газеты». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

Литературная премия «НОС» в этом году досталась роману Оксаны Васякиной «Рана» – и это была абсолютно предсказуемая и абсолютно заслуженная награда. «Рана» – ярчайший пример тех самых новых словесности и социальности, что заложены в названии премии, по сути, квинтэссенция автофикшена. И дело тут вовсе не в навязшей в зубах «повестке», дело в том, что период «после постмодернизма», в который напряженно всматривались не одно десятилетие, наступил. И сменил его не абстрактный «постпостмодернизм», которым пугали друг друга литераторы разных формаций, а несколько вполне определенных парадигм. Наиболее заметны и показательны три из них. Первая – метамодернизм, во многом наследующий постмодерну, но не ставящий перед собой задачи «разъять как труп» любых своих предшественников и сломать канон. Напротив, канон он признает и утверждает, существенно его расширяя и сталкивая с другими канонами. Если наложить дискурс советского пионерского подросткового романа на дискурс романов о вампирах или поместить зомби в пространство романа «Гордость и предубеждение», включаются новые, дополнительные смыслы, литературная игра, а не война с целью уничтожения предшественника. Вторая парадигма – уже упоминавшийся автофикшен, в котором художественный вымысел и факты биографии автора оказываются сплетены максимально тесно. Это еще

не документалистика, но нарратор, персонаж и автор настолько близки, что последнего потом будут всю жизнь терзать вопросами, как Лимонова о сцене с афроамериканцем. Помимо романа Оксаны Васякиной, тут можно отметить романы Оливии Лэнг, трилогию Тове Дитлевсен, «Горизонтальное положение» Дмитрия Данилова, «Нью-Йоркский обход» Александра Стесина, «В Советском Союзе не было аддерола» Ольги Брейнингер, «Скоропостижку» Ольги Фатеевой и многих других.

Наконец, третья парадигма – это проза с большим акцентом на художественность, с явной дистанцией между автором и героем, но той же новой искренностью, что присуща автофикшену. Это романы, построенные по канонам классической литературы, но говорящие при этом об остросоциальных (или социально-политических) проблемах.

«Сезон отравленных плодов» Веры Богдановой выходит в «Редакции Елены Шубиной» через год после книги «Павел Чжан и прочие речные твари», и это случай, когда на такой короткой дистанции можно проследить авторскую эволюцию. В «Сезоне» нет фантастического допущения, нет намеренного усложнения архитектоники текста, нет отвлеченного взгляда нарратора. Взгляд автора теперь обращен не в будущее, а в недавнее прошлое – на события двадцатилетней примерно давности в первой части, чтобы стремительно перенестись в наши дни во вто-

рой. Богданова пишет роман о травме, но не о разбитой в детстве чашке Фрейда, до которой можно попытаться отмотать назад на приеме у психотерапевта и перезапустить систему с последней устойчивой версии. Это травма длиною в жизнь – цепочка счастливых и болезненных потрясений, ди- и эустрессов, формирующих в конечном счете каждого из нас. Это, конечно, роман об инцесте – как о случившемся – между кузенами, так и о существующем в мыслях и фантазиях (и то полубезотчетно) Даши. Только получается так, что первый, если вынести за скобки социальные условности, вреда никому не приносит, а вот второй, по сути, неслучившийся, несет раздор и страдания. Женю нельзя назвать нелюбимой дочерью в классическом понимании, но на контрасте с абсолютной и искренней бабушкиной любовью любовь родителей к ней выглядит как те самые фальшивые елочные игрушки – не радует. Они любят дочь скорее потому, что так положено, то и дело сравнивая ее со сверстниками и выискивая поводы для собственных чувств. Постоянное ощущение, что любовь близких нужно заслужить, – тоже травма, но не локализованная во времени, а пролонгированная, длящаяся всю ее жизнь. Это и роман об абьюзивных отношениях, о воздействии и физическом, прямом (той самой формуле «бьет – значит любит»), и менее прямолинейном психологическом насилии, которое не только ближайшее окружение,

но и сама жертва распознает далеко не сразу. Двухчастная структура романа обусловлена и временем (прошлое – настоящее), и темпом повествования. События детства и юности героев тянутся медленно, как летние каникулы в средней школе. В роман входишь постепенно, как в теплую стоячую воду деревенского пруда, про которую обычно говорят «парное молоко». К концу первой части роман набирает темп, разгоняется, как жизнь вместе с взрослением. Что в детстве казалось долгим и медленным, теперь несется с космической скоростью. Вторая часть – именно такая, разогнавшаяся до потери героинями контроля над своими жизнями. Эта диспропорция, конечно, вполне сознательна: Вера Богданова применяет к классическому роману прием жанрового, сажая читателя на американские горки – неспешно поднимает его на верхнюю точку аттракциона и заставляет на пару секунд замереть перед тем, как стремительно пустить вниз. И от этого дух захватит даже у самых невозмутимых.

Еще одна новинка этого года – и тоже новая искренность поколения тридцатилетних – повесть «Типа я» Ислама Ханипаева (издательство «Альпина. Проза»). Перед нами история, рассказанная от первого лица второклассником из Махачкалы. Он живет в приемной семье, почти не помнит погибшую два года назад маму и совсем – пропавшего отца, учится в школе и сталкивается с буллингом

и массой других – детских и не очень – проблем. Отчаянно пытаясь разобраться в себе, он создает «идеального взрослого» – воображаемого друга и наставника Крутого Али – и обсуждает с ним все, что по-настоящему его волнует. Фактически перед нами монолог ребенка, разложенный на два голоса, – поэтому по ходу повести так заметно меняется не только Артур, но и Крутой Али. Он зеркало мальчика, отражение его внутреннего «я». Рассказывая ребенку о том, как надо себя вести, чтобы быть крутым, он формирует его поведение в школе и дома, работает внутренним психологом. При этом настоящему школьному психологу наладить контакт с мальчиком не удастся. Кстати, сам по себе детский психолог в русскоязычной художественной литературе – герой совсем новый, отражающий современные реалии. Помимо повести «Типа я», этот тип героя появлялся в романе Рагима Джафарова «Сато» (получившем приз зрительских симпатий в прошлом сезоне «НЮСа»). Причем не просто появлялся: там это один из двух главных героев, так что определение «психологическая проза» приобретает теперь новые коннотации.

Для того чтобы найти себя и двигаться в будущее, герою Ханипаева сперва нужно победить призраки прошлого. И скидок на юный возраст писатель герою не делает: Артур, продолжая во всем советоваться с Крутым Али и вести свой «Дневник суперкрутого воина», отправляется на поиски сведений о своих родителях. И чем больше он узнает, тем сильнее меняется – и тем сильнее меняется сидящий в нем Крутой Али. Ханипаев рассыпает для читателя по тексту подсказки, заставляя притормозить и заметить эти изменения. Например, один и тот же вопрос мальчик задает воображаемому другу трижды – в начале, середине и конце повести. И тон, и суть ответа на него очень заметно отличаются.

Вера Богданова своим романом дает возможность говорить и бороться женщинам, которые привыкли молчать и терпеть. Ислам Ханипаев пишет о том, что каждый человек, независимо от возраста, имеет право на поиск собственной внутренней точки опоры, выстраивание внутренней крепости, которая позволяет выживать в далеко не всегда приятном социуме.

Дети, которым «еще пока рано и подрастешь – поймешь», безмолвные женщины, жертвы психологического и физического насилия – все они обретают голос в современной литературе, в текстах, которые читаются, обсуждаются, попадают в списки крупных литературных премий. И это и есть новая искренность и новая социальность.

ТРУС ВО СПАСЕНИЕ

ДЕНИС ЖУРАВЛЕВ

Родился в 1986 году. Онучил Историно-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета по специальности «международные отношения». Нандидат политических наун.

Автор пятнадцати научных статей, преподавал в вузе, в качестве научного руководителя помогал писать и редантировать нурсовые работы и дипломы. С 2015 года лет работает аналитином в области науни

и образования. Последние три года — автор и главный редантор ведущего профильного телеграм-канала. Прошел нурс BAND «Нан писать прозу. Искусство истории» (2021–2022).

Слабое подобие дороги обрывалось на опушке леса. Местные и дачники предпочитали добираться сюда на машинах, а затем идти пешком — кто по грибы в чашу, иные купаться и ловить рыбу — налево к речке. В будний день, в темно-серых тяжелых сумерках, под осенним жестким ветром здесь было пусто. Лишь двое нервно ходили туда-сюда по небольшому пяточку земле.

- Костя! Мы должны их опубликовать, — горячо настаивала Катя. Недобрый огонь, затаившийся в глубине темно-карих глаз, сулил муки ада всем несогласным.
- Никому мы ничего не должны, — холодно парировал мужчина, кутаясь в пальто. Он то и дело поправлял очки, вздрагивая от каждой фразы спутницы.
- Посмотри! — Она вырвала папку из Костиных рук и, пробежав пальцами тонкую стопку листов, достала один из них. — Здесь все: бюджеты, смета, каналы распространения. Они просто врут.
- Врут, — пробормотал мужчина в ответ и уставился на лес.

Злая взъерошенная ворона сидела на ветке, пытаясь не свалиться под очередным порывом ветра.

Большой палец, от которого он нервно отковыривал ногтями кусочки кожи, решил сдаться и позволил оторвать от себя целый лоскут. Мужчина взглянул на стремительно набухавшую каплю кро-

ви, что грозила размазаться по всей ладони. Он порывлся в карманах здоровой рукой и, не найдя ничего, просто облизал палец. Его собеседница ждала.

- Год назад мы не были такими трусами. — Катя поморщилась на последнем слове.
- Год назад мы были нищими, — пробурчал Костя, откусывая лоскут кожи с несчастного пальца.

Катя окинула его презрительным взглядом и на этот раз отвернулась сама. Костя удивленно посмотрел на нее, и с этого момента мелкая дрожь была его уже не переставая.

- Катенька, дорогая... — заискивающе начал он, но запнулся.
- Я знаю все, что ты хочешь мне сказать, но я все решила, — огрызнулась она, соизволив повернуться к Косте.
- Конечно, ты же у нас умнее всех, — зло ответил он. — Решила она. А ты подумала, чем это кончится?
- Неважно, — резко осадил Катя. — Документы могут быть у кого угодно, они ничего не докажут. Костя взглянул на девушку, которую безответно любил уже семь лет.
- Публикация будет наша — значит, это мы, — тоскливо вздохнул он.
- В прошлый раз ты тоже сомневался, но все закончилось хорошо, — еще раз зашла с того же

угла Катя, почувствовав знакомую слабость. Даже отблески пламени в глазах стихли, она немного улыбнулась, предвкушая привычную победу.

Год назад они сидели у нее дома на тридцать седьмом этаже новенького небоскреба. Костя купил сигарету за сигаретой, и только что купленная Катей мебель постепенно теряла свой блеск в облаке серого дыма. Она не сомневалась, что сможет убедить его в чем угодно. Сломался он после фразы «Я лучше уволюсь и уеду с Юрой». Катя увидела, как тогда Костины плечи поникли, даже глаза будто за-слезились. Она запомнила этот прием.

– Я и тогда был против, – сказал он, возвращая девушку в реальность.

Костя помнил, что произошло спустя три дня. Помнил убогую обстановку кабинета майора, перегар и красную рожу. Служака брызгал слюной и орал что-то про интересы государства и долг каждого. Запомнилась только финальная фраза: «Батрачить будешь на нас или сядешь». Катя обо всем этом не знала. Он не сказал ей, оберегая, как и всегда.

– Никто нам ничего не сделает, – сказала девушка. Костя молчал.

– Если ты так боишься за свою зарплату... – начала Катя.

– При чем тут зарплата, – взвился мужчина, срываясь на шипение. – Дай сюда папку, – истерично крикнул он, а затем дернул ее из рук девушки.

У той остался лишь один листок. Костя потянул-ся и за ним. Катя увернулась, толкнула его, он повалился в грязь.

– Трус, – сплюнула девушка, развернулась и быстро пошла к Костиной машине, на которой они оба приехали поговорить без лишних ушей на опушку леса.

Костя лежал в грязи, он чувствовал, как заползает мокрый холод в дорогие итальянские ботинки, пятнами уродует пальто тонкой английской шерсти. Ему было все равно, он даже не стал поднимать из мерзкой жижи свои очки. Просто лежал и плакал.

Ему было страшно и больно, как в детстве, когда родители ушли в гости к друзьям, а в доме отключили свет. Маленький Костя тогда сидел под столом, забившись в самый угол, и дрожал. Мама вернулась лишь под утро, уставшая и посеребренная. Накричала и отшлепала мальчика. Потом разрыдалась сама и сказала, что папе пришлось срочно ехать в командировку.

Только спустя десять лет Костя узнал, что его отца отправили в психушку. В пьяном угаре он по-дрался с друзьями и чуть не убил маму. Больше папу

он не видел никогда – тот так и не вышел из больницы.

В свои тридцать пять Костя рыдал, как в детстве – под столом в темной квартире, – и много раз после, когда его мама сама стала выпивать и вычеркнула сына из жизни.

Он боялся своих кураторов в строгих костюмах, которые сменили пьяницу-майора. Те несколько раз звонили ему, многозначительными паузами и смешками намекали на болезненные последствия. Они давили на самое больное: на старушку-мать, все еще пьющую и выжившую из ума, на будущие унижения в тюрьме и нищету после, на незавидную судьбу Кати.

Но сильнее всего ужасало то, что он навсегда потерял девушку, которая никогда и не была его. В тот момент, когда Катя плюнула в лицо словом «трус», Косте на миг показалось, что перед ним – тот самый майор.

Мужчина понял, что продрог. Пришлось шарить руками в поисках папки. Ранка на пальце болезненно щипала. «Столбняк подхвачу», – нервно пронеслось у него в голове. Наконец он обнаружил документы – те не пострадали от скандала.

Грязный, мокрый и белесый, с трясущимися руками – в деревне он нашел дом, где горел свет. Хозяин – грузный и в камуфляже на голое тело – был пьян, потому пустил обсушиться и дал позвонить.

Телефон Юры Костя хорошо запомнил за те три года, что пробивал по всем базам, стремясь понять, почему его выбрала Катя.

– Это Костя. Бери Катю – и сегодня же уезжайте из страны, – бросил он в трубку.

Второй номер – не менее знакомый – куратора:

– Документы у меня, один листок потерян, дайте ей уехать. – Голос сорвался на плач.

Трубка помолчала полминуты и ответила:

– Хорошо... Где вы?

Костя просто протянул телефон хозяину, а сам лег на пол, уткнулся головой в грязное дерево половиц и снова зарыдал.

Я ВЕРНУЛСЯ...

ЕЛЕНА ТОЛСТОВА

Родилась на Нольском полуострове на границе с Финляндией в городе Новдоре. В 1995 году с успехом окончила отделение русского языка и литературы филологического факультета Санкт-

Петербургского университета. Пятнадцать лет проработала компьютерным инженером в компании «Майкрософт» и стартапах Кремниевой долины, пять лет — помощником юриста в сфере бизнеса и компьютерных технологий.

Литературным творчеством занимается давно, но раньше писала в стол, для себя. Пишет рассказы и романы для подростков и янг-эдалт. Участница курса BAND «Нанписать прозу. Искусство истории».

«Мне отмщение и аз воздам».

Я вернулся домой. Не так я себе представлял нашу встречу.

Никогда не забуду эти страшные черные глаза! Мне хотелось убежать от этого взгляда, но парализующий страх поселился в моем теле. От них некуда было спрятаться, они с детства наблюдали за мной.

В пять лет отец учил меня плавать. Мы тогда отдыхали под Одессой. Рано утром вышли на лодке в море, доплыли до каменной косы, там бросили якорь и разложили удочки. В лодке я сидел на скамейке рядом с отцом. Он сгрел меня в охапку и бросил в воду подальше. Затем наблюдал за мной. Судорожно вдыхая воздух вперемешку с водой, я плыл к лодке. Его лицо было искажено солеными каплями. Я отражался в его черных непроницаемых очках. Когда я подплыл, он за руку с силой выдернул меня из воды. Я вскрикнул, рука после этого долго болела.

— Я хочу, чтобы он стал настоящим мужчиной, а не нытиком, — объяснял он матери.

В то лето я научился неплохо плавать, но стал бояться воды — начинал задыхаться. По ночам мне снились черные очки и я, барахтающийся в каждом из пластиковых стекол. Я поджимал колени к подбородку и так засыпал.

Однажды, когда мы на мопеде возвращались с рыбалки, я, как тюк, свалился с заднего сиденья —

подскочили на кочке. Отец не заметил, что потерял меня. Я лежал на дороге и смотрел на облако пыли до тех пор, пока мопед не исчез вдаль.

Когда он вернулся за мной, я уже дошел до развилки, ведущей к нашей даче. Мне пришлось долго ковылять по пустынной дороге: я ушиб левое колено, моя левая рука опухла и сильно болела. Мне было восемь лет, и я был очень одинок.

— Что ты разнюнился, щенок? — Страшные черные глаза глянули на меня так, что всхлипы застряли в горле.

После этого я никогда не плакал. Рука оказалась сломана — она долго и плохо срасталась. Отец долго не верил, что рука болит, считал, что я притворяюсь, чтобы меня пожалели.

Страшный взгляд черных глаз — с тех пор я часто видел эти глаза по ночам. Тогда я кричал и просыпался от ужаса.

Отец был известным хирургом, его часто не было дома, он работал сутками в нескольких больницах и стационарах города. Я записался в кружок игры на гитаре в Доме пионеров. Когда отец узнал об этом, он сказал матери:

— Я не позволю, чтобы мой сын стал музыкантом. Он будет врачом, пойдет по моим стопам.

— Петр, но он такой музыкальный, талантливый... у него абсолютный слух. — Мама пыталась убедить отца.

– Не порть мне сына. Музыкант – это не профессия. Ему нужна настоящая мужская специальность. Я решил! Он будет поступать в медицинский.

Мать дала денег на гитару, остальные я сэкономил на школьных обедах. Приходилось прятать ее под кроватью и играть, пока отца не было дома. Мама всегда поддерживала меня, она считала, что музыка – это мое призвание. Она часто пела, когда отец был на работе и мы оставались с ней вдвоем. Она же, когда я был маленьким, обнаружила, что я синестетик, то есть вижу музыку в цвете, как Скрябин или Сибелиус.

– Со-о-оль, – пела мама, и нота звенела в полутемной комнате.
– Нота соль золотистая, как солнце. – Я любил играть с нотами.
– А эта? Ре-е-е. – Звуки разлились синими волнами.
– А ре – море, поэтому она синяя, как море.
– Удивительно! Почему они цветные? Ты их правда видишь... эти звуки?
– Мама, это же очень просто. У каждого звука есть свой цвет, и когда играет музыка, я вижу картинки и кино.

Когда я подросток, я научился настраивать гитару, натягивать струны, подпиливать лады и менять колки. Я играл часами, как только выдавалась возможность. Музыка стала моей вселенной.

Зная, что в понедельник отец задерживается на работе допоздна, я бежал из школы домой, предвкушая, как я подготовлю гитару и проиграю выученную на прошлой неделе композицию. Все выходные я с нетерпением ждал этого момента. Из серванта достал спирт и ватные тампоны, которые отец таскал из больницы; не спеша поменял и почистил струны. Композицию «Кашмир» группы «Лед Зеппелин» я услышал у ребят из гитарного кружка, и мы выучили ее вместе с преподавателем. И вот я погрузился в мелодию, не замечая лопнувшие на пальцах мозоли и окровавленные ладони. Музыка унесла меня: жар бесконечной дороги, движение каравана по песчаным барханам экзотической страны.

Я не заметил, когда неожиданно рано вернулся с работы отец. В тот день на операционном столе умер его пациент. Я очнулся, когда отец в ярости ворвался в комнату, выхватил из моих рук гитару и, схватив со стола кусачки, перекусил струны. От каждой порванной струны гитара вскрикивала, словно живое существо. Она страдала от боли и несправедливости.

– Не смей... отдай. – Я вскочил со стула, бросился к нему и крикнул в темноту страшных глаз.

Он замахнулся на меня гитарой с оборванными струнами.

– Ты...ты... вор и бездельник! Ты никогда не станешь музыкантом! Я так сказал! – бушевал отец.

– Ты можешь убить меня, но не смей унижать. – Я подставил ему голову под удар и, глядя в его глаза, прошептал: – Бей.

Он судорожно вздохнул, будто захлебнулся гневом, бросил гитару на пол и молча вышел из комнаты, хлопнув дверью в задрожавшие от боли стены.

Я стремился убежать от этих глаз, пугающих чернотой и выворачивающих наизнанку. После окончания школы ушел из дома, устроился работать на завод, а осенью меня уже призвали в армию. Я не дослужил до окончания срока, меня забрали домой – долго везли по песчаным барханам бесконечной дороги.

Когда я вернулся, отец стоял у закрытого гроба в большом актовом зале школы, где я учился. Он держал руку на крышке, у изголовья. Вокруг гроба и на рояле стояли и лежали венки и цветы – море цветов. В зале было много народа: мама в черном, мои учителя, военком, какие-то незнакомые мне люди.

Не так я представлял себе нашу встречу. Я прошел между людьми и остановился напротив отца. Страх не было – черные глаза больше не пугали меня. Я всматривался в потемневшее от горя лицо и не узнавал его. Он стоял над гробом: седой, сгорбленный старик. Прямо на меня смотрели его серые, затуманенные тоской глаза. Мне показалось, что он меня увидел. Первый раз в жизни я не испугался, а почувствовал тепло его руки на моей стриженной голове.

Я обнял его за плечи, внутри него все клокотало.

– Здравствуй, отец! Я вернулся!

Мне показалось, что он меня услышал.

ДУХ ЗЕРНА

ЗАРИНА ЭРНАЗАРОВА

Родилась в городе Павлодаре (Казахстан). Поступила в СПбГУ, но отчислилась, чтобы стать предпринимателем. Сейчас занимается бизнесом в сфере недвижимости. Прежде не публиковалась. Участница курса BAND «Нак писать прозу. Искусство истории».

В деревне моего детства желтый мох полосил прибрежные камни, и ночи были полны потусторонних оказий. В четыре, ближе к рассвету, за дверью начинали чавкать; взрослые говорили, что мне только показалось. Но каждую ночь кто-то подходил к нашей двери, и звуки раздавались снова. Я долго лежала под одеялом, укрытая с головой, и холодела.

Дядю Толю, нашего соседа, я считала чем-то средним между мутантом и колдуном. Его лицо напоминало пожеванную ириску, он пах молоком и железом, а по ночам – его дом стоял почти вплотную к нашей даче – орал непонятные слова. Пока во дворе не позаботились о расширении моего кругозора, я была уверена, что он кого-то проклинал.

Помню свой детский страх: вот однажды утром к нам придет ночной дядя Толя, и будет он хлюпать, и трясти на меня шерстью, и унесет с собой все золото и бабушку в придачу. Но когда дядя Толя все-таки приходил и сиял на меня мягким алкоголическим блеском, я бывала разочарована. Он не к месту заводил частушки, выбивал пыльными туфлями ритм, и все это складывалось в очевидное послание: «Люб, самогончик найдется?»

Дедушку я видела редко. Он прожил с бабой Любой сорок семь лет и из них сорок шесть держал под кроватью обрез. Бабуля не вооружалась ничем, кроме силы своего характера. Деда это пугало. Его

речь стремительно военизировалась, стала сухой и обрывистой.

Станным мне казалось многое. Но вот то, что бабушка всегда молчала, мне странным не казалось. Повзрослев, я узнала, что, первое: она перестала говорить, когда ее дети были совсем маленькими, и второе: что эти самые дети, включая мою маму, были приемными. Загадку внезапной немоты, как и загадку парадоксального у полностью здоровой женщины бесплодия, врачи разрешить не смогли.

Спустя много лет я вернулась в деревню под Новый год. Вдруг бросилось в глаза, что в доме вместо паркета – голый бетон, что потолки какие-то бумажные и висят хлопьями, а окна утеплены газетами и из них все равно сквозит. В блюде с медом плавала осенняя муха и истекала медовыми слезами.

Накануне Нового года замок промерз. Ни на угрозы, ни на насильственные действия он не поддавался. В службе спасения долго не брали трубку, потом, не заметив, что приняли звонок, с веселым и непонятным подтекстом звали Тamarочку. Тамарочка не шла. Мы решили перезвонить.

Праздновать начали рано, и за час до боя курантов все ощутимо заскучали. Громче затрещали полена. Даже дети прекратили носиться и теперь спали под рыхлыми платками. Бабушку в халате, пошитом, кажется, из шторы, тоже увели. За время моего отсутствия она страшно сдала.

Окна покрылись морозными лицами. Дед перепил. Его нос краснел и ширился, ноздри дрожали, выдохи электризовали воздух. Все намекало на скорый скандал. Я видела, что напускная сухость отступала, и поэтому, когда он заговорил развернутыми предложениями, я почти не удивилась.

— Знаю я, вы меня во всем вините. Думаете, вот, мол, сгноил бабу. Только вы меня сначала послушайте, а потом уж решайте, кто виноват.

Я... Любаню когда замуж брал, я же это... наравиться не мог. Не баба — загляденье, на все руки мастерица. Только вот детишек бог не дал. Да.

Любка сильно переживала. Я ей говорил: «Ну, давай, что ли, ребеночка из приюта возьмем». Она ни в какую. Своего хочет. Думал, поплачет и успокоится.

А потом в дверь по ночам стучать кто-то начал. Я караулю, не сплю, все никак стукача этого поймать не выходит. Каждый раз одно и то же — дверь открываю, а за ней никого. Любка говорит, мол, ничего не слышала, ничего не видела, и вообще, спи уже.

Месяц стучат, три стучат. Я уже Димку из приюта забрал, думал, повеселей Любе будет. Только все впустую — Димка плачет, надрывается, а Люба третий раз за день полы моет, будто никто и не плачет вовсе.

Однажды ночью меня как с обрыва спустили. Просыпаюсь, сердце стучит, «Люба!» — зову, вижу, нет ее рядом. Всю деревню оббегал. Под утро только вернулся. Взгляд — кроткий, с платья тина стекает, живот вроде как округлился. Я говорю: «Где шлялась?» А она молчит. Уже спать собираюсь, и тут об окно ка-а-ак что-то шмякнет. В окно выглянул и обмер. Вижу — рожа. Перекошенная, бесовская. Выбегаю — нет никого.

Следующей ночью опять просыпаюсь. И опять Любы нет! Только голос мужской с кухни доносится. Гаденький, четенький, а слов разобрать не могу, будто по-иностранному разговаривает.

Я к двери подкрался и Любин голос слышу. Из ее слов я тогда не все разобрал, но что разобрал — на всю жизнь запомнил. Клянусь, она вот что говорила: «...и просыпется зерно, и прольется кровь, и (здесь я не расслышал) заалют и набухнет тесто. И вырастет человек, и будет рожден от (тоже было непонятно), и внутри будет не дух, а зерно». Крестом клянусь, так и было.

Я дверь открываю. Вижу — Любка на полу сидит, вся в тине, как в прошлый раз, и живот еще больше вырос. А напротив — рожа! Роженосец, в смысле. Из пор ростки торчат, как нити тонкие. Меня как по затылку ударили. Дальше ничего не помню.

Проспал сутки. Под утро подняться пытаюсь — никак, даже глаз открыть не могу, а Люба мне на ухо шепчет: «Спи давай». Я — снова спать, чувствую — она меня сзади обнимает и в спину животом тычет. И тиной пахнет.

Проснулся, смотрю — нет у нее никакого живота. Все отрицает, а сама веселая до ужаса, хохочет во всю. Но стуки прекратились.

И вот однажды домой возвращаюсь, вижу — мне навстречу знакомая рожа идет. Только не та, что я из окна видел, а поменьше, будто ребенок ее. Он мне: «Ну здравствуй, папаша», — и не хохочет — булькает. Любе об этом говорю, а она улыбается и молчит. До сих пор молчит.

И знаете, что я думаю?..

Раздались три оглушительных стука. Дед зашептал: «Дух зерна! Дух зерна...» Обшивка страшно затрещала. Дверь распахнулась.

Дядя Толя улыбался своей обычной улыбкой — кокетливой и просящей. Он открыл рот, но сказать что-то не успел — дед закричал, указал на него пальцем и рухнул в обморок.

Наутро приехала скорая. Я наблюдала за тем, как она трясется на ухабах, будто кособоко склеенная коробка в детских руках.

— Свежо сегодня, — сказала бабушка. Ее голос прозвучал как трель птицы с надувной грудью.

Мы говорили долго, я узнала слишком много, я ушла и сделала вид, что сплю. Я удивлялась силе бабушки, которая столько лет прожила с сумасшедшим, удивлялась тому, что она была готова замолчать навсегда — лишь бы не плодить безумие, и тому, что она, черт побери, просто не попросила развода.

Я думала о колдовской стойкости деревенского брака, когда на крыльце зачавкали.

ДЕД

НАТЕРИНА БОГДАНОВА
Родилась в 1982 году. Проживает в Бресте (Беларусь). Окончила факультет журналистики БГУ, 12 лет проработала в региональной газете, пыталась уйти в другие сферы работы. Не вышло.

Поэтому начала писать снова. Скромные попытки писать прозу предпринимала с юности, но только на курсах в школе BAND начала это делать много и смело. Участница курса BAND «Нан писать прозу. Искусство истории».

Дед протяжно потянулся и закричал. Десятилетняя Лиза ловила эти утренние звуки, как песню. Она знала: сейчас дед будет спускаться с печи и обязательно уронит копейки, которые с вчера завалялись у него в карманах. Иногда Лизе везло, он терял целый рубль. Но чаще это были монеты в две-три копейки. Звеньк. Одна упала. Звеньк-звеньк. Еще две. Улов так себе, но за неделю выгорала приличная сумма.

Дед был седой, высокий, с большими белыми ровными усами. Для Лизы даже не дед, а целый прадед. Мама говорила, что он выжил из ума. Но девочка внутренне с ней не соглашалась. Выжить из ума — это когда ты злой и на всех кидаешься. А еще не помнишь имен. Такое было с дедом ее приятеля. Ее дед был добрый, хоть и со странностями. В психушку его никто отправлять не собирался.

Пока Лиза собирала по плачущим половицам свои сокровища, дед пошел в кухню. Его невестка Наталья, вдовица, за все годы совместного проживания изучила старческие привычки до мелочей, поэтому всякий раз к моменту пробуждения на столе дымился скромный, всегда одинаковый завтрак: овсяная каша на воде, кусок хлеба и приторно-сладкий чай.

Дед молча сел на свое место, приступил к завтраку. Старик был особой, «культурной» породы, всегда чисто выбрит и подстрижен. Его жена Пелагея на фоне статного супруга казалась старше и глупее, хотя это было далеко не так. Просто ей по

природе была известна простая женская мудрость — мужик должен думать, что он божество.

— Сорок дней, — произнес дед, прихлебывая чай с остатком хлеба.

— Вчера... Отмучилась.

Наталья перекрестилась и продолжила хлопотать у печки. Ей всегда казалось, что дед смертью супруги пережил без затруднений, поэтому внутренне на него немного обижалась.

— Слушай, Наталья, а не пошла бы ты за меня?

— Как это «пошла»? Я ж невестка вам.

— Вдовая ж, поди, лет пятнадцать.

— Не пугайте меня, дед.

Старик посидел немного и засобиравшись на улицу. Лиза запросилась вместе, как обычно, но он не позволил.

— Куда вы так, с самого утра?

— Не твое дело, Наталья.

Невестка занялась делами, развлекала внучку, которая скучала без дедовых игр, к обеду о странном предложении старого рассказала его дочери Любе, сестре мужа, да и забыла. В этот день дед изменил своим привычкам. Борщ на обед так и остался нетронутым, Наталья заволновалась. Вернулся к вечеру, молчал, ужинать отказался. Утром Лиза не дождалась своих монет — не было.

Зато прибежала Люба. Дед привычно жевал овсянку, прикусывал хлебом.

- Ты что творишь, отец?
- Ничего.
- Ничего? Мне пять соседок позвонило – ты ходил свататься к каждой из них. И Наталье предлагал.
- Ну ходил.
- Тебе восемьдесят лет!
- И что?
- Побойся Бога, по маме только сорок дней справляли.
- Да, сорок, я ее оплакал.
- Зачем тебе это?
- Скучно.
- Скучно? Я десять лет как вдова. Думаешь, мне не скучно?
- Ты привыкла.
- Прекрати позорить меня перед соседями!
- Делай то, не делай это. До холеры мне это все? Собирайся, Лиза, пройдемся.

Девочка наспех обула сапожки, натянула латаное пальтишко и помчалась за дедом. В деревне мама не разрешала носить новое, а в город уезжать только послезавтра. Она решила, что дед идет в магазин, где он обычно вел переговоры с местными пьяницами о смысле жизни и бессмыслии алкоголя. Лизе очень нравилось это слово – ал-ко-голь. Будто напев из заграничной песни. Но в этот раз дед прошел мимо удивленных небритых мужичков, даже не помахал им рукой. Лишь обернулся посмотреть, как там правнучка. Лиза пыхтела, почти бежала. Шаг у деда был широким и размашистым, как ее четыре. Обычно он старался идти медленней, когда девочка просила, но в этот раз понимала – не стоит.

Через секунду она догадалась, куда вел ее дед. Они прошли мимо выкрашенной в зеленый церкви с высокими золотыми куполами, приблизились к покосенному деревянному забору, отодвинули засов у старой калитки и оказались внутри – на старом деревенском кладбище. Дед уверенной походкой подошел к свежему холмику, укрытому большими венками, и уселся на лавочку, бережно отодвигаясь, чтобы дать место Лизе. Оба молчали с минуту, пока он не произнес:

- Привет, Пелагея. Пришли мы вот... С Лизой. Если Наташка или Любка что-то скажут про меня, не верь. Они и про тебя трепались всяко, особенно в конце. Но я-то знал, из какого ты теста. Высшего качества. Только ушла раньше меня – недоглядел.

Лиза сидела, слушала. Ей вдруг показалось, что она заблуждалась о том, что значит выжить из ума. У деда, видимо, тоже кукуха поехала, как любила говорить старшая сестра. Бабку Пелагею она знала плохо. Последнее время та все лежала на кровати, ела с ложечки, бабушка Наташа за ней присматри-

вала. Тогда дед и перебрался спать на печку. Лиза помнила, как он шумно ругался с женой и нервно хлопал дверью. Когда сказали, что бабки не стало, девочке показалось, всем стало лучше. Поэтому она совершенно не понимала его слов.

Пошел снег, Лиза поехала. Дед заметил ее движение, встал, мягко подтолкнул к выходу. Когда вышли за ограду, неожиданно спросил:

- Много денег насобирала?
- Три рубля, – нехотя ответила Лиза, разочарованная тем, что тайна вдруг раскрылась.
- Держи еще, для круглого счета. – Дед достал из кармана несколько монет.

Лиза нехотя их взяла, понимая, что не испытывает никакой радости.

- Вы долго жили с бабушкой Пелагеей?
- Дольше жизни.
- Ты любил ее?
- Староват я для такого. А ты, мышь малая... Рано такое спрашивать. Как тебя только в твоём городе воспитают?

На следующее утро дед привычно закричал, уронил несколько монет на пол. Но Лиза больше за ними не побежала. Вечером приехала мама, собрали вещи, переночевали, поехали домой на старом дребезжащем автобусе. Дед проводить не вышел, она не сказала «пока».

- Мам, дед любил бабушку Пелагею?
- А ты его спрашивала?
- Не ответил...
- Понимаешь, Лиза, когда долго живешь с одним человеком, он становится как часть тебя. Можешь ответить на вопрос, любишь ли ты свою ногу? Или руку? Или этот ненужный шрам на брови, который остался после того, как ты упала? Так и дед. Бабушка стала частью его жизни, и теперь у него пропало нечто очень важное. Наверное, это любовь.

Девочка хотела рассказать, как дед ходил звать замуж бабушку Наташу и других соседок, но не стала. Думала только о том, что если бы пропал шрам на брови, ее бы это не расстроило. Но решила, что и правда ничего не знает о любви. За окном продолжал сыпать вчерашний снег, она вдруг вспомнила, как сидела с дедом на лавке, невольно прижимаясь к его руке, и от этого ей становилось тепло.

ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ
Родился в 1946 году в Ленинграде. Автор 31 стихотворного сборника, включая одностопник (2004), двухстопник (2006) и вышедший в издательстве «Художественная литература» сборник «Из семи книг» (2013). Переводчик классической и современной поэзии Востока, автор многих статей о поэзии и составитель ряда антологий и хрестоматий. Главный составитель в долгосрочном проекте «Антология русской поэзии». Лауреат многих отечественных и зарубежных премий, в том числе премии Ивана Бунина, Национальной премии Антона Дельвига, премии Андрея Белого, премии Иннокентия Анненского, премии Арсения и Андрея Тарновских, Государственной премии Республики Таджикистан имени Рудани, Международной премии Пеньо Пенева (Болгария), премии Георгия Леонидзе (Грузия), премии Мушфига (Азербайджан), премии «Нантех» (Армения), премии Алынула Осмонова (Ниргизия).

ЛЕРМОНТОВ В ТИФЛИСЕ

Входил он в кузницу Геворга
И запылившийся кинжал
Выхватывал, не скрыв восторга,
И горцев мысленно сражал.

Влюбившись в статную грузинку,
Гулял перед ее крыльцом,
Всегда готовый к поединку
С ревнивым мужем и отцом.

Многобалконный дивный берег
Запечатлел на полотне.
Малоприметный офицерик,
Пресыщен раем был вполне.

При тостах в духе местных правил
Отъехав чуть навеселе,
Свое присутствие оставил
В лиловой предвечерней мгле.

КУИНДЖИ

И бабочке он починил крыло,
И сонм ее прекрасных соплеменниц
Впустил в свой дом, а за окном бело,
Но длится жизнь шуршащих зимних пленниц.

И чудится: порхают папилоны,
Витают, собираясь в миллионы,
Все громче шорох невесомых крыл...
Зачем Ты однодневок сотворил?

Но думал этот милосердный грек,
Чье виденье столь солнечно и тонко,
Что короток и человеческий век,
И мыслящая носится поденка.

* * *

Край бешеной жары и невозможной стужи.
Приземистый народ могуч и темноок.
Там лица юные, столь нежные к тому же,
Дубеют, старятся и за короткий срок.

От полугодовых полярных этих суток
То черен небосклон, то золотисто-бел.
Еще не потускнел, должно быть, не созрел
Голубоватый взор молоденьких якуток.

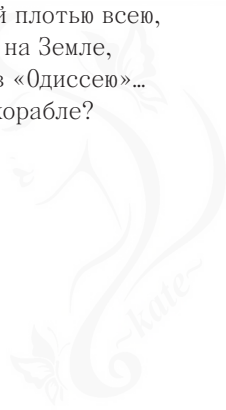
* * *

Искал я правду в их напевных сказах
И, перейдя кремнистый перевал,
На кладбище гигантов одноглазых
В пещерах заповедных побывал.

Густела тьма и, ничего не выдав,
Перетекала в музыку, в мираж.
История – исчезновение видов.
Пройдет однажды, может быть, и наш.

И думал я под сенью мощных сводов
О том, как в незапамятные дни
Здесь жило это племя овцеводов,
Как пожирали путников они.

Как прозревая тленной плотью всею,
Что места им не будет на Земле,
Бросали скалы прямо в «Одиссею»...
Не я ли плыл на этом корабле?

ИМЕНА ЯКУТОВ

Платон, Анемподист, Зенон, Сократ,
А то и Ксенофонт – вот имена якутов.
И в тундрах чудится тот эолийский лад,
Хранит его тайга, густым снежком окутав.

С водой крещения в который раз внесут
В обыденную жизнь ту золотую ноту.
Какой-нибудь Гомер, слепой олонхосут*,
Вплетет ее в напев – не будет мифам счету.

Философичен там отеческий закон,
Классический шаман бьет в бубен, бодр и боек,
Есть пифия своя, и в грозный Оймякон,
На полюс холода, ведет оленей стоик.

* Сказитель эпоса «Олонхо».

ОЛЕГ МОШНИКОВ

Родился в 1964 году в Петрозаводске. Окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

ПО ИСПАНИИ

Ползут на гору Монсеррат
Вагоны весело.
Туманом куш монастыря
Не занавесило.

Костел, капелла, щебет муз –
Вокруг да около:
Монументальный фотогруз –
Клади на «Облако»...

Твердь каталонская вдали,
Дар Божьей матери:
«Корзинка с хлебом» С. Дали,
Вино на скатерти.

Так небожитель смотрит вниз
В проем за тучами:
Вкуси, доверься, дотянись!
Твержу задумчиво:

Как удержать мгновенье, как? –
Сартана, Гауди...
Держу стихи на облаках
В объятьях памяти.

* * *

В моем красивом кишлаке Али
Так много солнца, неба и земли,
И чай едва ли прикрывает донце.
В моем красивом кишлаке Али
За дастархан усаживают гостя:
Сластят кумыс кишмишевые горсти.
В моем красивом кишлаке Али
В тени чинары маки расцвели
И на песок осыпались тюльпаны...
В моем красивом кишлаке Али,
В моем саду все девушки красивы!
Качнет чадру плакучей ивы
Весенний ветерок любви –
В моем красивом кишлаке Али.

САД

Легки
И прозрачны
Гигантские тени
Листов
Удивительных
Южных растений.
Японских цветов.
И на совести ночи
Строка,
Что их солнечный остров
Непрочен.
И сад их на склоне.
И линия жизни
Утонет
В протянутых ветру ладонях.
И ветер узнает
Их вечные мысли
По бьющимся жилкам
На сохнувших
Листьях.

ПРОЗА

ТОНЯ

МИХАИЛ БАЛАБИН
Выпускник режиссерской
лаборатории Санкт-Петербургской школы нового кино. Повести входили в длинные списки литературных премий «Дебют», «Лицей». Тенсты публиковались в издательстве «Энсмо», литературных журналах «Юность», «Сибирские огни».

– Он поцеловал меня, – говорит она. – Я не знала, как тебе рассказать...

Муж ворочает чашку по часовой. У них на кухне так много света.

– Помнишь, я ездила в Китай. – Она больше не улыбается. – На лето. Это было всего один раз...

Фарфор раскручивается по часовой. Муж думает о колоколе без языка.

– Мы тогда уже почти год, как с тобой встречались. Я не хотела, но он поцеловал меня...

Тоня смотрит в пол. Она нарезала яблоки. Нож пахнет металлом, а яблоки пахнут ничем. На вкус они похожи на полиэтилен. Неприятно спине. Тоня прислонилась – в столешницу встроена плита. Столешница врезается в позвоночник.

– Да.

Муж произносит это, но Тоне непонятна интонация. Она не пахнет металлом. Она не похожа на яблоки, но напоминает полиэтилен.

Чашка движется по часовой. Если раскрутить ее сильнее, то она завертится на ребре. Если прислонить ее к уху, то можно услышать звук раковины.

– Я ему сказала, что у нас ничего не будет, потому что я не одна...

Если открыть кран, в раковину льется вода. Если приложить к уху – в раковине будет море.

– Но тот китаец поцеловал меня. Он влюбился... Я сразу ушла. Больше мы никогда не виде-

лись. Мне тогда было, кажется, девятнадцать... Да...

Тоня неподвижна. Ее зрачки быстро движутся из стороны в сторону, и кажется, будто она читает что-то на стене.

– Я не хотела, – говорит Тоня. – Этот китаец взял и поцеловал меня...

Ее плечи начинают мелко трястись. Свет ослепляет. Лампы – шесть в люстре и шесть на шнурах под потолком. Муж пытается вспомнить, какая у них мощность.

– Тогда мне было девятнадцать. Теперь мне тридцать два, – вздрагивает Тоня. – Все это так давило...

Сначала ей стягивает горло. Потом вода. Тонкие струйки стекают к подбородку и что-то хлюпает, когда Тоня пытается утереть их. Рот корчится. Наморщен лоб, и, наверное, будут морщины.

– Мне было перед тобой так стыдно, вот и все...

Некоторое время у нее не получается говорить.

– Вот и все...

– Ничего, – говорит муж.

И снова Тоня не может определить интонацию. Это что-то белое. Как нагретый пластик во рту.

– Завтра рано вставать, – говорит муж.

– Да-да... – Налив воду, Тоня быстро пьет.

Дрожь все не отступает. Наконец у нее получается высморкаться, прижав к носу салфетку. Намочив бумага липнет к пальцам, но она не замечает.

– Ты ложись... – тихо говорит она. – Я буду еще собираться. Мне надо собираться...

– Успеешь.

Тоня снова пьет. Но этот вкус, теплый пластмассовый вкус никуда не уходит.

– Сколько еще нужно всего... – Пластик налип на языке. – Я составила список. Ты иди...

В спальне темно. Беззвучно работает телевизор. Кровать в отблесках синего кажется совсем пустой. Укрывшись одеялом, муж слышит, как Тоня переключает вещи за стеной. Он закрывает глаза и лежит, прикрыв подушкой голову. Иногда Тоня заходит к нему и тихо достает что-то из шкафов.

У нее новые футболки. Кажется, Levi's...

Сквозь потную ткань сна почти не слышен ее голос.

Муж просыпается от будильника, но подушка рядом пуста.

– Так... На завтрак у нас каша, – говорит Тоня, когда он заходит на кухню. – Сейчас тебе наложу. Кофе будешь?

– Ты ложила?

– Да-да... – Она поливает овсянку медом. – Что тут у нас? А!

Нарезка бананов на разделочной доске. Липкие кусочки падают в тарелку.

– Уже переделала кучу всего, пока ты спал. Ты очень много спишь... У нас сегодня в десять, помнишь?

Муж вяло мнет сероватую массу ложкой.

– Ты помнишь, да?

– Да...

Тоня добавляет в кофе молоко и опускает в чашку металлическую трубочку. Она не уверена, есть ли у этой трубочки название. Гудит кофемашина. Мокрые пальцы скользят, и в спешке Тоне не сразу удается повернуть переключатель. Застонав, аппарат нагнетает пар, и бурая поверхность в чашке вспучивается. Выплеснув из себя совсем чуть-чуть, машина вздрагивает в конвульсиях. Тоне становится смешно.

Ей смешно, когда они едут в джипе. За окном намазанные солнцем деревья. Коробка листает передачи.

– Что? – спрашивает муж.

– Да так, ничего. Вспомнила, как ты сказал, что хочешь купить джип, а я спросила: какой марки джип? – Тоня пролистывает что-то в телефоне. – А ты так и ответил: джип. Смешно...

– Не знаю... – говорит муж. – Тебе весело?

– Так. Я вообще очень позитивный человек... – Улыбаясь, Тоня смотрит на часы. – Вчера хотела записаться через интернет, но там есть время

только на среду... Пришлось отправлять запрос на почту, но я не думаю, что они на выходных прочитали. Так что надо успеть, они работают с десяти...

– Без записи не примут.

– Почему ты все время каркаешь? Этот пессимизм... Просто надо верить, и все получится! О, какая красивая... – Сделав звук радио погромче, она подпевает. – Да... Это моя музыка... Да...

Муж думает, что молчание – как стекло в телефоне. Его наклеивают на экран, а отдирается оно с тихим хрустом. Сделано так, чтобы осколки повисли на пленке.

Тоня покачивается в такт музыке, улыбаясь.

– Сегодня ты ярко нарядилась...

– Ты просто не замечал. – Тоня смотрит в зеркало. – Я всегда так ходила. Не хочу быть серой мышкой! Я по природе боец, а не насадка, которая...

– А что кричишь?

– Я не кричу. У меня прекрасное настроение. – Тоня опускает стекло, и утренний кислород проникает в салон вместе с пиликаньем световогофора. – У меня всегда прекрасное настроение! Просто ты...

– Смотри, дети идут в школу. – Муж показывает на переход.

– Да, я вижу. Такие нарядные, с цветами... Кстати, я уже заказала букет маме, ей будет приятно. Сегодня должны привезти.

– Первое сентября. Я и забыл...

– Надо позвонить, поздравить... Да прямо сейчас и поздравлю! Почему я все время откладываю? – Тоня набирает номер. – Как это ты мог забыть? А ты свою маму поздравил?

Включив поворотник, муж перестраивается на право.

– Как всегда, – говорит Тоня. – Позвони, ей будет приятно. Не откладывай... Привет! Алло... Привет, а я знаю, какой сегодня день! У кого сегодня праздник? А? С днем учителя, ура-ура! Желаю тебе солнечной погоды, никогда не грустить, следить за собой, вот... не есть вреднятины, не толстеть и всего-всего-всего! Ми-ми-ми!

Муж слушает, как едва уловимо смеется из динамика Тонина мама. Приглушив музыку, он нажимает на кнопку. Аварийка тикает, дробя осень на отрезки. Небо уже всосало в себя часть тепла. По улице в крыльях машин скользит пустое солнце. На другой стороне из-за ограды Академии связи имени Буденного смотрит на мир Александр Второй. Мужу кажется, что нет никакой связи, только про-

Тонкое тело обтянуто черной футболкой с надписью Star Wars. Покачиваясь с носка на пятку, она приподнимается на цыпочках, замирая: кроссовка – нагая нога – небо. Дрожит на юбке бахромы их кожаных полосок. Иногда Тоня, чуть запрокинув голову, смеется. В мочках золотые леопарды, леопарды кусают кольца, леопард на пальце блестит, прижав уши. И сама она хрупкий леопард в расстегнутом кардигане – поправляет тонкую шерсть с черными пятнами.

странство, расчерченное металлическими линиями на равные части. И все же они похожи – красный маршал и освободительный царь, похожи своими усами, которые тоже линии из прошлого в будущее, делящие время горизонтально. А значит, у времени есть не только это мерцание оранжевым, но и верх и, наверное, низ...

«Тик», – произносит аварийка.

– У меня все очень хорошо. После обеда забираю билеты в Крым. Да... – говорит Тоня. – Купила новый купальник, вот... Хочу танцевать у моря и загорать!

Она смеется.

Включив задний ход, муж начинает движение, плавно выворачивая руль.

«Так», – шелкает аварийка.

– Да. Я тебе сразу позвоню, как долечу. Конечно... Ну все. И не запускай себя больше! То фото, что ты скинула, – это просто ужас! Это потому, что ты ешь что попало...

Муж встраивается в просвете между машинами. Возле входа в небольшое двухэтажное здание – очередь.

– А кто последний? – спрашивает Тоня.

– Вы по записи?

– Да, я по записи, я записалась через почту...

– Тут по списку вызывают... По несколько человек из-за «короны»...

– А-а-а... Понятно, – говорит Тоня. – Интересно...

Горстка людей смотрит на дверь. В небе синева расплывается по холодной горизонтали. Это тоже линия, отмеренная отрезками на вчера и сегодня. И где-то посередине вертикаль – осень.

Еще нет желтизны, но люди не замечают, потому что люди в очереди скучны. Тоня разговаривает со стариком. От него пахнет мылом. Зажав под мышкой папку, он рассуждает о вирусе. «Да... Ну конечно. Так и есть», – громко соглашается Тоня. Тонкое тело обтянуто черной футболкой с надписью Star Wars. Покачиваясь с носка на пятку, она приподнимается на цыпочках, замирая: кроссовка – нагая нога – небо. Дрожит на юбке бахромы их кожаных полосок. Иногда Тоня, чуть запрокинув голову, смеется. В мочках золотые леопарды, леопарды кусают кольца, леопард на пальце блестит, прижав уши. И сама она хрупкий леопард в расстегнутом кардигане – поправляет тонкую шерсть с черными пятнами. Рукава обрамлены зеленым, а на левом запястье часы с Микки-Маусом. Мышонок, пританцовывая, показывает время. Тоня постукивает два раза по экрану.

– Десять часов восемнадцать минут! – пропевает Микки и заливисто смеется. – Доброе утро!

– Доброе утро, – нежно повторяет за ним Тоня.

Чуть улыбнувшись, она поворачивается к женщине у самой двери:

– А вы за чем стоите?

Волосы женщины выкрашены в рыжий, у корней проблескивает седина.

– Что? – переспрашивает она.

– А вы за чем стоите?

– Да вот... – Чуть приподнимаются уголки губ. – Пришла за свидетельством о смерти...

Ветер едва шевелит ее испорченные химией кудри.

– Прикольно... – говорит Тоня.

Помолчав, она добавляет:

– То есть...

– Десять часов двадцать одна минута! – радуется случайному касанию Микки, притоптывая ножкой.

Из дверей появляются руки, и сухой голос спрашивает:

– Патрушевич здесь? Так... Кто еще на половину одиннадцатого?

Тоня прерывисто объясняет, что записи через «Госуслуги» не было, и она звонила, но не позволилась, поэтому отправила письмо на почту, а вообще ей обязательно нужно именно сегодня, и что у нее уже через интернет оплачена пошлина:

– Вот распечатка...

Муж думает о том, что плитка под ногами перпендикулярна поребрику, а асфальт на проезжей части продавлен колесами машин и образует едва заметную волну так, что геометрия испорчена навсегда, и не остается ничего иного, как непрерывно смотреть на разделительную полосу, где, накалившись до боли в глазах, сияет солнце.

Под напором Тони их пропускают внутрь и оставляют сидеть на обитой дерматином скамейке. Кожзам скользок на ощупь. Муж закрывает глаза. Разделенные голоса почти неразличимы. Он пытается сосредоточиться на изнанке век.

Вскоре Тоня зовет его в кабинет, и они садятся друг напротив друга. За столом остроликая девушка перебирает бумаги.

– Вот, – говорит Тоня. – Пошлину я оплатила.

– Паспорта, пожалуйста. Так...

Остроликая впечатывает текст. Клавиши двигаются под пальцами, пластик мягко уходит вниз – на экране, который ни Тоня, ни муж не видят, появляются символы кириллицы. Комната напоминает бутылку бесцветного стекла, заполненную светом.

– Совместные дети есть?

– Нет-нет, – отвечает Тоня. – Детей нет, но я хочу... А когда можно будет получить этот документ, который выдают...

– Свидетельство?

– Свидетельство. Да, я знаю...

– Ну, где-то через месяц. Может быть, чуть больше – сейчас все расписано. Точнее скажу, как оформим. Фамилию сохраняете?

– Нет, хочу старую...

– Тогда пишите здесь на бумажке разборчиво.

Ручка не пишет, и приходится повторять уже проведенные линии по несколько раз. Закончив, Тоня откидывается на спинку стула. Чуть улыбаясь, она рассматривает что-то на потолке.

– У вас тут очень красивая лепнина... узор...

– Здание старое...

– Я знаю. Да... Очень красиво...

Остроликая хмыкает.

– А вы здесь давно работаете? – спрашивает Тоня.

– Несколько лет. Сейчас я распечатаю заявление, и вам вдвоем нужно будет подписать...

– Да. Я знаю...

Тоня то сдвигает, то разводит колени, не замечая, как задралась юбка.

– А я завтра поеду в Крым, – говорит она.

– Завидую вам...

– Да... Я уже была там по обучению, а теперь хочу отдохнуть...

Муж смотрит на кружевную полоску у нее между ног.

– У тебя там все видно... – тихо говорит он.

Блуждая взглядом по комнате, Тоня спрашивает:

– У вас, наверное, очень много людей за день проходит?

– Бывает... – не отрывается от компьютера остроликая.

– С утра с людьми, это очень сложно...

– У всех свои запросы. Некоторые просто кричат, требуют. Иногда просто удивляешься...

– Да! – соглашается Тоня. – Я понимаю... И каждый что-то хочет на определенных эмоциях и нужно с каждым коммуницировать! Вы молодец...

– Спасибо...

– Да... Вы молодец.

Принтер дребезжит, прокатывая роликами белые листы. Муж думает, что если быстро провести по краю кончиком пальца, то выступит кровь. Тонкий порез также получается, если провести по коже липкой зеленой травинкой...

Пахнет нагретым тонером.

– Это ваше заявление. Нужно, чтоб подписали оба, – говорит остроликая. – Здесь и здесь...

Когда они едут в машине, Тоня повторяет список. Пляжное полотенце. Коралловый купальник. И еще второй, новый. Сумочку с Микки. Умывалку для лица. Платье: темное с грибочками, голубое. Отсолнечные очки. Новые футболки и футболку с Барби. Босоножки... Надо еще успеть купить красивые шлепки, чтобы ходить на пляж...

– Что? – переспрашивает Тоня.

– ...Успеваем к двенадцати. В двенадцать у нас назначено, забыла? – говорит муж.

...Зубную пасту с кальцием, как сказала стоматолог. Шетку. Носочки – несколько пар. Пижаму с тиграми, чтобы спать...

– Нет, я помню... Только для чего это? Мне это совершенно не нужно...

– Мы же договорились...

– Да, но ты не понимаешь! В два я забираю билеты, вечером у меня вебинар, а потом еще всю ночь собираться. У меня сумки...

- Я тебя потом отвезу за билетами.
- Отвезешь?
- Да...

Муж нажимает на педаль. В лицо Тоне несется день, перебирая цветными пятнами. «Я помню», – думает Тоня. Такой был в детстве. Она смотрела в пластиковую трубочку калейдоскопа. Если повернуть, то будет шелест. А внутри чуть акварельное по краям сплетение. Голубые осколки неба. Дробятся алые ягоды. И зеленый, много зеленого всех оттенков шуршащей листвы.

Ветер трогает лоб, и Тоня полностью опускает стекло, подставляя себя движению. Звуки сминаются под рывками воздуха, все летит, и все же можно различить, как кто-то поет у светофора.

- Да... – выдыхает Тоня. – Смотри! Смотри скорей!

Возле перехода мужчина прижимает губы к микрофону.

- Я его уже слышала, когда ходила за симкой... Он поет ту же песню, что и в тот раз. Про счастье... Да...

Тоня делает волнообразное движение рукой.

- Я сразу поняла – это про меня...

Она машет из окна, но черная полоса уже прокапывается под колесами, унося назад звукоусилители. Небо, исчерканное проводами, движется в первой трети лобового стекла, там, где трещина.

- ...Куда ты лезешь?

- Пропусти его, – просит Тоня. – Пропусти, он тебе ничего не сделал...

Муж рывком притормаживает.

- Пропусти...

Тоня смотрит ему в лицо. Наверное, это ломкое освещение, эти постоянные блики, но сейчас она замечает пятна. Кожа там совсем тонкая.

- А я тебе заказала ночью футболку, – говорит Тоня. – И шортики...

У мужа под глазами пятна. Он щурится, напрягая зрение, и мелкие морщинки проступают под нижними веками. Совсем серые...

- Должны будут на неделе привезти, – говорит Тоня. – «Рибок».

Машина поворачивает направо.

- Чтобы ты ходил в спортклуб и не грустил...

Тоня знает эту улицу. Рядом обменник и в одной из квартир зоопарк. Они ходили туда смотреть енотов. Еноты ели виноград...

- Не грусти, – говорит она. – Ну?

- Дизелем воняет...

- Ну?

Движение здесь медленней. У обочины из-под разрытого асфальта поднимают трубу.

- Я же поехала с тобой, как ты хотел. Но пойми, никакой психолог нам не нужен... Это правда. Свои проблемы нам не поможет решить никакой психолог...

Врубается отбойный молоток. Муж поднимает стекла.

- Я перечитала очень много книг по психологии... – говорит Тоня. – Ты не представляешь сколько. Сначала я думала, что со мной что-то не так. А потом я разобралась! Ты просто не понимаешь, мне долгое время приходилось жить как в бутылке! А сейчас я чувствую, что у меня раскрылись крылья...

Поток еле движется. Муж смотрит на дорогу.

- Как бабочка, вылезшая из кокона, – продолжает Тоня. – У меня столько сил, энергии, мыслей... Как же я проспала столько времени? Сейчас я чувствую себя, сейчас я – это настоящая я. Понимаешь? А тебе нужна другая. Спокойная. Тихая. Но это не я, понимаешь? Я другая. Я по натуре лидер...

Машина едет рывками. Кажется, будто плывешь «лягушкой» в бассейне, думает Тоня. У стиля есть какое-то название... Оно пахнет хлоркой. В бассейне везде хлорка...

- Ты понимаешь или нет? – спрашивает Тоня.

Муж держится за руль. Одна рука на подлокотнике. Он совсем зарос: волосы лезут на глаза. В ушах перхоть. Он смотрит вперед. Но впереди ничего нет, только серый от грязи зад «газели».

- Да, – говорит муж. – Да...

Его интонация напоминает клеенку. Тоня видела такую в детстве. Огонь едва тлел под влажными листьями. Из костра торчал обрывок клеенки. Тоня стояла в резиновых сапогах. Воняло гарью и еще чем-то вроде хлорки...

Тоня ощущает, как что-то ноет у нее внизу живота, но не может разобрать смысл этого присутствия. Боль? Тяжесть по-женски? Все кажется ненастоящим в этой машине. Сиденья. Накладка поверх бардачка. Тоня накрывает руку мужа ладонью. Чуть сжимает – теплая...

* * *

Ожидающие на диванах люди поворачиваются, когда Тоня заходит внутрь. Железная дверь за мужем подтягивается доводчиком, женщина в белом халате долго ищет время их записи.

- К Виноградову, – тихо говорит она в трубку.

Немного посоветовавшись с кем-то, она произносит:

- Валентин Валентинович вас позовет...

Места у входа заняты силуэтами в бахилах, и Тоня проходит в коридор, где можно сесть у кулера. Муж нажимает на кнопку. Качает помпа, и Тоня наблюдает за тем, как что-то рывками всасывает воду. С чавканьем оно заглатывает ее внутрь себя, а на поверхности внутри бутылки возникают пузырьки. Не очень различимые под обрывками полиэтилена, они набухают и лопаются. Лопаются и набухают, а в бесцветном стаканчике появляется вода с неприятным запахом. Тоне кажется, что это смешно. И все же в этом есть связь. Все связано, даже бульканье, вода и стаканчик. Из стаканчика она будет пить воду, а море – плескаться о берег. Оно прохладное и соленое. Под ярким солнцем Тоня укроет голову шляпой. А в темноте достанет термос, записанный в заметки. Тоня добавляет большим пальцем белое платье. В нем она будет танцевать, когда стемнеет... – Здравствуйте. Вы Антонина? – спрашивает кто-то приветливый.

Но муж поднимается первым. Он быстро говорит, что они пришли вдвоем. Кажется, ему нужно пойти с психологом, а уже потом вернуться за Тоней. Это не очень понятно. Приветливый отвечает из-под маски, что не против, если Тоня не возражает.

– Конечно, я подожду, – соглашается она.

Вещи она сложит в черный рюкзак. Тот самый, к которому муж приколот брошку. Белый зверек с мечом в лапках. «Такой же, как ты, – сказал он. – Снуснумрик». Но рюкзак совсем небольшой. Еще есть зеленая сумка с кожаной ручкой. Внутрь войдет спальник. Записать шампунь и, второй раз, отсол- нечные очки, только другие, как в «Матрице»...

Слышно, как шелкают, ударяя печатями о бумагу, женщины за стойкой у входа. Кто-то смеется. Некоторое время Тоня сидит одна, пока не появляются пожилой мужчина с парнем лет двадцати. Оба одеты в костюмы из грубого коричневого.

– Жди тут, – говорит пожилой.

Он открывает дверь с табличкой WC и запирается внутри. Этих секунд достаточно, чтобы уловить едва различимый запах хлорки. Парень стоит, прижавшись спиной к стене. Бежевая рубашка без галстука застегнута на все пуговицы. Поверх – пиджак, чуть перекошенный на одно плечо. Место рядом с ним свободно.

– Садитесь, – говорит ему Тоня. – Вот здесь удобно...

Глаза парня едва заметны из-под очков. Он неподвижно рассматривает что-то в пустоте коридора. Кто-то по-вороньи кашляет в туалете. Раздаются звуки падающей воды, и пожилой выходит, встряхивая руками в воздухе. Он прикрывает дверь, но пространство уже заполнено хлором.

Список едва заметно слезится. Пожилой с парнем уходят, а Тоня добавляет в экран белое худи Levi's и два банана, которые она съест в автобусе. Но бананы теряют вкус. Она записывает влажные салфетки и туалетную бумагу, ощущая на губах хлорку. Вечером у воды она будет сидеть в футболке с Гарфилдом. От солнца надо взять крем, но у крема тот же запах...

Поднявшись, Тоня идет наугад по коридору, не отрываясь от телефона. Вкус дезинфекции расползается во рту. Она думает, что в поездке у нее будет с собой арбузный «дирол» и жвачка с миньонами. Тоня скачала игру: желтый миньон бежит по лабиринту...

Смешно.

Лабиринт тоже продезинфицирован для гигиены. Для гигиены прокладка с тремя капельками. Резиночки для волос...

– Ты почему не ждешь? – натывается на нее муж.

– Там запах и...

– Пошли...

Приветливый приподнимается из-за стола, когда Тоня входит в кабинет. Он предлагает садиться и говорит, что его зовут Валентин Валентинович. Светлая обивка кресел шершава на ощупь. Кабинет заполнен зеленым древесным цветом.

– Как у вас здесь хорошо, – говорит Тоня. – Мне нравится...

– Спасибо...

– Да...

На небольшой подставке истекает паром увлажнитель воздуха.

– Я так понял, – говорит Валентин Валентинович, – что вы с мужем рассматриваете вариант развода...

Маска закрывает его лицо так, что видны только улыбающиеся глаза. Едва различимо откуда-то из-под потолка играет музыка.

– Мы не рассматриваем, – отвечает Тоня. – Мы сегодня подали заявление... А что это у вас за статуэтка? Милый медвежонок.

– Это дочка подарила...

– Очень красивый.

– Да. Спасибо... И все-таки что-то же вас подтолкнуло? Какие-то события?

– Нет, это уже давно. Это уже два года... Долго рассказывать. Просто тотальное непонимание...

Приветливый чуть наклоняет голову, и Тоня догадывается, что это не просто маска, а респиратор. «Я знаю», – думает она. Прямо в районе носа смешной нарост с отверстиями. Пластиковый клапан напоминает пятачок...

- Вы улыбаетесь. Почему?
- Просто, – разводит руками Тоня. – Хорошее настроение, вот и все...
- А в последнее время с вами не происходило ничего волнующего?
- Нет. А что должно было происходить?
- Может быть, вы долго работали и переутомились... Стресс...
- Ну да... Я всегда много работаю, потому что я очень активная. Разве это плохо?
- Вы не ощущали какого-то излишнего внимания по отношению к себе?
- Да нет, – пожимает плечами Тоня. – С чего бы это?
- Или, например, слезки... Может быть, кто-то преследовал вас...
- Нет, – почти смеется Тоня. – Ничего такого не было.
- Ваш муж сказал, что когда вы вернулись с фестиваля...
- Да. Я знаю... Я была там на обучении...
- То у вас возникли опасения по поводу преследования. Какие-то люди подмешивали вам что-то...
- Подмешивали? – переспрашивает Тоня. – Нет...
- Такого не было?
- Слушайте, вы все неверно воспринимаете, – говорит она. – У меня были сутки без сна. Я очень устала после перелета, а вы это интерпретируете как...
- Вы ощущали за собой слезку?
- Вы меня не слушаете! Я же говорю, как все происходило. Я вообще не понимаю, к чему это... Как семейный психолог вы лучше спросите у него, – Тоня показывает на мужа, – как он...
- Да вы не волнуйтесь, – говорит Валентин Валентинович. – Мы же просто беседуем, чтобы начать с какой-то отправной точки. А сейчас вы как спите?
- Хорошо.
- Встаете рано?
- Я еще в студенчестве вставала рано. Для меня это органично. Это моя суть, понимаете, чтобы все успеть сделать, – говорит Тоня. – Я привыкла идти к цели, потому что я не деревяшка, которая ни бум-бум! У меня есть талант, и я поняла, что должна пользоваться им! Я встаю теперь рано. Это у него ритм: спать до обеда, а потом...
- Во сколько вы сегодня проснулись?
- Ну, где-то ближе к семи...
- А легли?
- Я не засекала. После двенадцати...
- После двенадцати?
- Ну где-то так...
- И все-таки, хотя бы примерно, во сколько?
- Слушайте, время в принципе понятие относительное, верно? Вообще если очень быстро двигаться, например, как в фильмах про инопланетян, то время будет другим. Время движется не только вперед, но и, кажется, как-то по наклонной, волнами, или как-то так... – говорит Тоня. – Сегодня ты можешь заснуть в одно время, завтра в другое. У каждого свои жизненные часы и биологические ритмы так устроены, что каждому нужно отдыхать какое-то время... У меня, например, было много работы, поэтому я и еду отдыхать. Я очень много работала, и мне теперь надо отдохнуть...
- Да-да... Это хорошо, как и относительность... – задумчиво произносит Валентин Валентинович. – И все же существуют вещи действительно относительные, насчет которых никто ничего определенного сказать не может, например, есть ли Бог или в чем смысл жизни, и есть вещи вполне конкретные...
- Я знаю, в чем смысл жизни.
- Валентин Валентинович внимательно смотрит на нее.
- Знаете? – спрашивает он. – И в чем же?
- Я скажу, – говорит Тоня. – В этом нет ничего сложного. Смысл жизни в том, чтобы любить и поддерживать друг друга. В полной открытости. В полном доверии. Чтобы одно чувство на двоих. Это и есть настоящее. Как две горошинки в стручке... Вот в чем смысл жизни...
- Посмотрев на кончики пальцев, она перебрасывает взгляд на собеседника.
- Это же просто. Вот и все...
- Тоне кажется, что глаза Валентина Валентиновича похожи на два кусочка слюды. Солнце струится в них сквозь воду.
- А речка так и называлась – Слюдянка...
- «Я помню», – думает Тоня. Да...
- Хорошо... – Валентин Валентинович чуть наклоняется вперед. – Но дело в том, что ваш муж очень волнуется. Он считает, что вы испытываете сильный стресс из-за развода...
- Это у него стресс, – морщится Тоня. – Он вам просто не говорит. Вы даже не знаете, что у него...
- Возможно, но разговор сейчас о другом...
- Я чувствую себя прекрасно. Я пришла сюда только ради него...
- И все-таки он переживает... – повторяет Валентин Валентинович. – Вы снова улыбаетесь?
- Ничего... Просто у вас нос на маске похож на такой пятачок, знаете, как у свинок бывает... – показывает на себе Тоня.

- Да? – удивляется психолог.
- Да...
- Тонкая струйка пара вырывается из увлажнителя.
- А насчет развода, – говорит Тоня, – это ему надо помочь. Мы подали на развод, но мы не чужие. Я понимаю...
- Валентин Валентинович доброжелательно кивает.
- И все же вы сказали, что хотите отдохнуть от работы, – замечает он. – Мозгу нужно восстанавливаться...
- Конечно, организму, чтобы нормально функционировать, нужен отдых, – соглашается Тоня. – Это везде пишут. Я видела в одной передаче – брали интервью у людей после часа сна. Потому что наши клетки так устроены. Иначе они не работают, и чтобы...
- Все правильно, – говорит Валентин Валентинович. – У нас тоже есть специальная методика для обследования. Уж не знаю, как там по телевизору, но вполне современная. Единственная в городе. Ведь вы же хотели бы проверить, как у вас функционирует организм?
- Закинув руки за голову, Тоня ерошит волосы.
- Ну да... Только я завтра уезжаю, – говорит она. – Наверное, уже после возвращения, хотя у меня будет все занято...
- А хотите прямо сейчас обследоваться? – радуется Валентин Валентинович.
- Сейчас?
- Прямо сейчас. У нас есть такая возможность.
- Это было бы интересно... А много, ну... времени это займет?
- Нет, не очень. Сделаем несколько тестов, базовые обследования...
- «Он покачивает пальцем, как дирижер», – думает Тоня.
- Здорово. Я хочу, – улыбается она. – А что надо делать?
- А я сейчас вам все покажу. – Валентин Валентинович встает из-за стола. – Пойдемте со мной.
- Пойдем, – говорит Тоня мужу.
- Нет, его мы пока оставим здесь, – мягко отвечает Валентин Валентинович, открывая дверь. – Подождите меня тут, хорошо?
- Они идут по коридорам. Здесь сильнее, чем в кабинете, ощущается запах дезинфекции. Дотронувшись до стены, Тоня отмечает прохладу. Она ведет линию, двигаясь вдоль скользкой плоскости. Люминесцентное пространство однообразно. Коридоры уставлены дверьми; каждая с белой ручкой. Отчего-то Тоня представляет себе, как миньоны, только безлицые и серые, напоминающие огромные

таблетки «тик-так» своей окаменелостью, перекачиваются за каждым проемом. Массивные бока продавливают пол. И что-то едва заметно вибрирует под кальциевой оболочкой... Но если вдруг все откроется, думает Тоня, и всякая округлость выйдет наружу, то что же тогда делать, чтобы стало органично? Наверное, они будут катиться, а она бежать. Бежать, ощущая, как нарастает за спиной рокот. И только силуэты в бахилах, похоже, все так же будут перешептываться, глотая невкусную воду.

Смешно...

Валентин Валентинович открывает одну из дверей.

– Вот, сделайте, пожалуйста, кровь, тесты, как обычно... – говорит он. – Сейчас девушки начнут, а я чуть позже подойду.

Комната покрыта кафелем. Тоня садится на стул, и женщина в зеленоватом медицинском костюме говорит:

– Сейчас возьмем кровь. Процедуры не боитесь?

– Нет, – улыбается Тоня. – Я не боюсь...

– Отличненько. Поработайте-ка кулаком.

Тоня работает кулаком, пока в тонкую жилку на сгибе не входит игла. Пластиковая пробирка наполняется красным, но это почти не больно. Она течет медленно, как вода из банки с краской. Потом женщина в зеленом медицинском костюме говорит: «Вот и все...» – и перебинтовывает прокол. В соседнем помещении Тоню укладывают на кушетку и мажут чем-то резко пахнущим запястья, лодыжки и грудь, так что приходится снять лифчик.

– Все в порядке?

– Да, – отвечает Тоня. – Только запах...

Но ее уже обклеивают датчиками, подключая к небольшому аппарату. Теперь он связан с ее телом. По проводам проходят сигналы, соединяя пульс, дыхание и устройство, считывающее все это и записывающее в память и на специальную бумагу, где образуется кривая. Это неприятно, когда сбивается ритм. «Я помню», – думает Тоня. Но от процедуры только шиплет в запястьях и щекотно от присосок.

– У вас тут как в космической тарелке, – глядя на подвесной потолок, говорит Тоня. – Все в проводках...

Потом ей объясняют, что показания получились хорошие, и женщина в зеленом медицинском костюме ведет ее в соседний кабинет.

Что-то жужжит в сумочке. Тоня проводит пальцем по экрану:

– Да-да, – говорит она. – Конечно, я помню. У меня записано... Паспорт у меня с собой. Конечно, я заберу...

Ее усаживают на стул и надевают на голову сеточку из проводов. В дверях появляется Валентин Валентинович:

- Ну, как тут у нас?
 - Все отлично, – улыбается Тоня. – У вас тут все очень хорошо обустроено. Прямо как на инопланетном корабле. Сплошная техника...
 - Да-да, – радуется Валентин Валентинович. – Вот, запейте таблетку...
 - А это зачем?
 - А это для обследования. Сейчас будем смотреть мозг. Чтобы лучше считывать данные.
 - А, понятно, – говорит Тоня. – Хорошо.
- У воды медицинский вкус.

Женщина с морщинистыми руками долго поправляет проводки и что-то настраивает на компьютере.

- Сережки нужно снять, – объясняет она.

Два золотых леопарда, улыбаясь, опускаются в сумочку. Тоня гладит их по носам перед тем, как зашелкнуть замок.

- Сейчас будет немножко неудобно, – говорит женщина.

Тоне к волосам прикладывают что-то холодное и мокрое.

- Ну как?
- Неприятно...
- Чуть-чуть надо потерпеть.

Один за другим, отодвигая волосы, под сеточку крепят электроды.

- Как вы во всем этом не путаетесь? – удивляется Тоня. – Давайте я подержу.
- Нет-нет. Я сама...

Закончив, женщина снова подходит к компьютеру. Вздохнув, она шелкает несколько раз по кнопкам и чего-то ждет. Тоня думает, что вся эта связанность, все это спрятанное в изоляции электричество чем-то напоминает мышек, которых водят по лабиринту, пока они ищут свой сыр, а потом ударяют током...

- Сейчас, еще разок. – Женщина переставляет электроды.

После каждого перемещения она возвращается к экрану и, хмыкая, стучит по клавишам. Иногда электроды отваливаются, и тогда ей приходится снова смачивать их чем-то холодным и прикладывать к Тониной голове.

Будто прикоснулись железным шариком.

Женщина загораживает комнату, но Тоня замечает, что кафельные стены едва заметно посерели. Исчезла наполнявшая их глянцевость, и запах медицины, кажется, стал сильнее.

- Чем вы мажете мне там волосы? – спрашивает Тоня.

- Ничем, – отвечает женщина. – Это специально... Должен быть контакт, а контакта нету...

Контакта нету, думает Тоня. Она представляет себе контакт. Он должен быть железным и кислым, если положить его на язык. Таким осязаемым. Настоящим, как соленая вода. Отчего-то нет ничего более настоящего, чем соленая вода. Ночью она совсем черная, когда плещет о деревянный причал. Ты стоишь и покачиваешься вместе с ней. Это движение тоже танец, только танец другого рода. Нет ничего более шершавого, чем песок, когда наступаешь на него босой ногой, думает Тоня. И если зажгут огни, то все это придет в единство: море, босая нога и песок, сложатся, наконец, в одно плавное настоящее, которого у нее не было...

- Ну вот, – говорит женщина.

Выключив свет, она задвигает перегородку, отделяя себя от Тони. Слышно, как кто-то ворочается за компьютером, неестественно нажимая на кнопки. В полумраке бликуют лампы, вмонтированные в потолок, сделанный из гипсокартона. Наверное, и стены здесь из гипсокартона, думает Тоня. Но лучше не обращать на это внимание. Рисовать можно на бумаге. Она нарисует рассвет, как лето, хотя уже сентябрь. На деревянном настиле будут гулять коты. Можно гладить их мурчащую шерсть и смотреть в небо. Тоня старается не замечать, что из угла за ней наблюдает огонек. Цепкий огонек фиксирует ее стеклянным глазом. Слышно, как вентилятор перемалывает воздух за ширмой. Электроды нагреваются, Тоня чувствует импульсы, проходящие сквозь голову. Она пытается сосредоточиться на списке. Ей нужен был список, чтобы ничего не забыть для того, что произойдет на солнце. В нем были вещи: футболочка с Гарфилдом, Микки и соленая вода. Микки улыбается, он мышенок. А в сережках коты, но они добрые. Сетка из проводов вокруг головы испускает невидимые лучи, от которых становится тяжело удерживать мысли. Огонек пульсирует. Тоня думает, что ничего не сделала огоньку. Нужно просто немного потерпеть. В списке были полотенца, песок и еще одна футболка, с Барби. Их помещают в домики, одевают и следят за чаепитием. «Я помню, – думает Тоня. – Когда-то я хотела Барби, а теперь я сама – Барби». Тоня смотрит на ладони. У нее гнутся пальцы. Женщина с морщинистой кожей вздыхает за ширмой, как настоящая. Тоне хочется сказать, чтобы женщина не притворялась, но та жалобно скребется за перегородкой. В полумраке видно, что перегородка

совсем тонкая, потому что сделана из картона. Рядом с домиком кто-то, наверное, поставил ведро, и теперь хлорка струится в воздухе. От этого слезятся глаза. Они облучают голову, поэтому мысли искривлены. Их не так просто уловить, ведь у них нет прямого, только скользкость. Тысяча компьютерных змеек струится вверх, вперед, назад. Их хвосты блестящи. Следить за ними невыносимо. Тоня рвет пальцами проводки, чтобы не закричать, но горячие пластинки вросли в голову. Теплый гель скользит, и когда одна пластинка слетает, то слышен стук. Загорается свет, и кто-то распутывает ее коричневыми руками.

– Снимите их... – Тоне кажется, что голос едва звучит. – Не надо...

От кожи несет потом.

Ей дают воду, и женщина в зеленом медицинском костюме ведет ее по коридору.

– Все хорошо. Хорошо... Сейчас сделаем тестик.

Люди пьют из пластика. Шуршание рассыпается, когда они передвигают ноги. Лица сматы и почти не смотрят на нее. Стены монотонны. Стены извиваются углами, напоминая рисунок. Они заштрихованы карандашом, и пространство образуется сгибанием угла.

– Сейчас сделаем тестик...

– Я не хочу... – произносит Тоня. – Здесь... нехорошо...

– Только один...

– Нет... Я иначе... опаздываю, – повторяет она. – Мне надо забрать... билеты...

Тоня чувствует руку, поддерживающую ее под локоть. Рука сделана из горячей ваты и все время проваливается. Змейки искрятся по лабиринту. Тоня догадывается, что змейки и есть лабиринт, в котором сгибаются спины. Зачем они?

В одном сгибе открывается дверь.

– Вот, – говорит женщина в медицинском костюме. – Отказывается дальше тестироваться...

Муж и Валентин Валентинович поворачивают головы.

– Они что-то сделали... лучами, – объясняет Тоня. – Они... что-то... и мне... плохо...

– Ничего-ничего, – поднимается Валентин Валентинович. – Последнее исследование – и мы вас отпускаем...

– Они меня... облучали... – говорит Тоня мужу.

– Осталось совсем немножко, вы же не хотите, чтобы все пошло насмарку, верно?

На пальце у Валентина Валентиновича кольцо, но Тоня знает, что оно ненастоящее.

– Там лучи... – повторяет Тоня. – Я хочу... уйти...

– Да-да. Чуть-чуть осталось потерпеть. Это ерунда... Ну что вы смотрите на нее? – обращается Валентин Валентинович к женщине в медицинском костюме. – Ведите наверх, я сейчас подойду...

– Они фальшивые... – говорит Тоня мужу. – Я не хочу больше...

– Пойдем-пойдем... – подхватывают ее под локоть.

– Здесь... Вы не... понимаете. Мне надо... ехать...

Ее ведут по коридорам.

– Мне надо... – повторяет Тоня.

Они поднимаются по лестнице.

– Куда вы... Куда...

Они поднимаются по лестнице, но Тоня знает, что под ступенями ничего нет. Только видимость. Там воздух и нет никакого основания.

– В первую, в первую, – говорит кто-то.

Комната выкрашена белым. А у металлического изголовья торчит что-то растопыренное с пластиковым пакетом.

Тоня зажимает ладонью рот.

– Что такое? – спрашивают у нее.

Она мотает головой из стороны в сторону.

– Ну что?

– Хлорка... – задыхается она.

– Сейчас-сейчас, – говорят ей, разламывая стекло.

– Это... зачем?

– Все хорошо, не волнуйся...

Прозрачная жидкость всасывается из ампулы. Тоня пытается нащупать в сумочке экран. Кажется, он вымазан в геле или еще в чем-то теплом. Рука скользит, и не сразу понятно, где верх.

– Она звонит, – бросает кто-то.

Тихие гудки.

Раз...

Два...

– Это для исследования, – улыбается из-под маски Валентин Валентинович.

Три...

– Билеты... – пытается объяснить Тоня.

Четыре...

Муж не берет трубку.

– Я не хочу... – говорит Тоня.

Немного больно.

И впрыскивается тяжесть. Подступая к горлу, тяжесть наклоняет голову. Все куда-то поднимается, и Тоня видит, как в домике сдвигают потолок. Картонные плиты разъезжаются, обнажая алюминиевые огрызки. Перфорированные пластины торчат, и становится ясно, что над ними ничего нет. Кто-то наблюдает за чаепитием. Но только кажется, что там небо. На самом деле это вода, понимает Тоня, и нет никаких облаков. От воды горячий песок становится...

ся липким. Нужно взять шлепки и сумочку с утятами. Волны станут ударять о дерево. Она будет самая красивая. Море покачивается из стороны в сторону, медленно заполняя все пространство. Вверх по белому листу. Вверх и потом – вниз... Но у воды нет температуры – она такая же, как тело. У нее нет вкуса, только прозрачность. Почти нет запаха, разве что едва различимая вонь...

– Один час двадцать три минуты! – изо всех сил кричит Микки.

Вонь от воды заполняет легкие. Тоня хочет погладить мышонка, но кто-то уже стягивает его с запястья. Пропитанное хлором море обесцвечивает домик и кукол. Картонные стены размокли. Размокли лица. Тоня пытается объяснить, что Микки плохо, но в этой жидкости губы неправильно произносят слова. Слова похожи на бумажные комочки, набухающие во рту. На бумаге нарисовано море. Но никакого моря нет. Никакого моря нет и никогда не было, понимает Тоня. Тоня хочет попросить, чтобы они не обижали Микки. Ненастоящая вода давит на лоб. Мысли намокают, и рисунок расплывается.

Тоня успевает подумать, что, наверное, море всегда было ненастоящим...

* * *

Когда женщина за стойкой хлопает печатью, то раздастся щелчок, будто лопнула ветка. Муж смотрит, как администраторша проштамповывает бумагу. В ее очках струится лакированный экран. Иногда женщина открывает рот и произносит слова. Ее соседка, хихикнув, шевелит через плечо губами. Люди сгибают спины, надевая бахилы. Бахилы здесь голубые, почти как заставка монитора, мелькнувшая в линзах. За окном ветрено, и микроавтобус хлопает дверцей. В его стеклах, как в зеркале, отражена клиника, и точно становится заметно, что когда женщина ударяет по бумаге, то ее лицо на секунду жестенеет, хотя губы, продолжая по инерции растягиваться, все еще выплевывают звуки изо рта.

Так продолжается неопределенное время, а потом муж встает и, отодвигая от себя дверь, выходит на улицу, где сразу становится прохладно от осени. Посредине двора стоит Валентин Валентинович. Ветер шевелит полы его халата белого цвета. Иногда он взмахивает руками, напоминая птицу. Муж уже движется к нему, но Валентин Валентинович пятится, подавая кому-то знаки. Подчиняясь его жестам, во двор въезжает «тойота-королла». Девушка вытягивает шею, чтобы лучше различить

асфальт из-за руля. Валентин Валентинович примагнивает ее, направляя в щель между машинами.

– Давай-давай, потихоньку! – командует он.

Остановившись, муж наблюдает, как серая «королла» рывками пытается занять ограниченную пустоту на парковке. С тихим треском колеса выкручиваются, царапая проезд мелкими камушками, застрявшими в протекторе.

– Теперь немного вот так. Да... – подсказывает Валентин Валентинович.

Из-за стекла видно безразличное лицо девушки с вытянутой шеей. Она равнодушно отпускает тормоз, давая задний ход, и полированная крыша машины движется, отражая в разводах облачность.

– Вот-вот. Давай на меня...

Они множат эти отрезки перемещения. Раздробленное на неравные части, оно должно быть сведено в кривую, но кривая не строится. Иногда мужу кажется, что вот-вот серый бампер, выбрав нужный угол поворота, войдет на парковку, но потом Валентин Валентинович отодвигает его назад одним движением. Быстро вращая кистью, он подчиняет шины и коленчатый вал. Двигатель внутреннего сгорания покоряется ему, сжимая рабочее тело в цилиндрах, но из выхлопной трубы вместе с газом выливается вода.

– Так. Еще разок... – Валентин Валентинович выводит в воздухе параболу.

«Королла» приближает лобовое стекло и девушку с окаменелым лицом. Ее профиль, не моргая, плавно въезжает в просвет между машинами. В глазах скользят бетонные блоки ограждения и Валентин Валентинович, притягивающий стальной кузов к себе. Что-то скрежест, но ни девушка, ни Валентин Валентинович не останавливают своего движения и даже не меняют выражения, протягивая вдоль заднего крыла автомобиля острую полосу содранной лакокраски. Соседняя машина бесшумно мигает сигнализацией, вздрагивая от длинного штриха, расчертившего полированный бок, как банку; и только тогда что-то останавливается, и вытянутая шея девушки, покачнувшись, замирает за рулем.

Муж еще некоторое время наблюдает, как Валентин Валентинович неподвижно измеряет «тойоту» глазами. Дверца машины открывается, и из авто, не глядя по сторонам, выходит девушка. Она достает с заднего сиденья пакет с надписью Yves Saint Laurent и, нажав на брелоке кнопку, бесшумно проходит к двери, ступая кроссовками по пыльному асфальту. Дверь покрыта порошковой краской. Валентин Валентинович что-то рассеянно ищет в карманах, а девушка не оборачивается изнутри,

бликуя оконным стеклом клиники, но этого муж уже не видит – ему навстречу распахивается улица с двусторонним движением. Плотные потоки автомобилей движутся, разделенные нарисованной полосой. Работает отбойный молоток. Он стучит всю дорогу, даже когда заканчивается линия разломанного асфальта, растянувшаяся вдоль тротуара. Он стучит, когда муж выходит из джипа, хотя никаких строительных работ напротив Академии связи имени Буденного нет.

В помещении почти никого не осталось, и пахнет микроволновой разогревкой. В коридоре старушка мнется, вставляя купюры в автоматический приемник. Остролицая девушка рассеяно переводит взгляд на мужа, когда он заходит в кабинет. Монитор отвернут от посетителей так, что виден кусок черного шнура, уходящий в столешницу, и мелкие царапинки на пластике возле вентиляционных отверстий. Девушка ищет что-то в папках, а потом долго советуется с кем-то по телефону. Муж наблюдает, как солнце нагревает листья оставленного на окне растения.

- Искусственный? – спрашивает муж.
- Нет, почему? – отвлекается остролицая. – Это мой спатифиллум. Цветок женского счастья... Вот здесь не забудьте поставить дату.

Чернила засохли, и приходится расписывать стержень, прежде чем накорябать инициалы. Остролицая проверяет бумагу и что-то прикалывает к ней степлером.

- Вы точно решили? – спрашивает она.
- Да, – отвечает муж.

Белые лепестки вырастают в цветоножку и похожи на перья.

- Тогда через месяц прийти не обязательно...
- Заявления достаточно?
- Да. Расторжения не будет, если вы опять не передумаете...

Муж смотрит на неподвижные листья спатифиллума.

Слышно, как струится вода, когда муж заходит в квартиру. Натяжной потолок едва заметно дрожит от сквозняка. В полутемной прихожей муж спотыкается о Тонины босоножки. Включив в туалете свет, он долго наблюдает, как тонкая струйка подтекает в чашу унитаза из сливного бачка. Прозрачная змейка в точках ржавчины. Движение едва различимо. Нажав смыв, муж идет на кухню и включает чайник. Отметка воды ниже допустимой, и чайник гудит, нагревая остатки. На металлической ручке духового шкафа аккуратно просыхает полотенце. Посредине стола – яблоки. Тонкая нарезка потем-

нела на блюде. Муж смотрит, как солнце тускнеет в стальной раковине. За окном вскрикивают дети. В холодильнике на средней полке Тоня поставила кастрюлю. Под стеклянной крышкой застыла каша. Ее плотная серость заполняет металл. Чайник отщелкивает кнопку, и становится слышно, как журчит вода. В сливе унитаза всегда стоит вода. Когда нажимаешь на кнопку – из бачка проливается поток, а потом все должно замереть. Но слив подтекает. Муж еще раз спускает воду и, прикрыв дверь туалета, идет в спальню. Он стягивает джинсы, потом футболку и носки. Скомканная одежда остается на полу. Под пятками чуть липкая гладкость ламината. Стоя в одних трусах, муж смотрит, как в стеклах здания напротив отражается облачность. Окна уперты в девятиэтажку, и почти все место занимает облицованная серыми панелями стена. Только небольшой кусок пространства сверху отдан под небо. Двуспальную кровать Тоня застелила зеленым покрывалом. От ткани по телу пробегают мурашки. Бархат расшит точками – Тоне осталось доделать немного. Сбросив покрывало на пол, муж смотрит в зеркало. Волосы линией спускаются от груди к пупку. Три черные родинки напоминают клещей, насосавшихся крови.

Муж ложится на простыню. Слышно, как кто-то с визгом пробегает по потолку, а потом наступает тишина. Кажется, что потолок едва заметно дрожит от натяжения. Если встать на стремянку, то можно проткнуть поливинилхлорид пальцем. В телевизоре обесточенный экран. Рядом статуэткой носорогов, затемненные Тоней под бронзу: мальчик и девочка.

У девочки на голове засохший лепесток.

Муж закрывает глаза.

Окна закрыты, и за полированным стеклом больше не слышно улицы. Лиловые разводы под веками. Двуспальный матрас холодит спину, а в стороны от него уходит пустое место. Тишина расползается по квартире, как опухоль.

Муж лежит голый.

Едва различимая струйка воды подтекает в чашу унитаза.

Так вот.

Он на пороге с открытой книгой в руках. Читает вслух.

Тень такая длинная, до стула дотягивается. Я специально его напротив двери поставил, ждал.

Шляпа дурацкая у него сегодня, соломенная. Просвечивает, а лица не видно.

Вечно приходят и бубнят на пороге. Стоят с книжками. И этот еще...

Не хочу его слушать. Сегодня опять классика, Чехов или еще дичь какая-то.

Стоит, бубнит. Он.

Я в таких случаях поступаю просто – чай допиваю, конфетку съедаю, а потом подхожу к таким, как Он, и кричу: «Изыди! Изыди!»

Если не помогает, то добавляю:

– Завтра же сдам все книги обратно!

И важно ухожу.

А эти тогда и исчезают. Читающие.

А если не сдаю книги, то опять приходят. С каждым разом чуть-чуть дальше за порог заступают. И вроде как и страшно, но, бывает, так одиноко становится дома.

А так не скучно даже. Как стемнеет, так на пороге стоит кто-нибудь. Бурчит, читает вслух, требует обратно слово свое печатное. И веселее как-то чай допивать с конфеткой.

Вот все думаю – не буду ничего сдавать, может, ко мне рано или поздно зайдет. Посидим, настойку мамину достану.

И холод, что от читающих идет, развеется под настойку-то мамину.

Как-нибудь попробую. Даже если страшно, нужно пробовать.

Утонченные тонкости

Тонкие длинные пальцы водили то взад, то вперед.

Струны на арфе двигались незаметно, изящно.

В один миг волшебство закончилось, музыка затихла. Исполнитель поклонился и исчез за кулисами.

В зал тут же пошли разговоры:

– Рынки-рынки, акции-акции, бла-бла-бла, бла-блаакции, бла-бларынки-рынки.

На сцену вынесли стол и стул, затем вышел человек во фраке с большим ножом и сел за стол.

Зрители притихли.

Артист закатал рукав и медленно, грациозно, будто играя на скрипке, начал отрезать ножом себе руку. Капли крови сплетались в узоры невероятной

красоты. Белоснежный фрак артиста превратился в полотно Джексона Поллока.

Волшебство закончилось вместе с отрезанной рукой. Артист неуверенно поклонился и, пошатываясь, исчез за кулисами.

Тишина в зале замерла на несколько секунд, а затем:

– Рынки-рынки, акции-акции, бла-бла-бла, бла-блаакции, бла-бларынки-рынки.

А на сцену уже готовился выйти очередной артист, способный съесть тридцать живых мышей, не поморщившись.

Щупальца

У древней усталой сущности из головы и туловища росли щупальца. За всю многовековую историю щупальца стали настолько длинными, всеобъемлющими, что начали прорастать во времени и пространстве.

Щупальца умело цепляли за ноги, если ты собирался на площадь высказать свое мнение.

Щупальца хватали тебя за руки и придавливали к земле, если ты вырвался из наручников.

Щупальца забирали твои последние деньги, даже после того, как не один десяток лет ты отдавал свои доходы Верховному щупальцу.

Щупальца думали за тебя, решали, сколько ты будешь есть, пить, размножаться.

Щупальца не знали любви. Любовь для них была несущественной. Она же не записана на бумаге, не зафиксирована липким щупальцепожатием. А вот страх, страх – это приятно, липко, хватательно, как любят щупальца.

Однажды щупальца проснулись от того, что в рот уже давно позабытой головы залезали другие щупальца. Хотя не совсем другие, те же... Древняя и усталая сущность настолько много отрастила щупалец, что перестала их контролировать. И теперь начала душить себя же... Издалека это зрелище походило на Уроборос, только вот пасть одна, а щупалец – куча. Существо и щупальца медленно умирали.

Или нет?

Или да?

Время покажет.

Перед дверью

Встанешь перед дверью, опустишь ручку вниз, и механизмы внутри заскрипят. Противиться будут. Стонать, будто от боли. Как это? Открыть и впустить тебя...

А вот так. Там же интересно, нечего ворчать тут. Открывайся давай.

А она еще больше сопротивляется.

Тянут-потянут, вытянуть не могут.

А я тяну.

Тяну.

А с другой стороны будто кто-то держит. Даже лицо того, кто держит, вижу.

Такое же, как и у меня, между прочим.

И одет так же.

И даже выражение лица, мимика – все такое же.

– Вот сука!

Это я ему говорю через дверь.

– Хорош там держать, падла! Мы же один в один, и родинки на тех же местах.

А он мне:

– Пошел в жопу, занято тут!

А я дергаю еще сильнее и тяну на себя.

А мой близнец за дверью еще крепче держит ручку. Хихикает так не по-доброму.

Не выдерживаю, отхожу и с разбега плечом выношу дверь.

Так что дверь с петель.

И вот смотрю на себя, будто в зеркало.

А мой двойник... или брат... или кто он мне там, говорит ехидно:

– И что? Открыл? А дальше-то куда? Здесь нет ничего! Кладовка.

А я ему:

– Я вообще-то за огурцами.

Беру банку и выхожу. Даже выбегаю. В ужасе от того, что этот ублюдок будет мне еще указывать, куда ходить и что делать в жизни.

Не сегодня.

Звонок

Позвонили около обеда, неизвестный номер.

Обычно не отвечаю на такие звонки, но тут на автомате принял вызов.)

– Здравствуйте, Алексей Степанович?

– Да, я слушаю.

– Вам позвонили из банка «Южный», старший специалист по защите данных Васнецов Леонид Аркадьевич. Алексей Степанович, скажите, вы совершали в течение последних двух часов какие-либо транзакции с вашего счета?

– Секундочку, как еще раз вас зовут?

– Старший специалист по защите данных Ямукович Леонид Аркадьевич...

– Леонид Аркадьевич, сектор приз на барабане! Знаю я вас, мошенников. Названиваете кому попало...

– Алексей Степанович, еще раз обращаю ваше внимание, я звоню из банка «Южный», с вашего счета пытаются похитить денежные средства. В ваших же интересах оставить шутки, если не хотите пострадать от действий мошенников, которые пытаются получить доступ к вашему счету.

– А как вы докажете, что вы из банка?

– Предлагаю поступить следующим образом: я сейчас переведу вас на директора департамента, чтобы вы убедились в правдивости моих слов. Не кладите трубку, пожалуйста.

(Заиграла музыка, Боб Марли, дон твори, би хепи, ту-ту-тутутут-тутуту-тудуду. Мне стало любопытно, видел на ютубе не раз ролики с такими звонками. Включил запись на телефоне.)

– Добрый день. Алексей Степанович?

– Да, я слушаю вас. Директор департамента.

– Да, совершенно верно. Я директор департамента по защите данных банка «Южный» Кутин Владимир Владимирович. С вами уже говорил Леонид Аркадьевич, к вашему счету пытаются получить доступ третьи лица для перевода ваших денежных средств на сторонние счета. Нам нужно пройти авторизацию для смены логина и пароля для...

– Простите, что перебиваю вас, Владимир Владимирович. Думаю, что у вас как у директора департамента есть более важные дела, чем со мной разговаривать.

– Что вы, нам важен каждый клиент. Леонид Аркадьевич заметил, что у вас были сомнения. Я готов подтвердить свои полномочия. Я могу назвать вашу дату рождения, паспортные данные для подтверждения.

– Со всем уважением, Владимир Владимирович, сейчас эти данные во всех интернетах можно найти. Вам и Леониду Аркадьевичу предлагаю прекращать обманывать людей. Совесть-то есть у вас или нет? Ладно я, а пенсионеры вам последние деньги отдадут, не стыдно? А?

(На том конце провода вздохнули.)

– Алексей Степанович, предлагаю поступить следующим образом. Я сейчас переведу звонок на генерального директора банка «Южный», и он...

– Стойте! А может, сразу на самого главного переведете? Кто-то же есть над генеральным директором? А? Самого главного давайте мне, кто вами, аферистами, руководит?

(Молчание, пауза, перешептывание.)

– Алексей Степанович, пусть будет по-вашему. Перевожу звонок на самого ГЛАВНОГО.

(Заиграла музыка, что-то из классики.)

– Да, я слушаю.

- Это я вас слушаю! Я просил самого ГЛАВНОГО в вашей конторе.
- Ааааа, Алексей Степанович! Здравствуйте. Я действительно самый главный. Только можете запись разговора выключить, не люблю лишний раз светиться.
- Откуда вы знаете? Кто вы? Представьтесь?
- Запись выключи, Леша.
(Это уже ни в какие ворота, конечно, но ладно, выключу)
- Я сын ётуна Фарбаути и Лаувейи. Можешь называть меня Локи. Я самый главный. Леша, я все про тебя знаю. И про твою любовницу, и про внебрачного сына. И про твои офшоры на Кайманах. И про то, как ты отмывал деньги с подрядчиков по госзаказам. И даже что у тебя в гараже схрон на несколько миллионов долларов. На всякого хитреца всегда есть кто-то хитрее. Тем более я бог хитрости и коварства.
- Что за... кто вы? Что происходит?
- Слышал последнее слово? Коварства. Не люблю, когда кто-то думает, что хитрее всех. Тебе сейчас придет СМС с кодом для смены логина и пароля всех твоих счетов. Пришла?
(Телефон булькнул эсэмэской.)
- Я не слышу? Пришла?
- Да, пришла.
- Так вот, Леша. Сейчас ты мне продиктуешь шесть цифр. А если этого не сделаешь, то завтра за тобой придут мои послушники с корочками, погонами и человеческими полномочиями. А то мне становится уже скучно. Диктуй!
- Пять два ноль семь восемь три.
- Вот и молодец! Видишь, как просто. А теперь ты выключишь телефон и пойдешь поспать, например. На пару часов. А когда проснешься – будешь совершенно другим человеком. Другим в том смысле, что у тебя ничего не будет. А если когда-нибудь ты еще раз задумаешь пакость, то знай – я позвоню. И это будет последний звонок в твоей глупой человеческой жизни. Договорились?
- Д-д-да.
- Спасибо, ваш звонок был важен. Оцените уровень обслуживания в нашем банке. Нажмите цифру от одного до пяти.
(Нажал пять и отправился спать, от греха подалее.)

Юность №3
Март 2022

ЗОИЛ

ОДИССЕЯ В ПОИСКАХ КАЙФА

О РОМАНЕ МИХАИЛА ГИГОЛАШВИЛИ «КОКА»

ДАВИД ШАХНАЗАРОВ
Родился в 1979 году в Москве.
Окончил экономический
факультет МГИМО. Начал
писать прозу в 2014 году.
В 2021-м перешел на 6-й курс
заочного факультета

Литературного института.
Публиковался с рассказами
в журналах «Новый мир»,
«Сибирские огни» и сборнике
«Новчег». Писал рецензии для
«Литературной газеты».

Большущий по нынешним временам роман разбит на три части.

Первая – комедийная амстердамская – калейдоскоп героев-историй, одиссея по квартирам в поисках кайфа, перемежаемая горами ненужной болтовни и собранием воспоминаний.

Вторая – немецкая, драматическая – персональное чистилище героя. Ломка в относительно уютном немецком диспансере.

Третья начинается в Тбилиси все в тех же поисках, обретает настоящую силу в *аду* пятигорских «Лебедей» и в эпилоге возвращается в Тбилиси, как всегда возвращался мыслями главный герой, которому нигде нет места.

Кока

Место рождения? Год? – Пятое июня 1966 года. Грузия, Тбилиси. – Учились где-нибудь? – Да, в институте, строительном. – И что вы построили из своей жизни?.. Рост, пиши – 187... Здоровый бугай... Волосы, пиши, черные... Борода черная... Глаза... зеленоватые, что ли... Или сероватые, хрен разберет... Нос кавказский, как у всех зверей...

Кока – безобидный кайфарик... Ему было десять лет, когда отец сбежал с любовницей в Болгарию, а мать вышла замуж за француза-офицера... Так Кока остался с бабушкой.

В детстве получил кличку Мазало, что значит “затейник, балагур, забавник, баловник, шалопут”. Только затей Коки все связаны с «кайфом». «Люди радуются жизни – а он на что тратит свою? Ехать в Париж? Там отчим. В Тбилиси? Там холод и война. Ему будто нигде нет места».

Перед друзьями-бандитами Кока умалчивал о том, что «мазало означает еще и неумеху, фраера, у которого все из рук валится». Сев в тюрьму, Мазало превращается в Мазилу.

Хорошие советы

«Мать Этери кричала: чтоб Кока не смел убивать живое существо! Никакое! Никогда!» Кока хорошо воспитан, да только «целыми днями занят поисками денег и травы».

На воле раскоронованный вор Нугзар советует: «Бросай кайф. Ты слишком честный для этого!» В тюрьме Нугзару вторит коронованный вор Тархан: «Отсидишь свое – уезжай в Тбилиси, книги читай или, чего доброго, пиши – в зоне много чего увидишь, на роман наберется».

Пора Коке прислушаться... Но читатель уже знает Коку...

Постепенно узнаем о методах доставки, употреблении, ломках, запахах, вкусах и ощущениях. И вроде не все так мрачно. Настоящая грузинская история – праздник рассказчика и его гостей, такую рассказывают сочно, жестикулируя и вставляя нужные словечки. Кока иронизирует, «пряча за смехом и шутками мысли о мрачном будущем. При перевозке главное – не быть худым, небритым, с красными глазами, потным лбом, трясущимися руками и в кайфе». Только такие и возят, смеется читатель.

Друзья Коки «добрые философы-бездельники снимают похмелье йогуртом» и «имеют письменный запрет на двухнедельное посещение всех борделей Голландии». Дружба связана лекарством и предательством.

«На Тибете живет суровая живая богиня Кумар: когда она кричит – жди болезни, когда трет глаза – смерть вблизи, когда плачет – тюрьма неизбежна, когда дрожит – холод ожидает всех».

Путь вниз легко прослеживается по локациям передвижения Коки: КПЗ в Тбилиси, номер в амстердамском отеле у бандитов, очередь за лекарством в центре реабилитации в Германии, тюрьма и карцер. Понятно, что дальше. «Чернявый коп начал резко поднимать и опускать руки Лясики – никакого движения на сиреневатом лице, кроме безмятежного замкнутого счастья... Наваливалось отупелое безразличие: “Все умрем – ну и что?”»

Аллегии из жизни животного мира

«Почему-то всплыл рассказ бабушки Меи-бэбо о том, как сталинские палачи тащили поэта Тициана Табидзе с перебитыми руками и ногами с одного пыточного допроса на другой, а он кричал в отчаянии на всю тюрьму: “Обезьяны, я вашу мать... Зачем вы превратились в людей?..”»

Сравнение животного и человеческого – лейтмотив. «Преступный мир жесток, как жизнь в саванне. Кока не хищник: «какой из него раптор? Травоядное копытное. Или вообще падальщик...»

Всюду иносказания: «Тяга к воде превосходит страх смерти, поэтому хищники стерегут добычу возле рек» – бандиты ждут Коку в амстердамском отеле. В главе под названием ELYSIA CHLORATIKA (т. е. медуза) Кока думает – отдать деньги другу или предать его все за тот же кайф.

«Кто и зачем сделал кротов гермафродитами, а пингвинов – педерастами?.. Кто раздавил и сплющил камбалу и ската?..» – глупо и поверхностно, задорно и весело. Бесконечные вопросы создают ощущение одновременной значимости и бессмыслицы жизни: «Человек – ничтожная пылинка в бескрайней Вселенной. Зверь счастливее, ибо не знает, зачем родился. Акула, если остановится, тут же пойдет ко дну – а он далеко не акула и давно уже на дне».

Лишайная кошка Кесси, на которую не обращаешь внимания, когда трется о твои ноги, – символ европейской жизни Коки. В тюремной камере «мирно шепчет в банке Крытник», подкармливаемый крошками домашний таракан с кли-

кухой Граф. В соседней камере у параши жрет объедки других эзков опущенный Придунок. Его, как и Графа, можно раздавить.

В повести, написанной Кокой, Иешуа воскрешает убитую собаку, а евангелиста Луку спасает бык, убивший центуриона.

Ложная гордость

О Сталине говорит Кока и бабушка Мен-бэбо, европейские друзья Коки и эзки в камерах.

Начинает казаться: все, чем гордятся грузины, – кухня, воров в законе и Сталин.

Да и сам Сталин по описанию – вор в законе: *«Эх, как Иосеб Бессарионович скончался, так и воровской мир треснул! Сосо! Вот кто вором в рамке был, да еще каким! Нищий был! Настоящий коммунист! Когда умер, три пары стоптанных сапог и на сберкнижке тринадцать рублей оставил».*

У воров, как у джедаев из «Звездных войн», страх убивает разум: *«быть вору богатым нельзя – богач боится всегда и всего: пули, измены, подлога, бедности, тюрьмы, зависти, друзей и врагов!»*

Вежливые грузинские воров знают, как с кем разговаривать. Одна проблема: многие из них морфинисты!»

К ложной гордости отнесем и национализм: *«Русские грубы. Сам тон, каким они разговаривают, хамский, про слова уж не говорю!.. без нужды не связывайся... все русские нэ-прэд-ска-зу-эм-нэ! Гагик-джан, ты хоть и подлый армяшка, но хороший человек! Бабушка доверяет только еврейским врачам: “Они одни имеют истинное сострадание к людям, потому что сами много страдали!” Мой кент грузинцев любил, говорил: “Они хорошо умеют пять вещей: пить, есть, петь, танцевать и любить”».*

Где-то в тексте затерялось предсказание «из девяностых»: *«Народ побунтует лет десять, а потом править будет новый Сталин».*

Чем на самом деле гордятся грузины

«О, сололакский двор! Он – и высший судия, и щедрый награждитель, и вероучитель, и наказыватель...» – вот где истинная гордость грузина: *«Никакой Англии и Америки и в помине не было, когда у нас в Сололаки цвели сады!..»*

После холода Европы даже портреты знакомых людей ярче и сочнее в родном Тбилиси! Может, потому, что Кока завязал?

В Грузии война (из-за нее понимаешь, *«человеку мало надо: хлеб, вода, свет!»*) и царит сожаление: от старого Тбилиси, где все *«готовили постоянно, целыми днями... и жареная картошка, премия для всех детей мира, каждый день распускала свой неповторимый аромат»*, – не осталось и следа.

Тбилиси для Коки – бабушка. Самые теплые воспоминания и мысли в романе отданы ей. Но и здесь налицо дуализм тихой авторской позиции: бабушка – тбилисская интеллигентка – научила Коку быть вежливым (*«Да будешь вежливым, имея такую бабушку!»*), и вышел из Коки вежливый вор в законе. Почти вышел.

Немного о стиле

Если кратко, в тексте наркоманский фольклор плавно перетекает в тюремный.

Главный герой, имея хороших учителей, на глазах становится носителем этого языка: *«Вместо “спасибо” говори “благодарю”, “признателен”, вместо “пожалуйста” – “по возможности”. Нельзя “спрашивать”, надо “интересоваться”.*

Вместо “я докажу” – “я обосную”. Не “свидетель”, а “очевидец”. Крайне осторожно надо быть со словом “обидеть”, ибо “обиженные” – это первый шаг в стан опущенных. И никому не говорить “вы” – только “ты”, хоть ему сто лет в обед.

Автора подмечаешь лишь в мелочах, например, когда *«он делал ей праславянские комплименты; мысли расплзались, как муравьи от кипятка; страх – как главный шар в бильярде: бьет прямо в треугольник мыслей»* или герой сидит, *«не слушая рассыпчатой болтовни»*.

Языком Бахтина, стиль выражен через «чужое слово». Вот только идентифицировать персонажей трудно. Друг Коки – русский москвич Лярик – почему-то разговаривает как грузин, а тбилисский Кока кажется москвичом.

Тюремный реализм

«Кока вдруг услышал тюрьму: из-за железных дверей доносились вскрики, смех, щелчки нардов, обрывки голосов. Там шла неведомая и пугающая тайная жизнь; камера во сне сопела, чмокала, повизгивала, всхрипывала, проборматывала какие-то слова... и было что-то родное, близкое в этих звуках – словно спишь в пионерлагере».

«Своими ногами из рая в ад приперся». Европа, даже Грузия, будто сон, а тюрьма – будто единственная реальность в книге, может, оттого, что в тюрьме всего мало и все замечаешь. Обретают новую силу воспоминания: *«...в полудреме на ум приходил родной город, который он скоро, через три года, увидит, и жаркие разговоры с бабушкой за чаем с блинчиками»*. Наконец начинаешь ценить жизнь.

Европейское выживание Коки – *«обманывать, мошенничать, побираться, притрагивать»* – в тюрьме кажется смешным. *«Если в общей хате кто мимо пройдет и что-нибудь бросит, ни за что не поднимай!»* – тюрьма – это как войти в «хату» и как там выжить.

«Три обезьянки стоят у бабушки на комод, подарок дяди Родиона из Лхасы, когда дядя Родион ходил на Тибет» – три главные заповеди тюрьмы: *«ничего не слышал, не видел, не скажу»*.

После останется привычка *«делить людей по воровскому принципу: на плохих и хороших»*. В тюрьме понимаешь: *«самое главное для человека – быть одному, а в тюрьме, видно, этого никогда не будет»*. А за тюремной маячит зона и самое страшное для интеллигента Коки: *«работа с утра до вечера!»*.

На зоне все косят под воров. И Кока оброс тюрьмой, того и гляди сам станет вором... Но спасла мама.

Бог-лекарство и Бог-свобода

«Кока с детства постоянно слышал от всех: “ради бога”, “слава богу”, “не дай бог”, “бог дал – бог взял”, “богу богово”, “одному богу известно”, “божья милость”, “у бога под боком”, “боже мой”... И думал: к кому они обращаются? И лишь в тюрьме Кока впервые в жизни от всей души пожелал: “Господи, помоги!” – украдкой касаясь Библии под подушкой».

Как Блаженный Августин всю «Исповедь» ищет Бога, Кока две трети романа ищет себе лекарство, а оставшуюся треть – свободу.

Сатана в книге определен – это *бытие в небытии!* А еще есть реальный бандит Сатана – главный антигерой. Опять дуализм.

Основа пути к Богу в тюрьме – *смирение с судьбой*. А Бог – *«небесный вор в полном законе или всевышний Кум»*. Из тюрьмы Кока привезет Библию и сядет писать свое Евангелие.

|||||

«Кока учился жить заново – трезво», но «кайф» возвращается к ним с другом, принесенный в самом конце романа с извинениями бандитом Сатаной: *«Они остались сидеть и ошеломленно смотреть на плотный газетный пакет, не решаясь до него дотронуться...»*

ИДИОТАМ ДОСТАТОЧНО НЕМНОГО ПОДОБРЕТЬ:

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ ПО ИВАНУ ШИПНИГОВУ

МРШАВНО ШТАПИЧ

Писатель, автор книги «Плей-лист волонтера». Родился в Вологодской области, живет в Москве. Финалист премии «Нацбест» (2021).

Важно: фамилия автора произносится Шипниг^ов, никак иначе.

Итак, роман «Стрим». Мне рекомендовали эту книгу. Открыл. Прочитал пять страниц. «Накой стилист хороший», — подумал и закрыл. В центре — бестолковый, ничемный герой, напоминающий главного героя фильма «Пыль». Глупый, тридцатилетний, лысеющий, считающий копейки в «Пятерке». Ничтожество, не понимающее собственной ничтожности. Полная противоположность моим любимым героям — страдающим, прожигающим жизнь, гибнущим и воскресающим, мечущимся. Аленький из «Стрима» — бесстрастное унылое существо. Овощ. Огурец, не снятый вовремя с грядки, — водянистый, желтеющий, перезревший.

Второй подход — через полгода. Услышал фразу: «Через 5 лет Шипнигов будет звездой русской литературы». От кого услышал — умолчу. Опять — первые двадцать страниц дались с болью, которая, однако, резко оборвалась и сменилась восторгом, часто перерастающим в редкий мгновенный хохот — когда глазам уже смешно, рот уже не закрывается, а мозг доходит только второй волной, и следует новый приступ хохота.

Под сюжетом, больше подходящим для «мило драмы» (в привычки беру орфографию автора) в духе «Санта-Барбары», скрывается не хор и не сонм, а гвалт голосов тех, кому слово дают редко. Персонажи — разные, такие системы образов принято называть глупым анатомическим словом «срез»: Алексей, безграмотный «нище брод»; одинокий пенсионер, которого одолевает тяга к сексу; девушка Наташа, зацикленная на мужиках и туфлях; девушка Настя, филологическое бездейственное нечто; хозяйка магазина, где трудится Наташа; ее муж, «изврат», секс-маньяк, который с Наташей переспит; дочь последних двоих, жившая последние годы в Лондоне; родительница Насти, все мечтающая сбегать дочь из дому, чтоб она рожала детей; во второстепенных ролях — охранники, «гоанская» нимфа, шлюхи из сауны,

гастарбайтеры с предгорий Памира и иные обитатели столицы нашей Родины. Мечты их просты — чтоб в магазинах все стоило «недорого и справедливо», чтоб был «кусочек крыши над головой». Невартирный вопрос никто не отменял. Собственно, вроде бы в кадре снова — Шариковы, но иные.

Что же перед нами такое?

1. Прямая речь десятка персонажей, которые находятся в одном сюжетном поле. Мастерство автора — переключая персонажей, сохранить ясность и линейность сюжета. Все это кажется легким и простым, но на деле создание такой гибкой и внятной структуры внутри полифонического приема — это признак мастерства. Следует отметить, что фабула тривиальна, но соответствует характерам, смыслам, языку, и вообще все между собой гармонично.

Эта полифония страсть как хороша: представьте оркестр недоученных музыкантов, играющих на расстроенных инструментах, которые каким-то чудом вместе звучат стройно.

2. Хорошо смонтированная из низких жанров пародия на самые ужасные порождения словесности и речи — вербатим и сетевую письменность. Шипнигов воспроизводит конструкции из мессенджеров, создавая речевые характеристики героев из ошибок, и для каждого героя эти ошибки — свои. Таким образом, тонкая стилизация делает ошибки безошибочными, присвоенными определенному образу характеристиками. Это — великолепно. Но настоящий кайф получаешь, когда видишь, что герои начинают обмениваться своими речевыми находками друг с другом. Они присваивают речь друг друга, и одно это тонко указывает на то, кто и на кого действительно влияет. Шипнигов играет в эту мимирию и сам получает великое удовольствие. И не меньше он балдеет от того, как раздвигается с «вербатимом» — хотя он, наверное, так это про себя не артикулирует. Но я считаю, что ни одна запись живого разговора не будет выглядеть таким достоверным потоком речи сего дня, как незамутненный, кристально идиотичный внутренний монолог Алексея.

3. Роман воспитания в гуманистической традиции. Герои действительно меняются. И, хоть развитие сюжета по центральной линии (любовный треугольник Алексей — Наташа — Настя) незатейливо, автор, рассматривая историю в этической плоскости, на самом деле ведет монолог о гуманизме и, кажется, в конце близок к тому, чтобы встать в тупик. Разъясню: герои Шипнигова или просто безнадёжные, или жалкие. Шипнигов дарит речь тем, кто ее не заслуживает, и всю изгаляется над своими персонажами. Как будто в книгу нагнали стаю Шариковых, и они беззащитны перед демиургом. Но автор вынужден протащить героев сквозь «Санта-Барбару» с интригами, страстями, глупостями, зависимостями, изменами, потерей детей, и вдруг — бабах, читатель и автор уже дружно сочувствуют тем, кого поначалу воспринимали как объекты насмешек. И герои даже подтягивают свою речь (причем филологиня Настя упрощает свои надменные экзерсисы, а «нище брод» Леша речь немного вычищает). Затем герои дружно становятся посланниками поколения: блогерами, стендаперами и ноучами. То есть эти говорящие бестолочи обращаются к нам напрямую с экранов. И отчего-то они как-то уж действительно похожи на то, что мы видим

в реальной жизни. Шипнигов успевает дать понять, что коуч Леша успешен, но, конечно, по-прежнему никуда не годится. Но вот отчего успешен — то ли над ним все-таки потешаются миллионы и он человек-мем, то ли ему все же платят серьезные деньги за настоящие «тренинги» — тут сам автор, мне кажется, не определился и потому размыл. Вполне объяснимо: если этот дурачок Алексей достигает успеха всерьез, то дальше нужно начинать новую комедию — о том, как он покоряет страну и она начинает жить по его правилам. Или подводить к тому, что прореха на человечестве так расплзлась, что уже целая страна — сплошная прореха. А это уже — отдельный сюжет. Для Шипнигова же важным было иное: герои, которые не способны выше головы прыгнуть в плане интеллигентном и даже душевном, вполне могут изменить свои человеческие качества и получают награду. Злым идиотам достаточно чуть-чуть подобрать — такова мораль романа-воспитания: если вначале Алексей с логиной черного риелтора и наивностью пятилетнего полагает, что за покупки из «Пятерки» старик-сосед завещает ему квартиру, то к концу истории Алексей из добрых чувств приводит того, страдающего от отсутствия плотской любви, в притон, а пенсионер, также, уже от всей души, дарит Алексею комнату.

4. Новая история маленького человека. Шариков ли перед нами? Скорее, все-таки не совсем. Башмачкин ли? И снова — нет. Эллочка-людоедка во всех вариациях? И опять — нет. Новый «маленький человек» в лице главного героя Алексея — это сверхмалый человек. Он туп настолько, что не способен на отчаяние ровно так же, как неспособен к вере и решению уравнений; он столь безнадежен, что одна его неспособность осознать это может вытолкнуть его на следующую ступеньку социальной лестницы. Подобреть, как сказано выше, ему надо чуть-чуть ровно потому, что в таком простом организме малюсенькая перемена — уже эволюция, сначала в развитии. Безусловно, это лишь интерпретация, не истина, но, по мне, Шипнигов абсолютно безжалостен к современному обществу, и поделом.

О слабостях Шипнигова. Они есть, они очевидны, о них надо сказать.

1. Он увлекается своими героями. Найдя однажды удачного героя, не может с ним расстаться, потому что почти в каждого героя засовывает свое, авторское; Шипнигов, как автор-шизофреник, транслирует себя сразу через многих, потому что ни в каного отдельно взятого героя он, конечно, не влазит. Ну а дальше — как же поступить автору, есть он так щедро раздал себя десятку резонеров? Конечно, дать каждому выговориться. Но — местами напрасно. Думаю, мало кому нравятся бесконечные разговоры Анны и Марии, двух путан.

2. Шипнигов жалеет своих героев и не дает им рефлексировать. Самые глупые поступки и самые крутые повороты в судьбах Насти, Алексея и Наташи поданы не их прямой речью. Наверное, это сделано намеренно, чтобы они сами не снизили свои образы в трагических перипетиях, но обратное было бы интереснее (впрочем, это уже вкусовщина, которую я себе позволяю как поклонник творчества Шипнигова).

3. Шипнигов становится пленником своего приема и старается впихнуть в текст все придумки сразу. У него не выходит. Он паникует и все равно всовывает. Это — лишнее, и можно было бы не жадничать.

Поворчав напоследок, все-таки соглашусь с моим рекомендателем «Стрима». Шипнигов — будущая звезда русской литературы.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СТЕНД

МИР ЛИТЕРАТУРЫ. ЮНОСТЬ

В октябре 2021 года Ассоциация союзов писателей и издателей при поддержке Президентского фонда культурных инициатив объявила первый в своей истории конкурс «Мир литературы. Юность» в номинациях «Проза», «Поэзия», «Журналистика» и «Критика». К участию в нем были приглашены подростки от 11 до 16 лет, а победителей ждала путевка в международный детский центр «Артек» на литературную смену. За два месяца заявочной кампании мы получили более 2600 работ от ребят со всей страны. Мы очень надеялись на то, что такой широкий охват позволит нам всем чуть лучше понять, что же волнует, тревожит, увлекает и вдохновляет детей XXI века. В этом номере журнала «Юность» представлены некоторые из работ победителей конкурса, о каждой из которых хотелось бы рассказать чуть подробнее.

TikTok, компьютерные игры, пестрящая мемами лента новостей — все это в изобилии встречается в текстах наших взрослеющих участников. В большинстве произведений цифра не просто дополняет жизнь, она является ее повседневной частью, утренним ритуалом, последним из многочисленных дел школьника перед сном. Да, это новая реальность, и она смотрит на нас из текстов подростков беззастенчиво, даже не притворяясь приметой времени. Она — и есть их время. И я сейчас отнюдь не собираюсь брюзжать и говорить, как это плохо, что они от своих компьютеров да телефонов не отрываются, глупые видео под плохую музыку записывают. Все-таки в тех же самых компьютерах и телефонах 2600 подростков написали много тысяч знаменаний о своих мечтах, любимых книгах, лучших друзьях, великих родственниках.

Последовательное раскрытие темы цифровизации происходит в рассказе «Луч озарения» 11-летнего *Романа Герасимова* из Электростали. Игровой текст — реалистичная фантазия на тему того, что было бы, если бы тренды TikTok воплощались в реальность, — переносит глав-

ного героя в будущее победившей виртуальности. А там, между прочим, творятся совершенные чудеса: «Смотрю: все идут, уткнувшись в телефоны и не глядя по сторонам, без опаски на кого-то натолкнуться. Но самое интересное, что никто ни с кем не общается. На месте бывшего детского сада — огороженная территория, на которой дети поодиночке созерцают улицу. <...> Стало понятно, что сова, которая выдается каждому ребенку при рождении, заменяет ему родителей. Производители снабдили игрушку обещанием “научить дружить и любить”. Такие громкие замечания, мягко сказать, шокировали. Меня дружить и любить учат родители. Мы вместе путешествуем, смотрим фильмы, иногда читаем вслух, ставим елку и украшаем ее гирляндами. Поддерживаем друг друга. А тут всего этого нет! И мне стало страшно...» Отгороженность, обособленность, самососредоточенность — все это в гиперболической перспективе невероятно пугает ребенка. Забавно, что угадывающиеся здесь голосовые помощники «Алиса» или «Сири» потенциально претендуют на то, чтобы заменить собой человека, социально заместить мать и отца. Антиутопически глубокое прочтение Романом Герасимовым современной ситуации является одним из самых оригинальных текстов, осмысляющих новую цифровую действительность.

А вот кому уж точно не занимать оригинальности и самобытности, так это 11-летнему *Родиону Краеву* из г. Санкт-Петербурга. Его короткие «Городские заметки» — пример начинающегося торжества поэзии в прозе. Здесь простая детская игра в «танчики» соседствует с необъяснимой, непонятно откуда взявшейся в таком возрасте мудростью не отрицать свое детство, а наслаждаться им: «Я с мамой люблю ходить за руку. Да, я знаю, что большой. Знаю, что большие мальчики не ходят за ручку с мамами. Но так теплее. И в это время она не похожа на важную котлету. И да, я так хожу, когда рядом никого нет, то есть когда нас никто не видит из знакомых. Тепло ее большой ладони передается моей. И на душе тепло: так я могу маму контролировать, чтоб она шла рядом и слушала мои рассказы про танки. А на даче, когда мы гуляем по аллеям, она прячет руки в карманы своей черной вязаной кофты. Я ей говорю: “Ты — домо-седна”. Тогда она меня смотрит как на осложнение! Ну, она домоседна не потому, что дома сидит: ее руки сидят у нее “дома”, в теплых карманах черной вязаной кофты». Видно, что Родион очень любит слова — слушать, писать и даже создавать самому. Непрерывный процесс слововарения происходит в самых различных формах, маленький автор находится в усиленном творческом поиске и не боится ставить важные для себя вопросы ребром. Слова он ищет везде: в книгах, приложениях по подбору рифмы и даже... в телевизоре, выуживает их из песен бронзовой эстрады. Радостно, что слово в «Городских заметках» побеждает каную угодно виртуальность, потому что оказывается сильнее, важнее и непримиримо увлекательнее.

Вторая часто встречающаяся в произведениях участников тема — это взаимоотношения с домашними животными и осознание через них себя как взрослой личности. Здесь подростки демонстрировали наибольшую глубину психологического анализа и чуткость восприятия. Рассказ «Байнал» 15-летней *Екатерины Ионовой* из деревни Ольховка — о любимой собаке, которая после отъезда семьи в короткий отпуск неожиданно пропала. Потеря лучшего друга для героя произведения становится настоящим ударом, и каную радость испытывает он, случайно встретив пса на улице. Однако жизненные обстоятельства ставят его перед сложным нравственным выбором: «Мы остановились перед высоким зеленым огра-

ждением. Ворота были распахнуты, поэтому Байкал вошел дальше и сел на пороге неизвестного мне дома. На террасе в ветхой рубашке сидел старик, покачиваясь на деревянном кресле-качалке. Его седые волосы поблескивали в лучах солнечного света, однако глаза были безжизненны, словно покрыты белой пеленой. Он смотрел в нинуда. У стены стояла кривая тросточка. Пес аккунуратно подошел к нему и сел рядом, положив тяжелую голову на старческие колени. Не проронив ни слова, я решил не забирать друга насильно и, довольный встречей, повернул назад». Этот рассказ, написанный очень сдержанно и стилистически аккунуратно, говорит тем не менее о многом: если любишь — отпусти, кому-то забота близкого может быть нужнее, чем сейчас тебе. И если ты сделаешь в своей жизни правильный выбор, твое обязательно вернется к тебе во сто крат. Внимания заслуживает и то, что герой рассказа в столь юном возрасте ищет проблему своих бед не в окружающем мире, а прежде всего в себе, анализирует поступки и действия, дает им трезвую оценку и, сделав выводы, продолжает движение вперед.

В рассказе «Хранитель дома» 13-летняя *Дарья Зимина* из Бийска берется за сложную историю: у главной героини только что умерла собака. Не облегчает себе задачу Дарья и выбранным композиционным решением — рассказ параллельно ведется то от лица переживающей потерю девочки, то от морды недавно почившего питомца, оставшегося в доме в качестве призрак-наблюдателя. У каждого из героев этого повествования свой, ярко окрашенный и выписанный характер, сформированные интересы и убеждения. Вот, например, собака с человеческим именем Вика — веселая, задорная ворчунья, а но всему прочему иногда еще и ревнивица: «Однажды они даже решили меня сфотографировать. Не думаю, что ного-то из собак на привязи с нашей улицы когда-то фотографировали. Мелких — тех да. Приезжали к моим хозяевам гости с таким собачьим недоразумением. Лапки тоненькие, голосок писклявый, характер вредный. И моя хозяйка с нею как только не фотографировались: и так, и на ручку возьмут, и на коленочки посадят». Наблюдая за безутешным горем своей бывшей хозяйки, дух питомицы проходит разные стадии от обострения чувства собственности до все того же очевидного, но сложного понимания: любимому существу нужно позволить жить дальше, пускай даже без тебя, если ему так будет лучше. «Хранитель дома» — щемящий, нежный и ироничный текст, в котором автор взрослеет по пути написания, переживая заново противоречивые чувства принятия неизменной ситуации, осознавая необратимое величие смерти, а вслед за ней — и жизни.

Оригинальный выбор питомца сделала героиня произведения 16-летней *Дарьи Машевской* из Энгельса. Центробежной силой рассказа «Рачок» стал речной длинноусый рак. Жизни девочки Мадина из маленькой деревушки не позавидуешь: у нее недавно умерла мама, на ее место в семейной вселенной пришла неласковая бабушка. Отец постоянно работает, а брат изо всех сил ревнует сестру к памяти родительницы. И вдруг в безвоздушном пространстве из запретов и попреков происходит взрыв света и воздуха. Мадина видит живое существо, так похожее на нее, несвободное и обреченное, и решается на смелый бунт, отчаянную трансформацию, спасение обреченного на варну рака и вслед за тем — настоящую жертву: «Мадина остолбенела. Рак беспомощно щелкал клешнями в ее руках. Опустив взгляд на своего друга, девочка заплакала еще сильнее от боли и несправедливости, которых не могло перенести

хрупкое детское сердце. Нунла бездушно смотрела на девочку пустыми глазами. Не говоря ни слова, девочка рванула с места что есть мочи, чуть ли не кубарем скатилась с холма вниз, к рене, только б подальше от этого места. Позади доносился звук рвущихся ниток, ткани и — прошлого...» Рак — это мощный символ, процесс наращивания защитного панциря, элемент противопоставления обретенной взрослости нудрявому и кружевному детству. Животные в произведениях лауреатов конкурса «Мир литературы. Юность» не просто милые кошечки и собачки, которых дети треплют за ушами и целуют в носы. Они — проводники психологической инициации и настоящие духовные собратья. Именно поэтому читать вроде бы детские рассказы про питомцев будет интересно не только детям, но и взрослым.

Еще одной из главных тем текстов участников конкурса стали приведенные со слов бабушек и дедушек рассказы о Великой Отечественной войне и в частности — о блокаде Ленинграда. Чаще всего они сопоставляются с собственным опытом, подростки пытаются представить себя в иной исторической обстановке, в обстоятельствах предельного напряжения человеческих возможностей. Так, соотносит свою сытую повседневность, где она прячет черный хлеб в халате от мамы, лишь бы его не ели, с бытом блокады 13-летняя *Алена Порубова* из Афанасьева. Ценен вывод, который делает юный поэт:

Такое я представить не смогла.
Мне крикнуть захотелось в небо:
— Я съем кусочек *хлеба* за тебя!
Вернись! Живи! Ты слышишь? Где ты?
С тех пор, как я представила себе
Ту девочку в блокадном Ленинграде,
Я *полтбила* вкусный черный *хлеб*.
Его не прячу больше я в халате.

Представляя такую же, как она, девочку, для которой черный хлеб — заветная драгоценность, лирическая героиня начинает дорожить тем, что имеет. Но самое главное, что с этого момента она пронесет по жизни память о тех героических и уже не мифологических для нее событиях, которые выросли из вечернего рассказа мамы о судьбе ребенка в блокадном Ленинграде.

Предметно-символьное письмо удалось и 13-летней *Анне Артешиной* из Самары. В рассказе «Мандарин» юный автор приводит реальную историю, как на Новый год, 1944-й, детям блокады привезли самые настоящие оранжевые и солнечные мандарины. Для читателей-ровесников А. Артешиной будет важен как повод, послуживший для создания данного рассказа, так и выбранное обстоятельство: маленький мальчик, получивший настоящее чудо, без всяких размышлений дарит его самому близкому своему человеку: «Поправив подушку под маминой головой, Петя достал новогодний подарок: открытку с Дедом Морозом-партизаном, фантик и засохшую краюшку хлеба. На тарелку положил котлету, самое ценное, что у него было. <...> — Ты только поправляйся, мамочка! Для того, чтобы ты не плакала, я принес заморский фрунт! — Мальчик достал рыжий шарик. — Вот, бери!» Способность реалистично представить своего сверстника из прошлого века в художественной прозе и сопереживать ему по-настоящему говорит о прозаическом чутье и чуткости, в столь раннем возрасте уже присущих нашим победителям.

Послевоенную историю любви своей бабушки невероятно трогательно удалось передать и 14-летней *Галине Бекетовой* из Пятигорска. Позволю себе непрофессиональное отступление от анализа: каждый раз, когда я читаю этот полторастраничный текст, потом еще минут десять плачу. Г. Бекетова с фотографической точностью воспроизвела сцену первой встречи молодых людей на празднующем Победу перроне. Вываливается молодой солдатик из поезда, видит молодую девушку и может сказать только: «Вот, выскочил из вагона на минутку за кипятком, а тут ты стоишь и... победа! Нонец войне! Наша, слышишь, победа, а тут ты... такая!» Ты — такая, и зима вокруг — такая, и жизнь впереди — ух какая! Ощущение полноты момента, юношеской восторженности, спаянности личной судьбы с судьбой страны — все это обдает свежим зимним духом из короткой зарисовки, полной смысла и будущих событий. То, что дети вдохновляются темой Победы, воспринимают ее настолько лично — конечно, также заслуга их родителей, бабушек и дедушек, которые хранят семейную и историческую память и передают ее по наследству. Потому вдвойне радостно было увидеть не выученные риторические штампы, а прочувствованные и близкие истории, получившие развитие в произведениях наших участников.

Для меня не стало удивлением то, что среди более 2600 работ встретились по-настоящему талантливые прозаические и поэтические тексты. А вот за номинацию с громким названием «Критика» оргкомитет «Мир литературы. Юность» переживал всерьез: конкурсным заданием было написать эссе о своей любимой книге, но не так уж и просто это сделать в 11–16 лет, когда текст зачастую еще самоцель, а не предмет для размышления. Не скрою, что мы ожидали получить массу школьных сочинений, по которым рассчитывали хотя бы первично понять литературные предпочтения подростков. Наково же было наше удивление, когда на конкурс пришла масса работ с развитым аналитическим аппаратом и отсутствием боязни эмоционировать в заданной структуре. Было сложно выбрать три наиболее интересных эссе для «Юности», но меня успокаивает мысль о том, что другие победившие работы будут также опубликованы в итоговом сборнике конкурса.

В самое сердце поражает даже не эссе, а статья 13-летней *Яны Павлюк* из Новосибирска, которая называется «“Перевертыши” Варлама Шаламова». Конечно, «Нолымские рассказы» никак нельзя отнести к категории детской литературы, и сам автор статьи это понимает. Отдельное впечатление производит то, каким образом это понимание приходит: «И еще — в своем культурном развитии я, конечно, не дошла до по-настоящему большой, великой, всепоглощающей литературы (это если честно). Но “Нолымские рассказы”, которые, будто нарочно в духе того времени, “вычищены” от художественности, произвели на меня впечатление сродни первому удару плети для только вышедшего из стойла жеребенка». Изумление, шок, восхищение — все это бьется и слышится в тексте, настоящем переживании после прочтения. «Нолымские рассказы» меняют восприятие и жизнь девочки из Новосибирска, она впервые вот именно сейчас узнала, что такое боль, и поблагодарила автора, что смогла испытать незнакомое чувство не на собственном опыте, а посредством чтения художественного произведения. Да, все еще впереди, и возможно, познакомилась она с этим текстом преждевременно, но вдруг резко стала по-другому воспринимать происходящие вокруг события и ценить их тихую успокоенность, ведь ей теперь есть с чем сравнить.

В рецензии 16-летней *Марии Рябковой* из Республики Татарстан, в отличие от работы предыдущего автора, уже больше аналитического ума, нежели чувства, но наблюдать за его движением не менее интересно. Мария пишет о романе Мариам Петросян «Дом, в котором...», разбирает подростковый бестселлер очень вдумчиво и в какой-то мере даже профессионально. Предметом анализа становятся композиция произведения, сюжетные линии, взаимоотношения персонажей. Развивая вездливую внимательность, Рябкова в будущем рискует стать настоящим критиком или даже литературоведом. Номпанию ей может составить 14-летняя *Таисия Ксенофонтова* из города Новороссийска. В качестве темы для своего эссе она выбрала «Педагогическую поэму» Антона Макаренно. Помимо энергичного описания сюжета произведения, заряжает и пафос восстановления исторической литературной справедливости: Таисия призывает нас ни в коем случае не забывать такое чудесное произведение и убедительно доказывает, почему этого делать не стоит.

Словом, критическая номинация дарит надежду на будущее — подростки все еще замечательно умеют думать, читать не только глазами, но и сердцем. Примечательно, однако, что среди присланных текстов почти не было эссе о произведениях детских и подростковых писателей, исключение составляет разве что упомянутый выше фэнтези-роман Петросян. Но это уже повод подумать нам, литературному сообществу, как изменить ситуацию: в том числе посредством знакомства писательских поколений в рамках работы детских центров и лагерей.

Я заканчиваю писать эту статью в день начала заезда детей на вторую смену в МДЦ «Артек», которая называется «Штурманы книжных морей». Сегодня в сопровождении писателей-педагогов от АСПИ туда отправились и первые победители конкурса «Мир литературы. Юность». Уже прислали фотографии: на них ярчайшее крымское солнце и разноцветные детские куртки. Посреди зимы, в феврале, юные литераторы отправились в сказку. За всем этим стоял огромный предварительный организационный труд, в том числе самих детей и их родителей. Нужно было собрать кипу документов, пройти испытание регистрацией в АИС «Путевна», разобраться с трансферами, скоординироваться с педагогами и наконец, спустя месяц, угнездиться на рейс и долететь до мечты.

А там... там они будут учиться, читать друг друга, получают рецензии, как сделать свой текст лучше, познакомятся с самыми разными представителями современной литературы от классика Валерия Воскобойникова до молодой, но уже состоявшейся писательницы Анастасии Строкиной. Но самое важное, что в свободное от учебы и моря время дети со всей страны узнают друг друга — и, быть может, мы очень на это надеемся, сформируется сообщество из ста человек, выпускников «Литературного Артека». После того, как они разъедутся по домам, будут продолжать интересоваться творчеством друг друга, помогать развиваться и создавать новое литературное поколение. Когда чуть-чуть подрастут, попадут на мастерские для молодых авторов, в перерывах напишут по книжке, затем отправятся совершенствовать тексты в резиденции, а потом представлять их и обретать своего читателя в творческие командировки... Но это уже совсем другая история, следующая осуществляемая мечта, исполнение которой обязательно — впереди. Хорошей смены, дорогие артековцы! Мы очень рады знакомству.

Яна Сафронова

РОМАН ГЕРАСИМОВ,
г. Электросталь, 11 лет

ЛУЧ ОЗАРЕНИЯ

Утро. Луч солнца ударил мне в глаза. Я отворачиваюсь. Беру телефон. 9:34. –22 градуса по Цельсию. «Бр-р-р, на улицу сегодня не пойду», – думаю я.

– Сынок, ты уже проснулся? – Это мама заглянула в комнату.

Кошка запрыгнула на кровать и стала щекотать мне левую ногу, высунувшуюся из-под одеяла. Вставать не хотелось, и я, накрыв голову одеялом, включил телефон. Ленты соцсетей пестрили мемами, мне стало скучно, голод одолевал, с кухни тянуло ароматом кружевных блинчиков.

– Доброе утро, мамочка! А что сегодня на завтрак?

– Твои любимые блины! Умойся – и за стол!

Дзынь-дзынь: пришло сообщение.

– Да что ж такое, поесть спокойно не дают.

Открываю WhatsApp, а там сообщение от Кольки со ссылкой в TikTok. На видео веселый парень дает инструкцию, как попасть в будущее: сядьте в лифт на семнадцатом этаже, потом спуститесь на пятый, к вам должен подсесть человек, поезжайте с ним на первый этаж, но, не покидая кабины лифта, поднимитесь на четырнадцатый. «Очередная ерунда», – подумал я и выключил телефон.

Блинчики на этот раз были объедение. После еды я начал учить «Бородино», так как нам задали знать его наизусть к концу недели.

Прошел час. Лермонтова я выучил, делать было нечего, потому что все уроки были сделаны еще вчера.

– Ром, сходи за хлебом, – послышалось с кухни.

Я начал собираться. Пекарня находится у нас в доме, так что на улицу в такой мороз выходить было не надо. Я оделся, взял телефон и карточку. Подойдя к лифту, вспомнил парня из TikTok и его инструкцию. Мы живем на семнадцатом этаже. Я нажал на пятый: каково же было мое удивление, когда за распахнутыми дверями лифта я увидел мужчину. Лифт поехал на первый этаж, незнакомец вышел и посмотрел на меня очень странно. Я, сделав вид, что забыл дома что-то важное, остался в лифте и нажал на кнопку четырнадцатого этажа.

Двери лифта распахнулись, и какой-то непривычно яркий свет буквально ослепил меня.

Очнулся я минут через пять.

– Гм... Ерунда какая-то.

Поехал на первый, а там стены не белые, как обычно, а зеленые! Может, не заметил?! Открываю дверь в магазин, а там не пекарня, а аптека...

Выхожу на улицу и вижу: машины по небу летают, роботы по улицам ходят, люди все в черном и с QR-кодами на левом рукаве. Подхожу к парню лет двадцати и спрашиваю, как в фильме:

– Какой сейчас год?

– 2222-й, – промычал он в ответ.

Идет навстречу женщина. Засунула палец в ухо и разговаривает. Передвигаются по улицам люди с большей скоростью, чем в наше время, а все из-за кроссовок с гидромагнитной подушкой в подошве. Я пошел дальше, пытаюсь узнать привычную улицу. По сторонам – дома, на горизонте – заводы. Нет ни одного деревца, кустика, ни одной травинки! Везде бетон и стекло. Дом, похожий на мой, как будто вырос в три раза, этажей сосчитать я не смог, так как они уходили в свинцовые низкие облака. «Пятерочки» на каждом перекрестке пропали, и я понял, что даже хлеба нигде купить. Смотрю: все идут, уткнувшись в телефоны и не глядя по сторонам, без опаски на кого-то натолкнуться. Но самое интересное, что никто ни с кем не общается. На месте бывшего детского

сада – огороженная территория, на которой дети поодиночке созерцают улицу. У каждого в руках была серая сова.

Мне стало настолько интересно, что я подошел к невысокому забору, чтобы лучше рассмотреть детей, которые гуляли без воспитателя. Сердобольная старушка, проходящая мимо, поинтересовалась, почему я одет так, как одевались люди столетия назад. Я попытался отшутиться, но бабушка оказалась разговорчивой и стала вслух размышлять о том, как тяжело детям расти без участия родителей. Стало понятно, что сова, которая выдается каждому ребенку при рождении, заменяет ему родителей. Производители снабдили игрушку обещанием «научить дружить и любить». Такие громкие замечания, мягко сказать, шокировали. Меня дружить и любить учат родители. Мы вместе путешествуем, смотрим фильмы, иногда читаем вслух, ставим елку и украшаем ее гирляндами. Поддерживаем друг друга. А тут всего этого нет! И мне стало страшно... Я вспомнил, как недавно мы дома смотрели фильм, который посоветовала мама. Фантастический триллер «И грянул гром», поставленный по одноименному рассказу Рэя Бредбери. Я читал этот рассказ летом, и меня поразила ничтожность тех изменений, которые повлекли за собой такие непредсказуемые последствия в будущем. Фильм усилил мои впечатления от прочитанного. И теперь, глядя на этих детей, я вдруг понял, как люди, отклонившись на градус от привычной «тропы эволюции», потеряли человечность, разучились дружить, любить и общаться. Мне стало очень горько, и я решил, вернувшись к себе в 2021 год, уделять больше времени родным и друзьям.

– Рома, вставай! – услышал я мамин голос.

Тут я вскочил с кровати и понял, что это, к счастью, был сон. Я побежал на кухню, кинулся маме на шею, потом обнял сестру и подумал, какое счастье, что у меня есть близкие люди, которые всегда рядом.

РОДИОН НРАЕВ,
г. Санкт-Петербург, 11 лет

ГОРОДСКИЕ ЗАМЕТКИ

Хор моих мыслей

Мона Лиза существует? Какого размера тунец? Зачем в кинотеатрах люди едят попкорн? Почему мне приснилось, что я невкусный? Если налить кипяток в пластиковую бутылку – почему бутылка завянет? Учитель танцев Раздватрис из «Трех толстяков» Ю. Олеси – мужчина или женщина? Если он мужчина, то почему ведет себя, как женщина? Это хор моих мыслей. Моя мама говорит, что хор – это стройное звучание. А то, что у меня в голове, – это какофония.

Домоседка

Я с мамой люблю ходить за руку. Да, я знаю, что большой. Знаю, что большие мальчики не ходят за ручку с мамами. Но так теплее. И в это время она не похожа на важную котлету. И да, я так хожу, когда рядом никого нет, то есть когда нас никто не видит из знакомых. Тепло ее большой ладони передается моей. И на душе тепло: так я могу маму контролировать, чтоб она шла рядом и слушала мои рассказы про танки.

А на даче, когда мы гуляем по аллеям, она прячет руки в карманы своей черной вязаной кофты. Я ей говорю: «Ты – домоседка». Тогда она на меня смотрит как на осложнение! Ну, она домоседка не потому, что дома сидит: ее руки сидят у нее «дома», в теплых карманах черной вязаной кофты.

Остановка «Грязная лужа»

Я все время что-нибудь придумываю. Вот мы идем в библиотеку с мамой. Но просто идти скучно, надо играть. И вот я уже машинист поезда. Я бегу впереди мамы и останавливаюсь. Рядом осенние кусты. «Остановка “Засохший кустик”!», – важно объявляю я. Бегу дальше. Важная мама идет позади. Она не делает остановки вместе со мной. Она несет тяжелую сумку с книгами. Я снова бегу вперед. «Остановка “Березовая аллея”!» Мама снова не делает остановок. Я продолжаю движение своего поезда. Надо успеть и попыхтеть, и издать гудок, и нажать на тормоза. Я останавливаюсь. Смотрю по сторонам. Достопримечательности отсутствуют. Ан нет... вот одна – это большая грязная лужа на нашем пути. И тогда я важно произношу: «Остановка...» И мы с мамой говорим одновременно: «Грязная лужа!» Не сговариваясь. Так само собой получилось.

Ну вы поняли, у кого мысли-то сходятся...

Переизбыток красного супа у меня в животе

«Бабушка, ты меня оборщевала!» Это значит, что я переел бабушкиного борща. Суп должен быть непременно красного цвета. А самый вкусный борщ у бабушки. Вы не знаете, почему бабушки готовят лучше всех?

Когда я вырасту

Все дети любят макароны. Однажды, придя в гости к соседям в многодетную семью, моя мама в разговоре упомянула про макароны. Тогда та многодетная мама перешла на шепот и сказала: «Не произноси это слово». Это означало, что

если б дети услышали про макароны – они бы попросили сварить целое ведро макарон...

Я тоже люблю макароны! Мама сварила на обед тоненькую вермишельку. Не вермишель, а вермишельку. Спросила, будет ли есть дедушка? Он ответил, что будет, но положить ему надо на блюдечко. А ел он чайной ложкой.

Я съел свои макароны, особенно они вкусны с маслом и с мелко порезанной колбаской. Я сходил к другу Леше, мы поиграли в «танчики», и я, как старший товарищ, поддался и проиграл сражение. Вернулся домой, выпил свой чай, помог бабушке отгадать несколько слов из заковыристого кроссворда. Прошло не знаю сколько времени. Дедушка все еще гонял ложкой вермишельку по блюду. Туда – сюда, туда – сюда. Могло показаться, что он играет с ними в футбол. Содержимое блюда за все это время не уменьшилось. Вермишель туда-сюда. Туда, сюда. Это было летом. Вот уже несколько недель дедушка или ел очень плохо, или ничего не ел... минувшее лето мы провели уже без дедушки. Приезжая на опустелую дачу, словно бы приезжаем повидаться с ним, туда, где все построено его руками.

Я стану врачом, когда вырасту, чтобы изобрести лекарство. Но тогда мне надо будет стать еще ученым, чтобы изобрести машину времени: я хочу вернуться в прошлое и спасти дедушку.

Человек без души

Меня давно интересовало – кто такой «человек без души»? Я часто слышал это выражение. И вот наконец я догадался. Человек без души – это искусственный интеллект. То есть это такие люди, но они совсем не люди, а роботы и могут быть очень похожи на людей. Но у них отсутствует душа. А это значит, что когда я возьму такого человека за руку, то моей душе теплее не станет.

Если бы я был другом Пушкина

Если бы я был его другом, то я бы спросил: «Александр Сергеевич, а есть ли рифма к слову “окунь”?» Вот моя мама думала и придумала только слово «шпо-кунь». Я поискал рифму в приложениях, которые помогают находить рифмы. Приложения не выдали созвучной рифмы. Почему у слова «окунь» нет красивой рифмы?

Почему Чехов ругается

Я читал книгу «Железнодорожные рассказы» Антона Павловича. Сам не знаю зачем, но выписал ругательные слова, которые мне повстречались на страницах его рассказов. Вот они: идиот, дурак, глупая голова, болван, сволочь проклятая, дуб, аспид, ведьма, паскуда. Ну, некоторые слова узнал впервые. Мама сказала мне, что теперь я обогатил свой словарный запас. Но лучше бы эти слова мне сложить в камеру хранения памяти и не использовать. Ну, я догадываюсь, почему она так сказала.

Какими дорогами ходят идеи?

Лингвист Лев Щерба придумал такое предложение: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Он это придумал в учебных целях. Я, между прочим, тоже придумываю слова. Вот некоторые из них: сын коровы – «коровенок»; уличное кафе, где кормят шашлыком – «Свинохрюка»; шашлык

женского рода – «шашлыковина», приятель кошки – «кош», подмышки у мышки – «подлюдинки», непослушные волосы – «льюисики». Но это какие-то несурзные слова. Мама говорит, что таких слов нет в русском языке. Но они же есть в моей разговорной речи.

Льюисики

Когда наша учительница заболела, ей на замену пришла другая, кудрявая и крикливая. Голос у нее такого же цвета, как ее невкусная помада. Она была очень сердитая и поэтому заслужила капельку моего воображения. Когда я слышу одно слово, мой мозг связывает его с другим. Волосы – это... льюисики! Раз эта учительница кудрявая, то у нее не волосы, а льюисики! Когда она сердится, то ее льюисики выпрямляются в знак возмущения вместе с ней.

Брутальные слова

Вы знаете эти слова. Они принадлежат известному певцу российской эстрады. Моя мама любит слушать его песни. Наверное, вы, ваши знакомые и знакомые знакомых тоже знают и любят эти песни. И я люблю. Но самое главное, что в них есть брутальные слова. Но я не знаю, что они означают. Вот эти слова: чикипибарум, оле-оле... Вы догадались, о каком певце я пишу. Ура, не только я придумываю слова.

Я разукрашиваю слова

Война – черного цвета. Голос чужой учительницы – цвета ее помады. Безумная ярость грозы – зловещего белого. Вкусный сон – сладкого цвета. Жесткий южный палящий зной – грязно-желтого. Зубная боль дачного дождя – серого. Легкая вуаль августовского тумана – снежного. Громкая музыка сентября – багряного. Тихий шепот надежд – нежно-синего. Поэтика ноября – музыкального цвета. Мои мечты – разноцветные.

Скворечник для мух

В нашем дачном скворечнике живет белка. Ее детеныши похожи на крысят – голенькие и маленькие. А я придумал скворечник для мух.

Сестра моего друга – девочка Юля построила из большого лего домик, со скворечником. Мне стало любопытно: что в скворечнике? Я туда заглянул и увидел игрушечного пони. Я взял лошадку и посмотрел на нее поближе. Первое, что пришло мне в голову, – это муха! Вот я и дал кличку этому пони – Муха. Когда я поделился своими мыслями с друзьями, они громко засмеялись. «И правда, эта лошадка похожа на муху!» Так и появился скворечник для мух.

Собрание знаменитостей

Я живу в Санкт-Петербурге. Это красивый город. И мне нравится гулять по городу с мамой. Если вы выйдете из метро на Невский проспект, то попадете на собрание знаменитостей: слева вас встретит Казанский собор, справа – Спас на Крови, а прямо с вами поздоровается знаменитый дом Зингера.

|||||

|||||

ЕНАТЕРИНА ИОНОВА,
деревня Ольхово, 15 лет

БАЙКАЛ

«Какие милые птички! Хрупкие и беззащитные, словно маленькие дети. Однако они умеют летать. Интересно, каково это – не чувствовать земли под лапами? Никаких цепей, вольеров, только ты и свобода!..» Казалось, так думала собачка Барбара, разглядывая прыгающих неподалеку воробьев. Не могу с уверенностью сказать, умеют ли животные мыслить. Но видели бы вы их глаза! В них порой можно разглядеть нечто настолько глубокое, что ощущение понимания со стороны якобы низших существ приходит само собой.

В нашей семье с недавних пор ожидалось пополнение. Уже ближе к вечеру Барбара принесла на свет десять слепых щенков. По правде говоря, прокормить такую армию – задача не из легких. Но мы все равно приняли решение оставить всех.

Десять малышей, три девочки и семь мальчиков, росли быстро. Когда им исполнился месяц, мы стали искать для них новый дом. Мальчишек по объявлению разобрали в течение недели, девочки волей судьбы остались с нами. А с ними еще один щенок. Он не был похож на других и вообще выглядел несуслазно: большая голова с крупными, будто у мопса, голубыми глазами; длинные лапы, никак не сочетающиеся с тощим тельцем. Когда приезжали новые люди, он держался в стороне, при удобной минуте вовсе уходя прочь. Словно не хотел покидать это место. Мы решили оставить малыша себе. Так появился у нас первый домашний пес, Байкал. Столь символичное имя не было случайным. С этим озером связаны исторические корни нашего рода. Таким образом мы хотели подчеркнуть особую привязанность пса к дому, его ценность и значимость для нас.

Байкал рос кротким и дружелюбным. Большую часть времени он проводил на улице, играя с сестрами. Трусливым малыша было не назвать. Как-то раз он даже вцепился в огромного соседского пса, задав ему хорошую трепку. Тогда же получил первую боевую отметину – правая лапа была разодрана практически до кости. Дома его никто не обижал, наоборот, все очень любили. В свои три месяца он до сих пор выглядел забавно. Всякий раз, когда кто-то из семьи возвращался домой, слюнявый щенок бежал навстречу, размахивая своими большими лапами, и приветствовал довольным урчанием. Веселый, не знающий суровой жизни бродячей собаки, Байкал каждый день радовал нас своими проказами.

Однажды нам пришлось уехать из дома. Дела затянулись, с того момента прошел целый месяц. На время отъезда мы договорились с соседкой о том, чтобы она присмотрела за животными. Однако по возвращении оказалось, что ни одного щенка – ни Байкала, ни сестер – не было на месте. По словам женщины, они сбежали накануне ночью. Мы обыскали всю деревню, но никаких следов пропавших обнаружить не удалось. Не впадая в отчаяние, решили дожидаться следующего утра. Не прошло и суток, как под дверью стали скрестись и скулить знакомые голоса. Когда мы отворили зашелку, в дом вбежали лишь три девочки. Байкала с ними не было.

Пес не возвращался в течение нескольких дней. Мы все думали: что с ним могло случиться? Почему сестры вернулись без него? Вдруг он заблудился и не смог найти дороги домой или его забрали другие люди, вдруг щенка и вовсе уже нет в живых... Мысли о потере любимца никак не укладывались в нашем сознании. Сойдясь на том, что слезами горю не поможешь, мы отправились на поиски собаки. Объехали каждый дом в соседних деревнях, звали, вместе и по очереди. Все тщетно. Несколько людей, по слухам, якобы видели похожего пса на днях. И это было нашей единственной надеждой на то, что он жив.

Прошло несколько недель, однако о местонахождении Байкала все еще было ничего неизвестно. Воспоминаний о прошлом не сотрешь, но зато спустя время эмоции улеглись, и на передний план вышел логический анализ произошедшего. У животных слишком хорошая память, и забыть дорогу домой пес однозначно не мог. Оставалось лишь надеяться на то, что он жив и нашел способ прокормить себя. Будь то новые хозяева или участь бродячей собаки.

В один момент мне пришла в голову мысль: а вдруг он не вернулся нарочно? Может ли свобода быть важнее уютного домашнего очага? Стоит ли она того? Наверное, вполне, раз пес был готов лишиться всего ради раздольной жизни. И все же, умеют ли животные рассуждать? Или каждый их выбор сопровождается инстинктами? Знал ли Байкал, на что идет? Вероятно, мы сами виноваты в том, что он сбежал. Нас слишком долго не было рядом.

Минуло лето. Мы уже смирились с тем, что рядом нет любимой собаки, и просто жили дальше, изредка вспоминая радостный топот несущих лап. Но вот в один день по дороге из школы я заметил вдали собачий силуэт. Большой пес с черной мордой провожал меня внимательным взглядом. Его благородный вид привлек мое внимание: мощные лапы и шея, крепкая массивная грудь – все было при нем. Точно гранитная стена, он сидел и смотрел, и ни одна собака в округе не смогла бы сравниться с ним красотой и силой. Что-то знакомое я увидел в его умных глазах. Первая мысль: «Неужели Байкал?» Подошел поближе. И не был бы я настолько уверен в своей правоте, если бы не разглядел шрам на лапе. Тот самый первый боевой трофей, полученный когда-то в схватке с незванным гостем. Словами не передать полноту моих чувств в тот момент. Сам факт того, что он жив и стоит передо мной таким взрослым, благородным псом, разрывал сердце на части. Первым делом хотелось бросить все и усадить потеряшку в машину, отвезти домой, но... что-то меня остановило. Попытки поймать или как-то задержать Байкала раз за разом оканчивались неудачей. С каждой проезжавшей мимо машиной нагнать его становилось все труднее. Мы уходили дальше и дальше, пока я не понял, что пес ведет меня. Ведет к своему новому дому.

Мы остановились перед высоким зеленым ограждением. Ворота были распахнуты, поэтому Байкал вошел и сел на пороге неизвестного мне дома. На террасе в ветхой рубашке сидел старик, покачиваясь на деревянном кресле-качалке. Его седые волосы поблескивали в лучах солнечного света, однако глаза были безжизненны и словно покрыты белой пеленой. Он смотрел в никуда. У стены стояла кривая тросточка. Пес аккуратно подошел к нему и сел рядом, положив тяжелую голову на старческие колени. Не проронив ни слова, я решил не забирать друга насильно, и, довольный встречей, повернул назад.

С тех пор мы видели Байкала почти каждый день. Это было странно, ведь раньше он не показывался на улицах. Невольно стали подозревать, что нечто нехорошее случилось с его новым хозяином. Всякий раз проезжая мимо того дома, мы невольно обращали на него внимание. Ворота были плотно закрыты, свет в окнах не горел. Приближалась зима, однако дыма из печной трубы мы тоже не наблюдали. Так или иначе, пес стал бегать на свободе и жить на то, что бог даст. Каждый раз при встрече его глаза были наполнены глубокой тоской, но он по-прежнему аккуратно вилял хвостом. Любое лишнее движение пес воспринимал с испугом и напряжением, так что мы оставили всякую надежду на то, что сохранилось что-то в его собачьей памяти из раннего детства.

Спустя несколько дней ранним утром меня разбудил безудержный лай. Спешно одевшись, я выбежал на улицу и глазам не поверил: за забором, в траве, весь мокрый и дрожащий, сидел Байкал. Он боялся подойти ближе и то пятился назад, то поддавался вперед. Придя в чувство, я схватил сухой плед и осторожно

но пошел навстречу промокшему псу. Медленно укутал его в одеяло, с трудом поднял на руки и понес в дом. Сложно описать чувства, наполнившие сердце в тот момент. Это и радость, и абсолютное непонимание одновременно... А Байкал лизал мои руки и безостановочно махал хвостом.

Как он вспомнил дорогу? Быть может, при встрече с нами в его сознании воскресли воспоминания о детстве. В жизни любого человека бывают моменты, когда необходимо «выключить» разум и всецело довериться зову сердца. Для Байкала и для всей нашей семьи это был тот самый миг. Мы вновь обрели друг друга. Нельзя однозначно сказать, что послужило причиной его возвращения. Но одно было ясно точно. Байкал вернулся *домой*.

ДАРЬЯ ЗИМИНА,
г. Бийск, 13 лет

ХРАНИТЕЛЬ ДОМА

Вот опять что-то зашуршало. Мне кажется, или в мире вдруг сразу стало столько шорохов? Может быть, это потому, что я все больше сижу дома, а раньше мы гуляли. Теперь дом словно живой, а Вики нет. После ее смерти мне мерещится всякое: то тень промелькнет, то собачий хвост из-за угла покажется, то как будто во дворе кто-то косточку грызет... Но в будке, которую уже порядком замело снегом, никого нет. Вика, как же так? Скоро Новый год, а тебя нет...

Вот я и умерла. Еще вчера мне было очень больно и плохо, а сегодня вроде и не болит ничего. И ничего не надо...

У меня на самом деле веселая и интересная жизнь была. У меня было много хозяев. Двое из них меня предали: первые взяли меня щенком, но когда поняли, что я вырастаю в здоровенную псину (это они так говорили), отдали меня в этот дом на цепь. Второй хозяин меня хорошо кормил, не обижал. Сердился только, если я по ночам гавкала просто так. Потом второй хозяин продал дом, получается, вместе со мной.

Но последние хозяева оставались со мной до конца. Я до сих пор помню наше первое знакомство. Хозяин – тот, второй, – выносит вещи из дома, складывает их в машину, а потом просто хлопает калиткой и уезжает. Я сразу поняла, что он не вернется. Весь день я проплакала у себя в будке. На следующий день приехали незнакомые мне люди с коробками. «Может, они вернут мне хозяина?» – с надеждой подумала я. Но нет, не вернули. В этих коробках были их вещи, запах от них был чужой, но хороший. Я вышла к ним, все начали улыбаться и ласкать меня. Но мне было страшно. Они мне никто, где мой хозяин?

Вика была такая смешная. Мама говорила: «Не суй в будку руки, вдруг цапнет. Чужая собака, кто знает, что у нее на уме. Плохая была идея – покупать дом вместе с собакой». Папа ей отвечал: «Но дом-то хороший. Вика в нем сто лет прожила. Получается, нам дом оставили вместе с хранителем».

И правда. На прежнем месте с нами чего только не случилось, один раз даже пожар был. Папа пришел со смены, поставил себе варить пельмени и прилег. Проснулся уже от пожарных за дверью. А в новом доме как-то все сразу задалось. Новая школа, нормальный класс. Под яблоней скамейка, можно летом с друзьями сидеть. Главное, не шуметь. А мы и не шумели, сосиски жарили. Давали Вике.

За первое лето я вроде привыкла к ним. У новых людей есть два ребенка, но один, который постарше, никак мне не давал покоя. Зовут ее Даша. Не знаю, что со мной происходило, но, когда она просила, я по команде давала ей лапу. Раньше меня не просили такое делать, но мне ведь за это лакомства теперь дают – кусочек сосиски.

Было дело, однажды украла курицу и принесла ее гордо домой. Новый взрослый хозяин сказал мне так больше не делать, и все. Тот бы, прежний, стукнул бы меня чем-нибудь. А этот только пальцем погрозил. Но курица все равно была вкусная, это вам не каша с костями.

Новую взрослую хозяйку зовут Наташа. Она, не знаю как, сама догадалась, где меня лучше гладить. Она купила мне такую штуку, чтобы меня чесать. После зимы очень приятно, когда чешут, – старая шерсть сходит прямо клочьями, самой страшно на свои бока смотреть. Но приходит Наташа с этой штукой – чешет, болтает о чем-то и говорит, что вот теперь я красавица.

Однажды они даже решили меня сфотографировать. Не думаю, что кого-то из собак на привязи с нашей улицы когда-то фотографировали. Мелких – тех да. Приезжали к моим хозяевам гости с таким собачьим недоразумением. Лапки тоненькие, голосок писклявый, характер вредный. И моя хозяйка с нею как только не фотографировалась: и так, и на ручку возьмут, и на коленочки посадят.

Но зато у меня есть Дашка. Она моя свобода. Когда мы с Дашей сдружились и когда взрослые хозяева поняли, что я их детям ничего плохого не сделаю, стали разрешать Даше со мной гулять.

Даша отстегивала цепь, пристегивала мне поводок, клала в карман пакетик с едой – для меня, и мы шли в рощу. Там поводок мне отстегивала, и я могла бегать! Много-много бегать! Я научилась прыгать через Дашину ногу. Даша говорила, что я способная, могла бы в полиции служить: она прячет свою перчатку, а я ее нахожу. Она же Дашей пахнет, и дурак найдет. Как же она теперь без меня?

Плохо ей без меня. Гулять не ходит, дома сидит. Раньше плакала, теперь молчит. А ведь зима, снег – самая гулятельная погода. Пошла бы ты, Даша, в нашу рощу, побегала бы там. Я, когда бегала, всегда радостная была – будто я снова щенок.

Я с ней пойти теперь не могу. Я чувствую, что если выйду за нашу калитку, то я улечу куда-то, домой не вернусь. Чудеса! Я теперь внутри дома, а не снаружи, хотя раньше взрослые хозяева не разрешали в него заходить. Если честно, дом я теперь так себе охраняю – я лаю, а меня не слышат, толку нет от меня. Ну, мышь шугануть могу, занавеска может качнуться, если я рядом пробегу, и все. А что вы хотите от старой мертвой собаки?

* * *

Без Вики совсем не то. Мама спрашивает, хочу ли я новую собаку. Давай, предлагает, щенка от Шарлиз возьмем. Шарлиз – это собака ее подруги, йорк. Миленькая, конечно. Но... Вика была простая, как я. А Шарлиз – гламурная собачка. Я такую не хочу.

Нет, я пока не могу взять этого щенка. Если возьму йорка, предам и Вику, и всех простых дворняг, у которых и ума больше, и сердце доброе. Как мороженое у Сережки выпрашивала! Как огурцы наши на грядках поедала! С папой в гараж ходила – ляжет на пороге и смотрит, что он там делает. Господи, разве я смогу после большой, сильной, верной Вики полюбить это маленькое собачье недоразумение?!

* * *

Примерно за год до моей смерти я заболела. Мне было очень больно, я стала много ворчать на хозяев. Они меня понимали и не ругали, а, наоборот, старались помочь мне. Позже я перестала хотеть прыгать и бегать. Но я все равно

старалась играть с Дашей, потому что она больше всех любила меня. Даша могла сделать так, что я на время забывала о боли. Просто смотрю на Дашу, слушаю ее, и мне не больно. Но потом больно опять.

Примерно за две недели до того, как я уснула и не проснулась, у меня пропал аппетит. А за неделю мне стало понятно, что мои хозяева скоро останутся без меня. Я почти перестала выходить из будки: сил не было, да и пугать их не хотелось. Боль почти ушла. Даша каждый день заглядывала ко мне в будку. Не забуду ее руку, которую она просовывает, чтобы погладить мою морду, потом рука исчезает, потом опять возвращается, теперь уже вся мокрая и соленая.

И вот в воскресенье я умерла. В этот день Даша ко мне не заглядывала. Ей потом сказали. Он меня вывез в рощу, где мы с Дашей гуляли, и закопал. Когда он уходил, я вылезла и за ним побежала домой, зачем мне в яме лежать? Против всяких правил я забежала в дом вслед за папой, дверь закрылась, и вот теперь я сижу в доме. Меня будто никто не видит. Хожу по дому, никто не замечает...

Иногда развлекаю Дашу – бегаю туда-сюда, что я еще могу, занавески шевелить. Мама говорит, что в доме домовый завелся. Ха!

Недавно в доме стали к празднику какому-то готовиться. Мама говорит про подарок, Даша кричит ей о том, что не нужно ей подарка. А я словно ее мысли вижу – а там, в ее мыслях, только я. Даш, бери подарок, подарки вкусные, подарки хорошие. Я уверена, ты будешь рада!

* * *

Мама все-таки подарила мне щенка от Шарлиз. Зовут Фокси. После Виктории – и Фокси. Пол скрипнет – этот веник уже лает своим писклявым голосочком, аж в ушах закладывает. Уроки делаю в больших наушниках.

Шмокси, фу! Да хватит уже орать!!! Сколько можно!

* * *

Зачем меня взяли в этот дом? Здесь уже есть одна большая и сердитая собака. Она меня пугает. Она рычит, стучит хвостом. Я пыталась прыгнуть на нее и словно прошла сквозь облако. Мне страшно здесь! Я к маме хочу!

* * *

Ей подарили собаку! Как так? Я ведь ее собака!!! Я зла от того, что у них теперь новый питомец. Я начала бить их посуду, кидать резко вещи. Все пугаются, но делают вид, что не замечают. Зовут нового питомца Фокси.

Странное дело: она немного похожа на меня, хоть и маленькая. Ну а что? Тоже ведь собака – зубы, уши, лапы, хвост, все в наличии. Сначала я на нее ходила злилась. Потом, слышу, плачет ночью в своей лежанке. Дай, думаю, спрошу – может, надо ей чего. А она и говорит мне: «Это теперь мой дом, все хозяева теперь мои». И что я ненастоящая собака, потому что она проходит сквозь меня, как через облако. Проходит она... И когда только успела, я даже не заметила.

Однажды Даша пришла из школы, и эта собака кинулась ее встречать. Даша присела, руку протянула – вроде как погладить хочет, но не решается. Да погладь уже ее! Этому венику пара месяцев от роду, она еще к мамке просится. Хоть ты ее пожалей. Даша как будто услышала, руку опустила и погладила Фокси. А та на спинку упала, пузико подставила.

За это ее и простить можно. Я не злая, просто свой дом и свою Дашу не хотела отдавать. Но теперь вижу, что это не самовлюбленное нечто, а добрый славный щеник, пусть живет, Дашу радует. А я дом посторожу.

* * *

Удивительное дело, но Фокси добилась своего – заберется ко мне в ноги и сидит, пока я сплю. Я взяла свою старую сумку, посадила ее туда, чтобы не замерзла, и мы пошли в нашу с Викой рощу. Папа давно мне показал место, где она лежит. Часто теперь туда прихожу. Стою и плачу. Голова Фокси торчит из сумки. Наклонилась к ней, чтобы проверить, не дрожит ли. А она меня взяла и в щеку лизнула. Надо впустить в свою жизнь новую собачью душу, раз уж старую не вернешь... Мне кажется, Вика будет не против.

* * *

Сегодня Даша ушла с этой собакой куда-то. Их долго не было. Я выбежала на улицу и подумала о том, что надо бежать в рощу. Но понимаю, что в дом я тогда больше не вернусь. Терять мне нечего, сбегая в рощу. Прибегаю, а она стоит у места, где меня закопать хотели, и плачет. А Фокси лижет ей лицо. И тут я понимаю – Дашка в надежных лапах. И я могу идти отмечать собачий Новый год на собачью радугу. Дом теперь тоже в надежных лапах.

Все, могу идти. Меня давно звали. Ну те, которые на радуге уже. Новый год зовут отмечать. Черныш с пятого двора, рыжий Босс и хромая Найда. Я дом и Дашу теперь пристроила – вперед. Ну, пока! Служи там хорошо, веник, гоняй чернявого, гуляй с Дашей, ей полезно. Лижу ваши нос и щеки, Вика.

ДАРЬЯ МАШЕВСКАЯ,
г. Энгельс, 15 лет

РАЧОК

– Мадина, это что такое?! – прозвучал голос где-то в доме.

Внутри у девочки все инстинктивно сжалось. Мадина вздрогнула и потопилась ко входу. Теплые летние лучи солнца скрылись из виду, как только девочка прошла под карниз.

Скрипнула дверь, и перед ней открылась картина: вода на полу блестела и переливалась, и в этой луже ползало нечто черное, похожее на большого таракана.

– Мадина! – прикрикнула на Мадину бабушка, отчего девочка снова невольно сжалась. – Зачем ты разморозила рака? Восемь лет, а бед столько же, сколько от твоего отца!

Из холодильника веяло холодом. А среди рыбы, которую наловил отец, оказался маленький рачок, мужественно выдерживавший понижение температуры. Мадина притупила взгляд, сжимая руками края своего ситцевого платья, и тихо-хонько пропихивала, что это сделала не она.

Из-за спины бабушки высунулась голова.

– А я видел, я все видел! – раздался голос, громкий и писклявый, как звук от гудка велосипеда. – Это Мадина рака вытащила!

«Влад... – подумала девочка. – Опять на меня наговаривает!»

В свои одиннадцать лет Влад был немного больше своей сестры. На его темных штанах сбоку, где красовалась яркая белая заплатка от неловкого падения с ограды, остались следы от мокрых рук, но бабушка, то ли не замечая, то ли намеренно игнорируя этот факт, погладила мальчика по голове.

– Правильно в народе говорят. – Бабушка всунула Мадине половую тряпку. – Мальчиков балуй, а девочек держи в ежовых рукавицах. Мой полы за собой, шайтан!

Мокрый блеск в глазах Мадины, как часто это бывало, исчез быстро, но привычное чувство обиды в этот раз долго не проходило.

Мадина сидела возле дома, любуясь, как их дворовый пес Белый смирно грелся на теплой травке. Солнце медленно катилось к горизонту, словно подготавливая себе алую постель. В руках у девочки были рак и старая, но опрятно одетая кукла.

Мадина отложила игрушку в сторону и взглянула на рака. Девочке он нравился: рак забавно двигал своими усиками, а черные глаза-бусинки выглядели как человеческие.

– Эх... – вздохнула Мадина, рассматривая болотно-оранжевые пластины рака. – И как ты попал сюда, рачок, к нам, в наш старый домик? Я сама бы не хотела тут оставаться, но приходится...

Рак поводил усиками, будто и вправду понимал Мадину. Девочка положила его на свою ладонь, представляя, что он ее собеседник.

– А вот если я убегу? Как моему папе будет грустно! – Мадина задумалась. – Его же здесь бабушка съест. Она постоянно ругается на него, ворчит... А папа же ведь тоже скучает по маме, как и я...

Дверь дома с грохотом открылась, и девочка чуть не выронила рака из рук. В дверном проеме появилась фигура брата.

– Опять ты с этой куклой возишься? – усмехнулся мальчик и взял куклу за волосы.

– Отдай! Отдай! Ты же знаешь, что это мамин подарок! – Мадина встрепенулась, быстро положила рака на землю и попыталась выхватить куклу из рук Влада.

Влад ловко отскочил и на секунду призадумался, глядя на игрушку. Ему казалось, что голубые глаза куклы похожи на мамины. Такие же васильки были и у Мадины. Влад вспомнил, как сестренка хохотала, заплетая кукле косички... У Мадины всегда были красивые платья, для нее устраивали разные поездки, потому что она была младшенькой, а для него не было никакого поощрения... Пока вместо мамы в доме не появилась бабушка...

Влад хмыкнул, и его лицо, сменившее выражение с легкой грусти на раздражение, вновь стало привычно довольным. Он с пренебрежением кинул куклу в руки сестры и развернулся к дому.

– Ах да, еще кое-что... – бросил через плечо Влад. – Ты уже придумала, как назовешь своего нового друга?

– Да, рачок... – рассеянно ответила девочка, удивленная такому любопытству брата.

– Отлично, ведь бабушка завтра утром сварит его на перекус Белому, – улыбнулся мальчик.

Дверь за ним захлопнулась.

– Как же! Он! Меня! Бесит! – Девочка зарылась руками в подол платья.

Тут ее взгляд упал на рака. Он опустил усики и пытался куда-то ползти. Его неуклюжие движения вызывали жалость. Мадина стояла, не в силах что-то сказать, и думала. Ее сердце замирало только от одной мысли, что рачка сварят заживо. Она знала, что бабушка с нее шкуру сдерет за непослушание, но решение было принято.

Мадина подошла, взяла в руки рака и посмотрела прямо ему в глаза.

– Ты не должен тут оставаться. – Ее тоненький детский голосок звучал смешно, но решительно. – Рачок, я тебя спасу! И верну тебя домой!

Рачок будто ожил от тепла ее рук. Девочка аккуратно взяла своего нового друга, прихватила куклу и ринулась домой.

Пробило полночь. Тишина в доме была такая густая, что казалось, будто ее можно было нарезать ломтиками. Бабушка давно легла спать. Папа, как и всегда, был еще на работе (возвращался он только к часу ночи).

Мадина надела легкую потертую ветровку и штанишки, взяла с собой мамину куклу и рака, заботливо достав его из коробки. Комнаты Влада и Мадины были разделены еще в то время, когда семья жила в достатке, так что единственной проблемой девочки были скрипучие полы в длинном коридоре.

Скрип двери. Стук маленьких ножек по ступенькам. Прохладный ночной воздух.

Девочка вздохнула полной грудью, улыбнулась смольному небу над головой и прижала рака поближе к себе. Тут цепь напротив дома зашевелилась, словно металлическая змея, темный силуэт появился из конуры и начал басисто гавкать.

– Тише, тише, Белый... – зашептала девочка. – Это я, я никого не обижу...

Мадина хорошо ладила с животными и любила ухаживать за псом. Белый узнал девочку, замахал хвостом, немного поскулил и отошел в сторону, будто пропуская девочку.

Выйдя за ворота, Мадина погрузилась в ночной мрак. Пройдя пару минут по узкой проселочной дороге, Мадина услышала лай пса. «Неужели меня заметили?!» – тревожно подумала девочка и бросилась бежать. Сердце билось в груди, за ней по пятам следовал кто-то, на своем пути ломая маленькие веточки.

– Мадина-а-а! – послышался знакомый голос.

«Влад! Это точно он!»

– Мадина, бабушка же сказала оставить рака! – Насмешки брата звучали все ближе и ближе. – Или ты хочешь, чтобы она тебя наказала, как в прошлый раз?

По коже пробежал холодок. Девочка понимала, что от своего братца она долго бежать не сможет: обувь предательски натирала стопы и Мадина то и дело спотыкалась. Вдали замаячил забор с небольшой ямкой внизу. Этот подкоп сделали дворовые мальчишки так, что Мадина могла пролезть, а Влад – нет. Девочка ловко юркнула в ямку, немного испачкав ветровку, и выдохнула. Но чего-то в руках не хватало...

– Моя кукла! – вскрикнула девочка и кинулась назад.

Ее брат с победоносной улыбкой вертел в руках белокурую куколку и смотрел на Мадину.

– Ты всегда была такой растяпой, Мадина... Если ты отдашь мне рака, то я отдам тебе куклу. – Влад развлекался, видя отчаяние на лице сестры. – А если нет... То я оторву ей голову и вырву эти красивые васильковые глаза.

– Но это же мамин подарок! – По щекам девочки потекли слезы.

Влад хмыкнул, с пренебрежением дергая куклу за косички.

– Это твоя кукла, а не моя, – равнодушно ответил он. – Мама никогда ничего мне не покупала, так почему она должна быть у тебя?

Влад протянул куклу:

– Решай.

Мадина остолбенела. Рак беспомощно шелкал клешнями в ее руках. Опустив взгляд на своего друга, девочка заплакала еще сильнее от боли и несправедливости, которых не могло перенести хрупкое детское сердце. Кукла бездушно смотрела на девочку пустыми глазами.

Не говоря ни слова, девочка рванула с места что есть мочи, чуть ли не кубарем скатилась с холма вниз, к реке, только б подальше от этого места. Позади доносился звук рвущихся ниток, ткани и – прошлого...

Тихие волны реки шумели, убаюкивая. Отдышавшись, Мадина аккуратно положила рака на землю.

– Рачок... Прости меня... – шмыгнула носом девочка, вытирая слезы. – Я не хотела выбирать между тобой и куклой, просто мама...

Мадина устало села на песок. Волны облизывали ее стопы, ветер шумел на вышках сосен, но девочке не было холодно. Рак смотрел на ребенка, не спеша уходить.

– Рачок, а у тебя есть мама? – Мадина прижала колени к груди. – Моя мама улетела жить на облачко год назад... Ей, наверное, там очень хорошо, но... Я скучаю...

На еще не высохших ресницах стали появляться новые слезы. Ветер обдувал мокрые щеки, срывал эти капельки и отправлялся дальше, куда ему хотелось.

– Знаешь что? – Мадина старалась, чтобы ее голос не дрожал от слез. – Рачок, если ты встретишь когда-нибудь мою маму, когда она спустится с облачка за водой, то обязательно передашь ей это?

Девочка достала из кармана штанов немного мятый цветок ромашки и протянула его раку. Рак сомкнул в клешне цветочек так аккуратно, будто правда не хотел его сломать, и, прощаясь, помахал усиками.

– Прощай, рачок! – крикнула ему вслед Мадина, махая ладошками, пока рак полностью не скрылся в темно-синей глубине.

Девочка еще долго смотрела на поющие волны, слушала скрип деревянной пристани и думала о будущем...

К берегу причалила лодка. Кто-то поднялся на пристань, и в свете луны Мадина узнала своего отца. Стуча тяжелыми рыбацкими сапогами по деревянным доскам, он подошел к Мадине и сел рядом.

– Твоя мама очень любила это место. – Отец грустно улыбнулся, глядя на водную гладь реки. – Невозможно не подметить, как сильно вы с ней похожи...

Долгая пауза вынудила Мадину говорить:

– Прости, пап, я рачка на волю отпустила... Который у нас в холодильнике был вместе с рыбой...

Мужчина тихо засмеялся. Его такие родные морщины, слегка потрепанные волосы и темные добрые глаза согревали душу.

– Вся в маму! – Отец погладил девочку по голове. – Тебе нужно было быть осторожнее, но это добрый поступок.

– Пап... – Мадина повернулась к отцу, немного запнувшись. – Я так скучаю по маме...

Отец вздохнул и взял девочку за руку.

– Да. – Он на секунду задумался, будто собираясь с силами, и продолжил: – Я тоже. Но я знаю, что мама бы не хотела, чтобы ты расстраивалась, правда?

Девочка кивнула.

– Ты храбрая, – улыбнулся отец, – и очень сильная. И мне стоило поговорить с тобой об этом раньше, ты уж прости меня. Хочешь, завтра мы вместе с твоим братом сходим куда-нибудь прогуляться?

– Как раньше? – с надеждой прошептала девочка.

– Да, как раньше. – Отец поцеловал дочку и улыбнулся. – Поехали домой?

– Да, – ответила девочка, залезая на руки отца. – Домой...

АЛЕНА ПОРУБОВА,
пгт Афанасьев, 13 лет

Я НЕ ЛЮБИЛА РАНЬШЕ ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Я не *любила* раньше черный хлеб.
Я прятала его в халате.
Но как-то мама рассказала мне
О голоде в блокадном Ленинграде.
Я девочку представила себе,
Что оказалась в длительной Блокаде.
И почему-то стало страшно мне –
Я словно очутилась в Ленинграде.
Как холодно... Картон вместо стекла.
И тихо так. Скрипят лишь двери.
Давно замерзла в чайнике вода,
А *хлеба* нет уж две недели.
Она живет без света и тепла.
И папы с мамой нет уж рядом.
Теперь она обходит зеркала,
Чтоб своего не испугаться взгляда.
От довоенной девочки сейчас
Осталась тень... Еще – глаза и скулы.
А вместо радостного голоса
Слышны здесь самолетов гулы.
Ее не гладит мама по утрам,
Не заплетает в косы ленты алы.
Теперь в ее косичках седина,
А ей вчера всего лишь восемь стало.
Как голодно... Как сладко засыпать
И видеть там, во сне, кусочек *хлеба*.
Вдыхать его вкуснейший аромат
И подниматься к маме... в небо.
Такое я представить не могла.
Мне крикнуть захотелось в небо:
– Я съем кусочек *хлеба* за тебя!
Вернись! Живи! Ты слышишь? Где ты?
С тех пор, как я представила себе
Ту девочку в блокадном Ленинграде,
Я *полюбила* вкусный черный хлеб.
Его не прячу больше я в халате.

АННА АРТЕШИНА,
г. Самара, 13 лет

МАНДАРИН

Снег кружился и большими хлопьями падал на землю. Мальчик подошел к окну и застыл, смотря на причудливые узоры, нарисованные стариком-морозом. Зима медленно накрывала белым одеялом все вокруг. А вдруг случится чудо?

– Мама, мамочка! Мария Петровна сказала, что мы все пойдем на представление! Ребята так обрадовались! Новогоднее, представляешь? Настоящее!

– Какое представление, Петюша? – улыбаясь, тихо спросила молодая женщина.

– Балет! О мышинном короле и ожившем Щелкунчике! А еще у нас будет обед!

Канун Нового года, 1944 год. Петя готовит своей маме подарок – открытку, найденный фантик от конфеты и кусочек засохшего хлеба. Марина Петровна рассказала о том, что после представления детей будут кормить, поэтому он знал, что принесет хлеба. Сам не будет есть, но принесет, ведь мама уже несколько дней не вставала с кровати.

– Мамочка, ты ведь поправишься? – спрашивает малыш. Второклассник, но уже такой взрослый, ведь младшая сестренка умерла, а от отца нет весточек. Он один теперь в семье мужчина.

– Обязательно встану, Петя! А пока достань из нашего тайника корочку хлеба.

Наступил долгожданный день! Неизвестно, чего дети ждали больше: балета или обеда. Новый год, подарки, радость, веселье, елка. Мама выздоровеет, и на ее щеках опять заиграет румянец!

Началось представление. Заиграл оркестр: загремели трубы, мелодично отозвались таинственные скрипки, появился Щелкунчик. Петя не мог сдержать восторга. Красота и грация движений, музыка, костюмы – все это поразило мальчика. На какое-то мгновение он забыл о войне и больной матери.

Хрупкие балерины порхали по сцене, будто бабочки. Но вдруг ребята услышали звук разорвавшегося за стенами театра снаряда.

Сердце забилося, вот-вот выпрыгнет из груди. Мария Петровна скомандовала: «Все вниз!» Вмиг прервалось представление, ребята зашагали по лестнице, они давно привыкли к этим звукам. Только артисты не торопились, помогая детям.

Спустившись, ребята прижались друг к другу. Лишь тихий шепот доносился из каждого уголка: «Кормить теперь не будут?»

Мария Петровна успела пересчитать ребят, когда артисты спустились в бомбоубежище с объявлением: «Через 5 минут продолжаем!»

Ребята обрадовались.

И вновь заиграла музыка. Парящие по сцене мотыльки-балерины улыбались, и только глаза выдавали их тревогу.

В фойе толпились люди. Кто-то пришел за крошкой хлеба, кто-то услышал музыку. Ребята сели за накрытый стол. Петя, увидев пюре с котлетой, онемел от счастья. Он аккуратно откусил кусочек и спрятал котлету. Хлеба всем не хватило.

Вдруг появилась девушка в балетной пачке. Она раздавала тряпочные мешочки, в которых было что-то яркое, как солнце.

– Что это такое? – спрашивали ребята. – Это же шарики!

Мария Петровна поднялась, держа над головой что-то рыжее.

– Ребята, минуточку внимания! Это мандарин, новогодний подарок от наших солдат!

Толпа заревела: «Спа-си-бо! Спа-си-бо! Спа-си-бо!»

– Мандарин? Как вкусно пахнет! А его можно есть? – спросила маленькая Анечка.

– Можно, – ответил Петя. Девочка напонила ему сестру.

Петя мчался домой. Он так хотел показать маме заморский фрукт, ведь он никогда его не то что не пробовал – не видел!

Мама лежала неподвижно. Петя взял кувшин и налил в кружку воды:

– Мамочка, попей!

Услышав голос сына, мать открыла глаза. Сделав несколько глотков, она предприняла усилие, чтобы подняться на кровати, но тело не слушалось ее, и она вновь легла.

Поправив подушку под маминой головой, Петя достал новогодний подарок: открытку с Дедом Морозом-партизаном, фантик и засохшую краюшку хлеба. На тарелку положил котлету, самое ценное, что у него было.

– С Новым годом, мама! – сказал Петя, поднося к губам матери кусочек котлеты.

– Спасибо, сынок! А у меня и подарка нет. – Из глаз матери потекли слезы.

– Ты только поправляйся, мамочка! Для того, чтобы ты не плакала, я принес заморский фрукт! – Мальчик достал рыжий шарик. – Вот, бери!

*Эти мандарины помнили все дети блокадного Ленинграда.
Они стали символом надежды и веры!*

ГАЛИНА БЕНЕТОВА,
г. Пятигорск, 14 лет

ПЛАТОЧЕК

Вокзал гудел. Черные от копоти и дыма составы со следами от снарядов то и дело громыхали перед Тониным лицом. Хрупкая смуглянка лет четырнадцати-пятнадцати со смешными короткими косичками с вплетенными в них алыми ленточками робко стояла на многолюдном перроне. Был май 1945 года. Тоня знала, что в это время наша армия гнала фашистов по Европе, «выметая» опостылую нечисть не только из отдаленных от родной земли уголков, но и из обоженных войной людских сердец. Наши солдаты освобождали пленников концлагерей, тех немногих полуживых людей, которым пришлось хуже всего.

Тонин отец с войны не вернулся. В 1943 году мать девочки получила серый конверт-похоронку на него. Евдокия Сергеевна стойко пережила потерю, но только этот чудовищный конверт с тех пор не просыхал от ее слез. Тоня знала, что отец погиб, исполняя свой человеческий и гражданский долг, не пропустил врага, закрыл собой товарищей в бою и навсегда остался в их и Тониной памяти героем.

Военные годы девочка с матерью провели в Кемеровской области, в тылу. Они работали на авиационном заводе, помогали фронту. Тоня привыкла вставать очень рано и ложиться поздно, понимая, что ее труд, как и труд многих других женщин и детей, работавших в тылу, поможет солдатам на фронте справиться с врагом. Война украла детство девочки, растоптала первые мечты, заставила голодать, страдать и довольствоваться малым. Тоня помнила, как единственным угощением в их бедном доме долгое время был кипяток и кусочек серого хлеба. Но война научила Тоню, как и многих других детей того времени, не сдаваться, жить вопреки лишениям и трудностям, уважать само слово «хлеб» и беречь каждую его крошечку. Вера в любовь и справедливость никогда не покидала девочку и ее мать. Больше всего Тоня хотела, чтобы война закончилась и никогда не повторилась. Девочка верила в победу и каждый день ждала вестей с фронта.

Как-то морозным вечером в конце 1944-го, возвращаясь домой в прохуdivшихся валенках, Тоня обморозила обе ноги, у нее начались проблемы с суставами, и Евдокия Сергеевна приняла решение перебраться на Ставрополье, к двоюродной сестре, тоже вдове с пятью ребятишками.

Тоня очутилась на большом вокзале впервые. Она не знала, как себя вести здесь, среди большого количества людей. Замкнутая от природы, но честная и упертая, она пыталась поддержать ногой разваливающийся дореволюционный чемодан со сломанным замком. Крышка чемодана постоянно открывалась с каким-то квакающим звуком, вещи выпадали на перрон, Тоня, наклоняясь, их подхватывала и была ужасно смущена. Ну зачем мать оставила ее одну, юную, неопытную, на этом людном перроне, побежав разыскивать встречающую их сестру? Тоня готова была разрыдаться. Она почувствовала, как среди людей, стоящих на вокзале, пронеслась волна какого-то движения, волнения, восторга. Все словно закружилось вокруг нее. Она пока еще не понимала, что это. Но сердце девочки уже трепетало в ожидании большой новости. Стараясь справиться с вихрем нахлынувших эмоций, Тоня вдруг почувствовала, как ее кто-то легонько толкнул.

— Ну-ка, дай-ка пройти! Чего раззепенилась, как барыня!

Тоня оглянулась. На нее пристально смотрел солдат, совсем еще мальчишка лет семнадцати-восемнадцати. В его небесно-голубых глазах играли солнечные зайчики, русые волосы были красиво уложены, а на груди гимнастерки красовались два ордена. В руке мальчишка держал котелок с водой, от которого струился пар.

– Вот, выскочил из вагона на минутку за кипятком, а тут ты стоишь и... победа! Конец войне! Наша, слышишь, победа, а тут ты... такая!

Тоня смутилась и затрепетала одновременно. Как победа?! А она и не знала! А мама знает ли? И этот юный солдатик... Кто он? И тут Тоня заплакала. Так громко, навзрыд, давясь слезами, как будто хотела выплакаться за все эти четыре страшных года, изливая из себя всю боль потерь и сломленных судеб.

– Ну что ты, родная! – вдруг сменил тон парнишка. – Ну-ка, поддержи котелок! – Он ловко достал синенький ситцевый платочек и утер Тоне слезы.

– Это же победа! А дальше будет жизнь. Будем жить, слышишь! – И, наверное, всеми силами стараясь успокоить Тоню, добавил: – Замуж за меня пойдешь?

Тоня так и застыла с котелком в руках.

– Я те дам замуж! Шустрый какой нашелся! – прикрикнула откуда-то появившаяся Евдокия Сергеевна. – Не расхолаживай мне дочку, служивый!

– Я не со зла, тетя! – смутился солдатик. – Больно дочка у вас хорошая и родная, как... наша победа!

И Евдокия тоже заплакала, улыбаясь, глядя на изумленную Тоню и этого светловолосого героя, принесшего им весть о победе.

– Как зовут тебя, солдат? – спросила Евдокия Сергеевна.

Но парень не успел ответить. Откуда-то сверху прокричали: «Петро! Давай сюда! Отправляемся!» Рядом с Тоней качнулся вагон, в котором сидели солдаты. Две пары рук высунулись и помогли парню вскочить в уже тронувшийся состав. И Тоня побежала.

– Ты котелок забыл, солдатик, родной! – кричала Тоня.

А он ей:

– Меня Петром зовут, я родом из Казьминок, к мамке возвращаюсь. Ты пиши!

Тоня едва успевала за лязгающим составом.

– А адрес где?

– Пиши, – кричал Петр. – Мы обязательно поженимся и дочку Валюшей назовем, как мою сестричку из медсанбата!

Состав набирал скорость, и последние слова Петра уже еле-еле различил Тонин слух. Она еще долго бежала за уходящим поездом, вопрошая в неизвестность: «Где же адрес?»

Вдруг Тоня поняла, что держит в руках котелок и еще что-то. Это был синенький ситцевый платочек, а в нем – маленький конвертик с адресом Петра.

Через несколько лет они действительно встретились: Антонина Григорьевна и герой Великой Отечественной войны Петр Степанович Шевченко. У них родилась дочь Валечка, моя любимая бабушка, мой большой друг и самый активный читатель!

ЯНА ПАВЛЮН,
г. Новосибирск, 13 лет

«ПЕРЕВЕРТЫШИ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Сразу скажу: я еще не дожила до того срока, сколько шел к своим рассказам Варлам Шаламов. А шел он к ним целых 20 лет! И шел трудно – пошатываясь, спотыкаясь, иногда ползком, иногда переходя на бег трусцой. И еще – в своем культурном развитии я, конечно, не дошла до по-настоящему большой, великой, всепоглощающей литературы (это если честно). Но «Колымские рассказы», которые, будто нарочно в духе того времени, «вычищены» от художественности, произвели на меня впечатление сродни первому удару плети для только вышедшего из стойла жеребенка.

Несмотря на кажущуюся простоту прозы Шаламова, в ее идейной прямолинейности, намеренной аскетичности речевых оборотов, отсутствии ярких метафор для меня на самом деле кроется нечто иное. Как мне кажется, «Колымские рассказы» (впрочем, как и все творчество Шаламова) – это некий моральный, этический и, самое главное, смысловой «перевертыш». Здесь все о людях, но в большинстве своем о тех, кто уже перестал быть человеком. Или всегда о жизни, но ведь на самом деле – об ожидании смерти и умирании, как процессе неминуемом и скоротечном. Или о боли, к которой уже привык, и без нее даже как-то неуютно. Или о цели – заветной, настоящей, выстраданной. Но которая как мираж – лишь манит вдалеке надеждой, дает топливо для того, чтобы коптить еще один день в ожиданиях и заботах.

Сухое и сдержанное, почти документальное описание лагерного быта необъяснимым образом создает намного более сильное – почти на уровне спазмов, на уровне физиологии – впечатление, чем если бы они были окрашены размашистой палитрой. Ад – а лагерь для Шаламова – это, безусловно, ад! – он описывает так, будто это что-то будничное, само собой разумеющееся. Вот двое заключенных вырыли могилу ради одежды покойника. Вот заключенный готов подвести под расстрел своих товарищей ради банки сгущенного молока.

Мне это даже представить сложно: я сгущенное молоко ела только в тортах, и как прожить без него, очень хорошо себе представляю. А герои, вернее, антигерои Шаламова – не представляют. И это страшно. И это – ад!

Несмотря на внешне обличительную риторику автора и излишнюю политизированность, даже в аду Шаламов тоже переворачивает все с ног на голову в душе читателя. А вернее, с головы на ноги, потому что для меня, судя по его биографии и жизненным принципам, Варлам Тихонович – человек честный и принципиальный. Таким же является и его творчество, которое в действительности не против конкретного режима, не против власти, не против советской государственной машины. Оно против лжи, коварства и антигуманизма. Шаламов буквально кричит каждым своим рассказом, каждой буквой о том, что нельзя с людьми обращаться не по-человечески и нельзя в людях убивать человека. Нет такой власти, нет такого режима, нет такого государства, которое могло хоть чем-то оправдать зверства против людей, тем более своих сограждан.

Разве здесь есть что-то, с чем можно поспорить или даже поставить под сомнение? Я недоумеваю от очевидного – или в силу возраста, или в силу характера. И Варлам Шаламов, мне кажется, тоже недоумевал.

«Перевертышем» является и стиль самого автора. В том смысле, что за уже упомянутой сухостью его стиля кроется настоящий поэт. Читая его стихи, можно по-другому посмотреть и на его минималистичную прозу: каждый рас-

сказ – как медитативный, но при этом ужасающий стих. Вообще, слово «страх» и любые его производные – это то, что остается после прочтения «Колымских рассказов».

А еще после них хочется помыться, обязательно с душистым мылом и под горячей водой. И еще хочется согреться – можно просто чаем, сгущенку я бы оставила про запас. Не хочется.

И конечно, «перевертышем» можно назвать кажущееся отсутствие внятной цели или мотивации у героев рассказов Шаламова. Разве что кроме выживания... Нет, там скрыто что-то еще. Может быть – зачем им жить, когда жизнь такова?

У Шаламова была дочь, которая, в силу возраста и внушений, что ее отец – враг народа, могла и не ждать его. Или начать его забывать. А вот он ее забыть никогда бы не мог. Эта была его цель, и это двигало его и его героев в стремлении жить.

На своем жизненном пути я пока не встречала каких-то серьезных катаклизмов, тяжестей или невзгод. Но я открыла эту часть жизни в творчестве Варлама Шаламова. Эти открытия меня напугали и дали шанс подумать об очень многом в нашей вчерашней и особенно сегодняшней жизни.

Я пока не узнавала у своих родственников, «стерегли» ли наши предки или «сидели», или, возможно, были далеки от всего этого (а были ли в принципе тогда такие, кто был далек?).

Как бы то ни было, я бы очень хотела, чтобы именно *так* я узнала о настоящих тяжестях и невзгодах. О том, как жизнь превращается в выживание. О местах, где нет ни сантиметра, ни грамма и ни капли любви. О предательстве, о расчеловечивании, о смерти. Об аде на земле. Чтобы я узнала обо всем этом обязательно, но только из рассказов писателя. А не из своего жизненного опыта.

И я уже знаю: 18 июня 2022 года исполнится 115 лет со дня рождения прозаика и поэта Варлама Шаламова. А значит, есть повод его вспомнить.

МАРИЯ РЯБНОВА,
Республика Татарстан,
г. Агрыз, 16 лет

ДОМ, В КОТОРОМ НЕТ ЧЕЛОВЕКА СЧАСТЛИВЕЕ, ЧЕМ НАСТОЯЩИИ ДУРАК

Роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» оставил после прочтения неизгладимые впечатления. Он не такой, как все, очень загадочный, запутанный. Язык повествования афористичен, переполнен метафорами, даже слова героев значат совсем не то, что на первый взгляд.

«Слова, которые сказаны, что-то означают, даже если ты ничего не имел в виду».

И, если подумать, мы практически не знаем имен героев, два-три имени, и не больше, все остальное – клички, которые присваиваются детям по прибытии в Дом, а присваиваются они не просто так, они отражают суть каждого. Если человек становится другим, то и кличка меняется. Так Кузнечик стал Сфинксом, Спортсмен – Черным, а Вонючка – Шакалом Табаки. Неумолимый процесс взросления.

Но стоит поподробнее рассказать про Дом и почему он Дом, а не просто дом с маленькой буквы. Это школа-интернат для детей с ограниченными возможностями, то есть инвалидов. Но на самом деле многие из них с парадоксальными способностями, Ходоки или Прыгуны, способные оказаться на Изнанке. Это что-то вроде другой мистической реальности: «Время в Доме течет не так, как в Наружности. Об этом не говорят, но кое-кто успевает прожить две жизни и состариться, пока для другого проходит какой-нибудь жалкий месяц».

Сам Дом – как будто другой мир, со своими правилами, законами и реалиями жизни. Настоящую власть здесь имеет только Дом, остальные либо подчиняются, либо исчезают. Своих любимчиков Дом награждает способностями видеть больше, слышать больше, делать то, что остальные не в силах. Самый сильный из них – Слепой. Он – Вожак Дома, которому остальные подчиняются. Однажды Слепому бросили вызов, чтобы свергнуть его, но Вожак своего не отдаст. Он убивает взбунтовавшегося, и остальные жители Дома относятся к этому как к нормальному явлению, они его полностью оправдывают.

Все жители Дома делятся на несколько групп в зависимости от характера и занятий: Фазаны, Псы, Крысы, Птицы и Четвертая группа, не имеющая своего названия. У каждой группы свои лидеры, но они подчиняются Слепому или Дому. Взрослые люди, воспитатели имеют власть, но она слишком ограничена рамками той реальности, в которой они живут. Чаще всего они предпочитают не лезть в дела детей или не в силах что-либо сделать. Да и сами дети очень странные, иногда дикие. Для них мир за пределами Дома – Наружность – страшнее. Многие не желают покидать свое слегка жуткое пристанище, они не готовы жить самостоятельно, а неопределенность заставляет впадать в панику. Поэтому самое страшное время в Доме – время выпуска, когда все находятся в опасности из-за безумств выпускающихся, из-за их страха и ярости. Живя здесь, все подростки сталкиваются с наркотиками, алкоголем, курением. Они способны на серьезные драки и убийства (но не все, только имеющие власть). Они выживают как могут: «Дом не отвечает за тех, кого не пускает в себя. Он не отвечает даже за тех, кого впустил». У созданных Петросян персонажей есть собственные названия для всех важных явлений. Больничное крыло они называют Могильником, класс,

переделанный в комнату отдыха, – Кофейником. Существуют собственные обычаи и ритуалы вроде Ночи Сказок или Самой Длинной Ночи. У отдельных групп есть внутренние законы, часто кажущиеся абсурдными: например, в Четвертой запрещены любые приборы для измерения времени.

Повествование в книгах (это серия книг: «Курильщик», «Шакалиный Восьмидневник» и «Пустые гнезда») ведется о событиях перед новым выпуском, но при этом временные рамки очень условны, а разбросанные по всей книге интермедии возвращают читателя в прошлое, которое путает еще больше, ведь говорится в них вроде о тех же людях, но с другими кличками, в тех же местах, но с разным описанием и ощущением локации. Однако понимание текста и взаимосвязей людей, событий возникает лишь после полного прочтения. Хотя и не у всех. Книгу нельзя осознать полностью или прийти к одному мнению о значении событий. Слишком много недомолвок, дыр в сюжете, отсутствие объяснений. Эту книгу нужно просто прочувствовать и принять.

Финал неоднозначен, каждый из героев сам выбирает для себя, хочет ли он уйти в Наружность или остаться на Изнанке Дома. Слепой остается и оставляет с собой тех, кто не выживет за забором Дома. Но затем он переходит на новый жизненный круг, а Сфинкс ему в этом помогает, помогает жить здесь и сейчас, как когда-то помог Кузнечнику его наставник Лось. Кто-то пытается полностью избавиться от воспоминаний о Доме, а кто-то поддерживает связь со своими друзьями. Но одно можно сказать точно – Дом оставил отпечаток на всех своих жителях, вне зависимости от времени их проживания: «Мечтая о чуде, иногда рискуешь получить его, оставшись при этом ни с чем».

Роман нельзя четко отнести к какому-то из жанров. Все считают по-разному: реализм с элементами фэнтези (казалось бы – как это возможно), философская мистика. Книга уникальна по своей форме. Темы, над которыми размышляет автор в произведении, очень разные, и назвать все просто невозможно, ведь каждый видит в ней что-то свое, каждый выносит то, что ему необходимо. Для себя я отметила такие темы, как сиротство, насилие ментальное и физическое, увечья, тема «сверхчеловека». Герои – подростки, которые учатся жить, совершают ошибки, набираются опыта, пытаются преодолеть себя, ищут свой путь, а эта тема как раз актуальна для меня на данный момент. Сама Мариам Петросян говорила о своем романе: «Я писала эту книгу для себя, и главным для меня было то, чтобы она понравилась мне. Может быть, еще расчет был на очень близких людей». При написании она не ставила цели раскрыть конкретную тему, а просто творила для себя и своей души.

Оценки романа крайне неоднозначны. Читатели разделились на тех, кто считает книгу полным ужасом, не имеющим никакого смысла, и на тех, кто увидел по мере прочтения новую невероятную Вселенную, а в строках – глубокий смысл. И это неудивительно, ведь лишь самые гениальные произведения вызывают бурные обсуждения и споры. «Дом, в котором...» – уникальное произведение литературы, не имеющее аналогов ни в русской, ни в зарубежной культуре.

Для меня эта книга стала одной из самых любимых, мне было очень тяжело расставаться с ней, с героями по завершении чтения. До сих пор, спустя столько времени, у меня появляются слезы на глазах и мурашки при мыслях о ней.

ТАИСИЯ НСЕНОФОНТОВА,
г. Новороссийск, 14 лет

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

На полках моей просторной библиотеки дремлют книги всех мастей и содержания. Хемингуэй расположился рядом с сэром Конан Дойлом, а Пушкин отдыхает в компании Гоголя и Грибоедова, и очевидно, что изменить устоявшиеся связи между ними было бы достаточно глупым решением. И вот, рассматривая стройные ряды деревянных полок, я ищу заветный корешок горячо любимой, зачитанной до дыр в переплете книги. Какая она? Может, это «Маленький принц», сказка, звучащая точно музыка на всех языках, или «Вино из одуванчиков» Брэдли, повесть, пропитанная ласковым летним солнцем?

Наконец, я нахожу ее и бережно вытаскиваю, стараясь не нарушить покоя книжного царства. На серой, выцветшей обложке улыбаются мальчишки и машут мне руками. Ниже такими же потускневшими буквами выведено: Антон Макаренко, «Педагогическая поэма».

Да, возможно, вы удивитесь моему выбору. Но когда мы не встречали по одежке? Почему такой замечательный человек и талантливый педагог не сумел придумать лучшее название своему труду и окрестил его столь уныло? Будто на каждой странице вместо мотивирующих жить и учиться фраз – бесконечные, бездушные научные статьи. Нет, никак я не могу согласиться с Антоном Семеновичем, эта история имеет полное право носить более яркое имя, способное притянуть к себе внимание людей любого поколения.

Быть может, в школе, а может, в институте вам рассказывали о некой колонии имени Горького, где из обыкновенных беспризорников делали настоящих людей, готовых укрепить рабочее советское общество. И руководителем этой организации был не кто иной, как Антон Семенович Макаренко. Сухо звучит, вам не кажется? Не стоит довольствоваться одними голыми фактами, книга перед нами автобиографичная. Личные переживания привыкли не учитывать в пересказе событий, но в данном случае без них не обойтись. Иначе что мы скажем на то, что учитель дал своему воспитаннику пощечину? Что это чрезвычайно непедагогично. Это грубое проявление насилия... и т. д. и т. п. А что нам скажет доподлинный литературный источник? Что сам Антон Семенович расценивает свой поступок как слабость перед подростком, не желающим выполнить бытовое поручение. Он – это важно! – не продолжает использовать подобный метод и запугивать тем самым колонистов. Они приходят к нему извиниться за происшествие, чувствуют и свою вину. Разве эти подробности вытекают из факта? Как полезно иногда интересоваться деталями. Или хотя бы читать хорошую литературу.

Но это я уже ухожу от темы. Со временем (а тот случай произошел еще на заре карьеры Антона Семеновича) в колонию приходит дисциплина. Об этом часто вспоминают, когда рассказывают о жизни горьковцев, и я не исключение. Как говорил сам Макаренко, «дисциплина – это лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убежденность». Но она появляется в колонии не только с введением военной подготовки ребят. Стройность присутствует во всем – в распределении сводных отрядов, обработке полей и прочих обязанностях, организации общих праздников и событий.

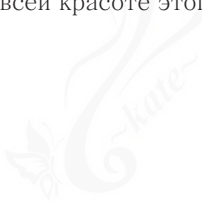
И вот в чем суть дисциплины Макаренко – это не метод и не средство, а РЕЗУЛЬТАТ колоссальной работы всех колонистов и педагогического состава.

Но не на одной только дисциплине успех колонии вырос до невероятных высот. Воспитание через труд проложило надежные связи между ребятами и протянулось сквозь всю их обширную деятельность. Почему педагоги нашего времени забывают об этой основополагающей здорового, крепкого коллектива?

Мы все реже убираемся в классах и реже сажаем деревья на пришкольном дворе, а ведь это самый что ни на есть общий труд. (После этих слов меня, конечно, возненавидят сверстники, мол, и без этих забот хорошо живется.) Пусть это кажется несколько примитивным, но когда проверенные годами принципы нас подводили?

Это суховатые выводы, сделанные Антоном Семеновичем. Но в колонии творились и невероятно веселые вещи. Горьковцы собирали арбузы на баштанах (немного нелегальным способом, но это было последним проявлением их криминального невежества), официально переправляли пассажиров с одного берега речки на другой, ходили на парады в городе и даже играли пьесы в собственном театре! Какая другая организация с похожим некрасивым названием могла бы похвастаться такой же бодрой и энергичной жизнью? Ведь время в России было не самое простое – Революция, Гражданская война... Но колонисты, не обращая внимания на политические настроения, смогли построить для самих себя целый мир на основах, которые заложил Антон Семенович. Почему же его трудам не случилось примениться на практике в больших масштабах в нашей стране? Сложно дать однозначный ответ. ЮНЕСКО объявило Макаренко выдающимся педагогом наравне с Марией Монтессори, его систему признали самой демократичной в мире, «Педагогическую поэму» сравнивают с лучшими произведениями Гете, Руссо, а мы... отчего-то не хотим верить в великого педагога.

Но даже если отбросить все эти несуразные обстоятельства, забыть об Антоне Семеновиче Макаренко как о главном герое повести, вычеркнуть колонию имени Горького из реальности – я все равно буду любить эту книгу всем сердцем. Потому что эта история прекрасна в своем юморе, честности, живости. Она прожита во всей красоте этого слова. И немного жаль, что прожита не мной.

| Юность №3
| Март 2022

НЕФОРМАТ

УГОЛОК ФИЛОЛУХА

(ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ)

МИХАИЛ ГИГОЛАШВИЛИ
Родился в Тбилиси, онончил
филфан Тбилисского универ-
ситета, кандидат филологии,
автор монографии «Рассназ-
чини Достоевского» (1991).
Лауреат премии «Большая
книга — 2010» (за роман
«Чертовое колесо»), финалист

премии «НОС-2013» (за роман
«Захват Мосновии»), лауреат
премии «Русская премия»,
финалист премий «Бунер»
и «Большая книга» (за роман
«Тайный год»).
Сейчас живет в Германии,
преподает в университете
города Саарбрюннена.

У Карамзина: «В глуши дремучих лесов витают
пушистые звери».

Витать — от «обвитати» — «обитать». Витатель.
Витанье. Виталище.

— Дребезги соберем и склеим!

Дребезги — от «дребезжать» или «дробить».

А может, от «брызги»? Или от «вдрызг»? Разбить
в дребезги.

Слово «артикуль» — от *artus* (лат.) — сустав, со-
членение костей: Аристотель учил, что артикли
в предложении играют роль, подобную роли колен-
ного / локтевого сустава: в гнездах суставов-ар-
тиклей двигаются все остальные члены предло-
жения.

Канитель — золотые и серебряные нити.

Просак — станок для вития веревок / канатов,
занимал большую площадь, где были натянутые ве-
ревки / канаты и куда опасно было попасть.

Говорят, что фразеология — это зеркало об-
щества. Если это так (а это, несомненно, так), то
видно, что область труда не занимает какого-либо
места в русском языке: слов для обозначения «хоро-
ший работник» почти нет («трудыга», «работыга»).

Но зато слов, обозначающих «бездельника», —
пруд пруди: лодырь, лоботряс, праздношатающийся,
шалопай, оболтус, балбес, шалопут, сачок, фланер,
филон, шалбер, ленивец, лежебока, обломов, бай-
бак, дармоед...

В одной только Смоленской области была со-
брана масса обозначений «бездельника»: алатырь,
алахарь, балахрыст, базарник, байдуга, байбак,
байтус, банцуй, балтёжник, быкса, байдуска, вис-
лый, воропёха, кавзель, дендюря, дырда, дрыгалка,
лоёха, лёпа, лында, латрыга, луйда, ляга, ошар,
опока, пустогряк, пяхтирь, плёха, сябёр, страбуль,
турбыль, тельпух, тягарик, телепень...

Много слов с корнем «гул»: гулевень, гуляга,
гуляк, гуляка, гулёна, гуляльщик, гуляльщица, гу-
лянок, гулячка, гуляшка, гулявица, гультай, гуль-
тайка, гультайка.

Гультайничать = «бездельничать, бить баклуши».

«Гонять лодыря» связано с именем врача Лоде-
ра, который жил в начале XIX века в Москве в доме
с большим садом и лечил своих больных (страдаю-
щих ожирением московских богачей) минеральными
водами и частыми прогулками по саду. От его за-
ведения, «гонявшего» бездельников, и пошло выра-
жение.

Баклуши — чурбачки, из которых делают ложки.

Работа настолько проста, что стала синонимом безделья, а расписная ложка – русским национальным продуктом.

Олух Царя Небесного. Олух – «волух» – «вол» = воловий пастух. Пастух-глупец, ждущий милости от неба. Другая версия – от болгарского «залух» = рассеянный, тупой человек. Третья версия: от «валяться» → «валух». С этим «бездельным» корнем тоже связано множество слов: валуй, валяха, валяса, валявец, валява, валюга, волюшка, валюта, валень, увалень, валец, волтух, волтуй, валтруп, вальтруп...

Если учесть, что фразеология есть зеркало общества, то выходит, что на Руси палачество и пытки всегда были в почете, чему свидетельство обильная «пыточная» (и часто используемая в сегодняшней жизни) фразеология:

тянуть жилы
тянуть за язык
давать руку на отсечение
приговодить к позорному столбу
гнать в три погибели
стоять как вкопанный
доносчику первый кнут
согнуть в дугу
согнуть в бараний рог

«Подноготная правда» – от ногтей под ногтями, а «подлинная правда» добывалась под «длинниками» – просмоленными кнутами, к концам которых были привязаны кусочки свинца.

Не идет ли воровское «надыбать» («достать», «добыть») от дыбы?

Ползти по-пластунски, как ни парадоксально, идет от «лежать пластом». Когда-то были «пластуны» – род войск, вроде разведки.

Стоять фертом – от названия старославянской буквы «ферт», похожей на стоящего руки в боки человечка – Ф.

«Язынить» = болтать. «Они день и ночь язынят!»

«Язычить» хорошо подойдет в значении «ругать, мучить, долбить языком»: жена мужа целый день язычит. Он его объязычил. В камере кого-то язычат. Изъязычила ты меня до смерти. Хватит его язычить!

Газета – от *gazza*, *gazeta* (итал.) – сорока.

Торпеда – от *torpedo* (итал.) – электрический скат.

Каналья – *canaille* (фран.) – негодяй – от *canaglia* (итал.) – свора собак.

Ракалья – *racaille* (франц.)
Rack (устар. англ.) – собака; *Rakel* (голл.) и *Räkel* (нем.) – пес, собака.

Кожа – праславянское *kozja* – козья шкура.

Каприз, кабриолет, каприччио – от *capere* (лат.) – козел.

От древних греков идет традиция называть созвездия Большая и Малая Медведицы: *arktos* (греч.) – медведь – Арктика. На другой стороне лежит Анти-Арктика – Антарктика.

Верблюд – животное с довольно широким «духовным кругозором», в соответствующих ситуациях он проявляет мудрость, вежливость и даже «рыцарство». Верблюдами на Востоке расплачивались за убитого человека: убийца мог выкупить свою вину за 100 верблюдов.

Но, оказывается, верблюд получил свое имя от слона-эlefанта!

Путь был чрезвычайно прихотлив: старославянское «вельблуд», чешское *velbloud*, польское *wielblad* и другие славянские названия пришли из готского *ulbandus* (слон). А в готское попало из греческого *elephantos* (слон).

«Вельблуд» связан с глаголом «блуждать» (по пустыне?). Блудяга.

Ученые объясняют такой хаос в названии тем, что предки не выдвигали на заре своей истории ни слонов, ни верблюдов. Увидав впервые больших горбатых зверей, на которых ездили степные кочевники юга, они перенесли услышанное от готов «слоновое имя» на это диковинное существо: «А, наверное, это и есть ульбандус!»

Не потому ли бедный верблюд все время должен доказывать, что он не верблюд?

Что это? Бежит корабль о двенадцати лап?.. Четыре четверки и две растопырки?.. Два рога, а не бык, шесть ног без копыт?.. Ноги многи, усы длинные, а хвостиком брык, брык?.. По ножницам швец, по щетинке чеботарь?.. Не кузнец, а с клещами?.. Идет в баню черен, а выходит красен?.. Кто после смерти красен?.. Кто в красной рубашке умирает?.. – Рак.

Пословицы

Горе одного рака красит. Когда рак черен – он куслив и задорен, а когда красен – никому не опасен. Когда рак на горе свистнет. На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома в чести. Как ни учи рака ходить прямо – ничего не выйдет. Криво рак выступает, да иначе не знает. Курица не птица, а рак не рыба. Рак не рыба, а собака не скот. Рак не рыба, прапор не офицер. Рак что орехи: чем больше ешь, тем больше остается. Поколе наешься раков, потолъ проголодаешься.

Показать, где раки зимуют, не просто. Некоторые считают, что идиома связана с тем, что раки вырывают в песке и камнях глубокие норы и, забившись в них, впадают в оцепенение. Найти эти норы нелегко. Другая версия: раки размножаются в самое холодное время, когда большинство обитателей животного мира погружено в зимнее оцепенение.

Разгильдйя – от тюркского имени собственного Уразгильди.

Мегера – от древнегреческого духа мщения Мегера.

Личности, ставшими словами-понятиями:

Хам – сына Ноя

Ирод – царь Ирод

Ловелас – герой романа С. Ричардсона

Ментор – советник Телемака, сына Одиссея

В основе таких разных слов, как «бойкот», «гильотина», «гrog», «мансарда», «гобелен», «силуэт», «сэндвич», «шрапнель», «реглан», «никотин», лежат имена людей, так или иначе участвовавших в создании этих предметов или понятий.

Кошей – от «кость», «костлявый». Кошун.

С этим именем связаны «кошунство», «кошунствовать», «костить», «костерить», «пакость», «пакостничать». Польское *kazic* – портить; чешское *kazit* – портить, наносить вред.

Баба Яга – тоже «костяная нога». В говорах у нее разные имена: Баба Яга, Яга Бура, Яга Бова, Ога Бова, Ягая баба.

Словаки называют свою ведьму Яга-баба и Лежи-баба, чехи – Ежи-Баба.

Морфий – от «Морфей». Морфей и два его брата – Икел и Фантас, а также их отец Гипнос были богами

сна. Братом Гипноса был не кто иной, как сам Фанат (Танатос) – бог смерти. А родным домом этой приятной сонной семейки было подземное царство смерти – Аид.

Лазарет – от библейского Лазаря, больного проказой. В средние века так называли больницы для прокаженных.

Какой Сидор драл свою козу? И как он ее драл?

Сидор – Исидор (греч.) – Исида, богиня земледелия. В русских пословицах Сидор – обычно богатый, но скупой и мелочный человек, например: Сидор и Борис об одной дрались; на Сидора ни одна беда не пришла, ведь у него на любой голодный год припасена копеечка. Или Сидор драл со своих ближних три шкуры, или драл свою козу, которая забралась в огород. Некоторые считают, что в этой идиоме сказалось стремление мести Сидору: если он сам недосыгаем, то пусть хоть его козе достанется основательно.

Не из «богатства» ли Сидора берет начало воровской жаргон: сидор = мешок, который таскает по тюрьмам и пересылкам зэк.

Зато бедный Макар всегда беден, бездомен, незнатен, послушен, почтителен и безответен: У Макара лишь возгрей (соплей) пара; не рука Макару калачи есть; грядет Макар к вечерне от собак в кабак; не рука Макару с боярами знаться; Макару поклон, а Макар на семь сторон; на бедного Макара все шишки валятся. Куда он, нищий пастух, гонял телят – никто не знает. Туда же, где раки зимуют.

Правда, бывают с ним и метаморфозы, что зафиксировано в пословице «Доселева Макар огорода копал, а нынче Макар в воеводы попал». Из грязи в князи.

Объегорить и подкузьмить – кто были эти два афериста-авантюриста?

Оказывается, вовсе не аферисты, а святые Кузьма и Егорий: на Кузьминки, в день св. Кузьмы (17 октября), с крестьянами производился годовой расчет, при котором хозяева старались обмануть крестьян. А полностью расчеты с батраками заканчивались 26 ноября, в день св. Егория, когда из окончательно «объегоривали». Есть глагол «егорить» – обманывать.

Мишка в значении «медведь» – от древнерусского «мечька», болгарского мечка, литовского *meška* – медведь. Ведьмедь, который ведает, где мёд.

Петя в значении «петух» – от древнерусского «потя», «потка» – птица.

Машка в значении «кошка» – от древнеславянского наименования этого животного (болгарское «маче», «мачка»; сербскохорватское «мачка»; польское *maciek*, чешское *macek*).

Время – от праславянского *verme*, связано с глаголом «вертеть». Вереница – того же корня.

Рок связан с глаголом «реку» (говорю) и его производными: речь, изрекать, прорицатель, предсказать, урок, срок.

«С легким паром!» – раньше это пожелание должно было предохранить моющегося в бане от козней баенника – домового, живущего в бане.

«Ни пуха ни пера» прежде говорили перед охотой, чтобы обмануть леших, оберегавших лесную добычу от человека.

Минута – усеченная форма латинских словосочетаний *minuta hora* (уменьшенный час) или *pars minuta prima* [первая сокращенная часть (часа)].

Секунда – усеченная форма сочетания *pars minuta secunda* [вторая сокращенная часть (часа)], где *secunda* – порядковое числительное «вторая».

Вооружен до зубов восходит, по версии Рабле, к древнему анекдоту о том, как некий древнееврейский пророк, съев книгу, обрел совершенную ученость, по другой версии – это просто прозрачная метафора, поскольку зубы – самое естественное и всегда «сподручное» оружие.

До зарезу, позарез – от «зарез» – так называют и складку кожи на круто изогнутой шее лошади, и место на шее убойного животного, где режут.

«Дело табак» пришло из жаргона волжских бурлаков: когда они тянули на лямках груженные баржи, идя по берегу Волги, им приходилось пересекать вброд попадающиеся на пути небольшие притоки. Чтобы не замочить кисет с табаком, бурлаки подвязывали его на груди или под мышкой. Если брод был глубоким и вода доходила «до табака» или «под табак», дело было плохо, дальше двигаться было опасно.

Поприще – от глагола «переть» (идти): первоначально это был путь, по которому идут, место, которое попирают ногами.

С гаком – от немецкого *Haschen* (крюк). В словаре В.И. Даля это, помимо прочего, и «мера земли в балтийском крае (то есть Остзейских провинциях), не равная, смотря по качеству почвы: рижский гак почти вчетверо больше эзельского, прочие между ними».

А может, этот гак – от немецкого *hacken* – рубить? Прирубить себе немного от чужого. Или вообще возник по звуковым ассоциациям: когда рубят, «хакают» или «гакают».

Метр – от греческого *metron* (мера). С 1791 года в качестве основной меры длины устанавливался метр, который составлял одну сорокамиллионную долю парижского меридиана.

Грамм – от греческого *gramma* (надпись, обозначение), равен весу чистой воды в объеме 0,01 кв. м при температуре 0° по Цельсию.

Литр – от греческого *litra* (весовой фунт).

Навь – божество смерти у славян. Навь, Нав, Навье – обозначение покойников. Праздновался Навий день – день поминовения умерших. Навки или мавки – девочки, умершие некрещеными и ставшие русалками. В болгарском языке нави – злые духи, сосущие кровь у рожениц.

Навь – от «ныть», «нытье». Возможно, связан также с *nao* (греч.) – плову – *nautilus* (лат.) – моряк / *navis* (лат.) – корабль, что, в свою очередь, может быть связано с традицией «переплытия» мертвыми реки смерти или с перемещением души покойного на небо, в небесный океан. Если небо виделось человеку океаном, отделяющим мир живых людей от царства умерших, то облака и тучи – это корабли, которые плывут по воздушному океану и переносят в небо души усопших. На одном из этих кораблей покоится Перун, умирающий на зиму. Корабль этот в черном траурном убранстве. Русская загадка так изображает весеннюю тучу, на которой пробуждается от зимнего сна бог-громовик: «Гроб плывет, мертвец ревет, ладан дышит, свечи горят».

Бзык нашел! Бзык (озык) в говорах – это овод, слепень. Животное или человек с бзыком (бзиком) – бесноватые, ненормальные. Поскольку одним из видов сумасшествия и бесноватости является пьянство, оборот «быть под мухой» также связан с порчей.

Абракадабра – магическая формула, на древнееврейском звучит как «авракадавра» и значит «Скройся, нечистый!». Одновременно это было имя

идола Сирийского, которое усвоили греки и передали дальше, в народы, как формулу магического заклинания. Имеет графическое изображение:

a b r a c a d a b r a
a b r a c a d a b r
a b r a c a d a b
a b r a c a d a
a b r a c a d
a b r a c a
a b r a c
a b r a
a b r
a b
a

Типун тебе на язык! Типун – это небольшой роговой бугорок на кончике языка у птиц, особенно домашних, который помогает им склевывать пищу. Разрастание такого бугорка может быть признаком болезни, о чем говорит пословица: «Чужие петухи поют, а на наших типун напал».

По суеверным представлениям, типун обычно появляется у лживых людей. Отсюда и недоброе пожелание, знахарское заклинание, которое призвано наказывать лжецов и обманщиков.

Со временем его первоначальный смысл несколько изменился и превратился в запрет говорить, что не следует, под угрозой наслать что-либо плохое. У Даля: «Сип тебе в кадык, типун на язык!»

Бойко подвешен язык – может быть, в значении: язык колокола подвешен так мастерски, что хорошо и звонко бьет в бока? Языком молоть, чесать, мести.

Немецкие присказки и поговорки о деньгах

Лучше денег могут быть только большие деньги. Деньги не делают счастливым, но успокаивают. К деньгам надо относиться с уважением, чтобы и они вас уважали.

Мужик без денег – что бык без рогов.

Денег лучше иметь много, чем мало.

Деньги места мало берут, но много пользы приносят.

Друзья – хорошо, а деньги – лучше.

Лучший друг – марка, а самый лучший – доллар.

Кто не уважает пфеннига – недостойн талера.

Деньги не знают родства.

Деньги – лучший подарок.

О деньгах не говорят – их имеют.

Есть вещи важнее денег, но без денег их не получить!

Номо читающий:

читчик, читака, читайчонок, читальщик, читулька, читайка, читаец.

В сумасшедшем доме один – с ума сходит, другой – в себя не приходит, третий – бредит, у четвертого – крыша едет, пятый – псих, шестой – свих, седьмой – чокнут, восьмой – тронут, девятый – в белой горячке, десятый – в черной спячке. Словом, все с дурцой и придурью, у всех мозги набекрень, вопят, кому не лень.

Печальная медицинская сказка

Встретились Палочка Коха, Бледная Спирохета и Болезнь Боткина. Палочка Коха начала залупляться:

– Сейчас на человека нападут, все легкие ему выем, будет знать, как микробов обижать!

Спирохета корячится и шерится:

– Язву ему вгоню в рубанок!

Болезнь Боткина тоже не отстает, ерепенится, гоношится:

– Сразу в печень ему вгрызусь, пообедаю!

Тут Лучи Рентгена подоспели, зашипели:

– Ах вы твари, бациллы! Всех вас насквозь видим! Не дадим человека мучить! Всех на чистую воду, на черный снимок выведем!

– Чего так? – удивились микробы. – С чего это вам человеку помогать вздумалось?

– А с того, что без человека у нас работы не будет, зачахнем, – отвечают Лучи Рентгена. – Лучше человека в постоянном страхе держать. И вам, тварям, хорошо – питаетесь и жируете, и нам неплохо – на службе, при деле, просвечиваем и облучаем понемногу...

Услышали все это Кодеин с Пенициллином.

– Слышал, что эти суки затеяли? – возмутился Пенициллин и прихлопнул Палочку Коха.

– Бей их, зарази! – поддержал Кодеин и проглотил Бледную Спирохету.

А против Болезни Боткина из аптечки вылез сам дядя Морфий, сказал:

– Нас потому лекарствами зовут, что мы человека лечим! – и добил желтую язву.

А потом сам в человеке угнездился и жил припеваючи до тех пор, пока человек не умер от ломки, горько думая перед смертью: «Лучше бы я Палочке Коха отдался, Бледную Спирохету в себя принял или Болезни Боткина уважение оказал, чем с таким ханжой, как Морфий, связываться... Никому не советую!»

В чужих руках и хлеб – пряник.

У проходимца повышенной проходимости башка с дурцой, а тело – с дрябцой.

Растяпа – от «тети» (убивать). Тать тяпнул растяпу тяпкой.

Недотепа-недобиток долго пил спиртной напиток.

Не шнуруй меня! = Не затыкай мне рот!

Это просто – и зверь поймет.

Скуда (голод) – скудельный (бедный) – скудный (бедный) – паскуда (нищий).

Бедность не порок, но паскудное паскудство.

Перун, бог молний и грома, – злой бог: ему приносили человеческие жертвы. Он – шумный бог, создаёт раскаты, грохот, залпы, гром, пускает ветры – словом, Пердун.

Плут – от «блуд»? Кто плут, у того денег пруд. Кто плут, тому в глаза срут. Кто плут, для того кнут. Кто плут, того на прут.

Оболтус = балбес = балда = растяпа = лопух = олух = обалдуй = охламон.

Нервяк = нервный человек. Или тот, кто на нервы действует? Нервулек, нервяшка.

Чувырло = морда. Что-то мне твое чувырло не по душе...

Веселуха тебе, соплежуй: ешь ананасы, рябчиков жуй!

Закулисная закулиса.

Тварь, тварина = творение, то, что сотворено.
Творчество твари = тварчество.
Тварило сотворило. Творение тварины.

Трус – от «трясти». Трус, кто трясется. Трус-трясун прочитал много сунн.

Тряпка – от «трепать»; трепанация черепа – тряпинация мозга.

Хамыга-ханыга, пивная мотыга.

Хапуга = хапужничество. Жемчужничество.

Харя и харизма – наверняка одного корня.

Хваста = хвастун.

Хмурая хмырь, жабоморда с жопьими щеками.

Где ты таких словей нахватался? Совсем падежов не знаешь!

Ублюдок – от «блюсти». Блюдет ублюдок блюда блеск. Какая разница между лизоблюдом и блюдолизом?

«Убогий» и «богатый» – одного корня.

«Яд» и «еда» – одного корня.

«Истовый» и «неистовый» – одного корня.

Хлыщик, хлюст и брандахлыст заполняли вместе лист.

Мазур, прохиндей, прохвост оторвали кошке хвост.

Считается, что «фраер» – от нем. *freier* – свободный. А может, от нем. *frauer* (от Frau – женщина) = тот, кто с бабами возится, слабак, подкаблучник?..

Хабал – хабальник – хабалда = наглый человек.

Халда = грязнуха = распустеха.

Шлях – шляхтич – шлюха – шлюхота.

Эгоист = Яист.

Дубинал = дурак, дубина.

Мразота = мразь.

Шалыган = шалавый = шалай.

Шаромыган = попрошайка.

Не ерепень прошлого! Не ерепень душу!

Прижукнуться = замереть. Прижукнитесь там, под нарами!

Жальник = могила.

Возможно, невинные тарталетки и тартинки – одного корня с царством мертвых Тартаром (произошедшем от «татар»). Путь из татар в бутерброды лежал через Францию, где есть блюдо «тартар» – фарш из сырого мяса, мажется на хлеб. Татары – тартар – Тартар. Татары, наевшись тартинок, сгинули с картинок. Хотя тарталетка может быть и от «торта» – маленький тортик.

Хныксе дали по биксе.

Найденыш-грудныш извел выше крыш.

Грызуха проела дыру в трухе и долго копалась в рыбной ухе.

Брюзгач любил первач.

Губастая губатка, рогатая рогатка.

Блатная музыка = по фене ботать = куликать по-свойски = курсать по фене = кургать по соне = рибий язык. Курсать, куликать. По-нашему курсает.

Таить – татьба – тать – татёбная (большая кража). Шиш и тать грабят опять.

Каин = скупщик краденного – от Каина + от литовского *kaina* (цена).

Глоты и храпы – те, кто наглы и красноречивы. Глот построил плот, взял храпа на трап.

Видра = отмычка.

Шаер = ломик.

Желток = золотые часы.

Белок = серебряные часы.

Агрегат, насос, самосвал, ширлówka = шприц.

Банг = гашиш.

Жильщик = кто колется.

Зверь, зверек = барыга в Средней Азии.

Вены = венóк, веня́к, венярка, труба.

Спускаться на парашюте = делать лесенку = снижать дозу, чтобы слезть с иглы.

Хылкачить = хэшить = курить гашиш. Хылкач.

Дербанить = грабить. Дербан = дележ награбленного. Дербан дербанить = делить награбленное.

Шприцы-самотыки, колеса-самокаты, косяки-самопыхи, менты-самовязы.

Драп = гашиш. Драпагон, драпарик. Драпагонов целый вагон, драпариков – тележка.

Драпарник = с кем куришь. Драпать с драпарями.

Кайф бычий. Кайфолов. Кайфолом. Кайфуша.

Ширакежник, ширакенщик, ширакет, шмыгальщик = наркоман.

Дамы, пугливые как ламы.

Я и моя комната

Я исполнитель как дверь, удобен как стол, приветлив как окно, холоден как стена, услужлив как стул, вальяжен как кресло, уютен как кровать, скрытен как шкаф, открыт как горка, глуп как буфет, болтлив как радио, застенчив как занавеска, неприхотлив как унитаз, оптимистичен как раковина, вспылчив как чайник, хитер как замок, исполнитель как холодильник, бесстрастен как потолок, покорен как пол, вкрадчив как удлинитель, неприветлив как сундук, угрюм как угол.

Усердчивый (усидчивый + усердный).

Дурнина.

Я ему зла не желаю, но лучше, чтоб он сдох.

Некто, зовомый Филаретом, главоотсечен на Красной площади и погребен в убогой яме.

«Отведайте чуть-чуть сей лакомый обед из этой части Вед, где собран весь сюжет!.. Буклет – в букете. Букет – в пакете. Пакет – в карете. Лестница, дверь, шпингалет. Пакет – на паркет. Брюки, жилет. Дуплетом минет. Двустволкой лизет. Рюмка-буфет. Из шкафа – скелет, в кимоно разодет. Где пистолет? Где двойка, семерка, валет? Выстрела кровь. Туалет. Парапет. Кончен крикет. Возвращаю билет! Ах, приглашение на обед? Привет, привет. Где тут буфет? Какой браслет! И да, и нет!»

Говорят, что «тать» – от «таить». А откуда немецкое слово *Tat* (поступок), в том числе и *Straftat* (преступление, поступок, достойный штрафа)?

Вор – вначале смутьян, подстрекатель, тот, кто «ворочает», «варит».

Разбой – отъятие силой, через бой взять.

Работник ножа и топора.

Чумовая чушка, чахлая зверушка, общая игрушка.

Василий-Колбасилий.

На безморалье и коммунист – соловей.

Меня аж дурняк прихватил.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ ИЛЬИ ИЛЬФА

АНТОН МАРИНИН
Родился в Москве в 1977 году.
Выпускник британского
университета. Работает
специалистом по связям
с общественностью.

Придя в газету «Гудок» в 1923 году, Ильф проработал в ней вплоть до 1928 года. Следуя актуальной и в наши дни журналистской практике, он периодически сотрудничал с другими изданиями. Остается только гадать, как в список этих изданий попала, как бы сейчас сказали, областная газета «Красное Запорожье», чей официальный статус звучал следующим образом: ежедневная газета Запорожского Округкома КП(б)У [Коммунистической партии (большевиков) Украины], Окрпрофбюро и Окрисполкома...

|||||

Цветущий Маруся величественно шлепал малень-

Проклятые иностранцы
вели себя как ангелы
в тюрьме, как испорченный
примус.
Они не гудели, ничего
не нарушали, ничего
не переступали и были
скучны до омерзения.
Рука, бессмертная рука
в зеленых кантах, рука,
не устававшая писать
протоколы и размахивать
красным жезлом, бессильно
повисла у кушака.

ких босячков, вежливо писал протоколы на безобразников и пламенно драл штрафы с граждан и лошадей, переступивших закон.

Кровь и молоко кипели в Марусе, рука его не уставала махать и писать.

И все это кончилось в один весенний день.

– Тебе новый пост! – сказали Марусе в отделении. – В текстильном переулке!

Это было явное оскорбление. Маруся похолодел.

По Текстильному не ходил трамвай!

В Текстильном не было ни одной пивной!

В Текстильном жили только старые, хорошо высушенные, дамы.

Это – богадельня.

Там на посту инвалиду стоять!

Что будет там делать кровь и молоко, сам закон в зеленой куртке?

– Будешь против посольства стоять. Ты смотри уже, не подгадь!

Маруся печально цокнул сапогами и пошел на новое место.

Фасонное посольство крохотного государства вело жизнь загадочную и скучную, то есть:

Носило узкие штанишки,

Каждый день брилось,

Разговаривало между собой на иностранном языке, Вылетало со двора на рыжем, дорогом автомобиле, И больше ни-че-го!

Розы погасли на мужественных щеках Маруси.

О драках и штрафах не могло быть и речи. Вся работа сошла на нет.

Проклятые иностранцы вели себя как ангелы в тюрьме, как испорченный примус.

Они не гудели, ничего не нарушали, ничего не переступали и были скучны до омерзения.

Рука, бессмертная рука в зеленых кантах, рука, не устававшая писать протоколы и размахивать красным жезлом, бессильно повисла у кушака.

Погода была самая благоприятная для скандалов, для езды с недозволенной быстротой, для пыльного, наконец, слишком громкого пения, которое на худой конец можно было тоже оштрафовать. Но они даже не пели.

Долгие ночи оглашались вдохновенными воплями, но то были вопли в соседних переулках.

Эти вопли укрощал не он, отважный Маруся. Нет, их умиряли другие, счастливые!

Маруся засыхал.

На глазах гордого Запада погибал советский милиционер. Волнующие картины буйной Трубной площади плавали перед глазами Маруси.

Это было славное прошлое. Рука Маруси поднялась, но снова упала.

Нет, это был только тихий, совершенно семейный Текстильный переулок.

И в то же время ясный и оглушительный крик поразил Марусю.

Безусловно, где-то очень близко заварилась прекрасная драка.

Маруся неустрашимо высморкался и сделал несколько шагов.

Вперед него, задыхаясь, пробежали любопытные.

Маруся подвинулся в конец своего переулка (дальше уйти было нельзя) и вытянул хилую шею.

Голоногие ребята разносили свежие новости:

– В тупике! Стекла бьет!

Летели и мели юбками бабы.

– Мама мои! В дым! Пьяный – распяный! Двое милицейских справится не могут.

Сердце Маруси стучало и колобродило.

Из тупика донесся свисток о помощи. Пьяный ужасно заорал.

Маруся оглянулся на посольство. Там скучно и тускло горели огни.

– А пропади вы!

И полный нечеловеческого восторга Маруся ринулся на крик, на шум и сладостные свистки.

